This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HD1761
S5617
1906

Saimons, A. M.

STANFORD
LIBRARIES

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Е. Д. МЯГКОВА.
„КОЛОКОЛЪ".

А. М. Саймонсъ.

Американскій фермеръ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО
И. М. РУБИНОВА
ассистента статистическаго бюро министерства земледѣлія
въ Вашингтонѣ
И
Р. Рубиновой.
(со второго дополненнаго изданія) съ предисловіемъ автора
къ русскому изданію

Цѣна 30 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", Б. Подъческ., 39.
1906.

ИЗДАНІЯ
Е. Д. Мягкова „КОЛОКОЛЪ".

С.-Петербургъ, Стремянная, домъ № 7, кв. 3.

Адресъ для телеграммъ: **Петербургъ—Библіотека.**

Телефонъ 53—88.

К. Каутскій. Эрфуртская программа. Съ 3-мя предисловіями автора. Съ приложеніемъ Программы Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи. Второе изданіе. Ц. 20 к.

Каутскій. Общественныя реформы. (Соціальная реформа и соціальная революція. На другой день послѣ соціальной революціи). Пер. Санина подъ ред. Н. Ленина. Ц. 20 к.

В. Либкнехтъ. Отъ обороны къ нападенію. Рѣчь, произнесенная по случаю годовщины основанія народнаго союза въ Кримитшау 22 октября 1871 г. Пер. подъ ред. В. А. Поссе. Ц. 10 к.

Лассаль. Гласный отвѣтъ Центральному комитету, учрежденному для созванія общаго Германскаго Конгресса въ Лейпцигѣ. Ц. 5 к.

Ж. Гэдъ. Коллективизмъ. Пер. съ франц. подъ ред. В. А. Поссе Ц. 3 к.

Борнгаймъ. Чартистское движеніе въ Англіи. Съ двумя приложеніями. Пер. съ нѣм. подъ ред. прив.-доц. Н. А. Рожкова. Ц. 20 к.

Изъ исторіи соціаль-демократіи въ Германіи. Составлено по книгѣ Расселя „Германская соціаль-демократія" подъ ред. Н. А. Рожкова. Ц. 10 к.

А. Бебель. Женщина и соціализмъ. Полный пер. съ 34-го нѣм. изд. подъ ред. В. А. Поссе. Ц. 70 к.

А. Бебель. Будущее общество. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. А. Поссе. Ц. 10 к.

М-т-ш-а. О всеобщемъ избирательномъ правѣ, подъ ред. прив.-доц. Н. А. Рожкова. Ц. 3 к.

К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. Капитализмъ и коммунизмъ. (Коммунистическій манифестъ). Ц. 3 к.

Менгеръ. Право на полный продуктъ труда. Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ предислов. прив.-доц. Н. А. Рожкова. Ц. 30 к.

Ф. Лассаль. Принципы труда въ современномъ обществѣ. (Программа работниковъ) пер. съ нѣм. Ц. 5 к.

А. Бебель. Академики и соціализмъ. Рѣчь, произнесенная на студенческомъ собраніи въ Берлинѣ 17 декабря 1897 года, поправлена и дополнена авторомъ пер. съ нѣм. Ц. 5 к.

К. Каутскій. Классовые интересы. Перев. съ нѣмец. подъ редакц. В. А. Поссе. Ц. 5 к.

Либерализмъ и демократизмъ. Ц. 5 к.

Мих. Ник. Ковалевскій. Изъ исторіи государственной власти въ Россіи Ц. 25 к.

К. Марксъ. 18-ое Брюмера Луи Бонапарта. Пер. съ нѣм. подъ ред. прив.-доц. Н. А. Рожкова. Ц. 20 к.

К. Каутскій. Республика и соціаль-демократія во Франціи. Вып. I. Пер. Санина. Ц. 7 к.

[illegible]

А. М. Сайнонсъ

Американскій фермеръ.

(со второго [illegible]

И. М. РУБИНОВА

[illegible]

Р. Рубиновой

[illegible]

Предисловіе автора къ первому изданію.

Всѣ тѣ, которые выступаютъ на новое поприще соціологическихъ изслѣдованій, могутъ всегда легче ошибиться, чѣмъ тѣ, которые идутъ избитой дорогой. Въ этой книгѣ едва ли найдется страница, на которой не приходилось бы дѣлать извѣстныхъ заключеній или указывать на извѣстные пункты, которые раньше не обсуждались на страницахъ другихъ работъ. При такихъ условіяхъ необходимо было тщательное изученіе и всестороннее изслѣдованіе каждой стороны вопроса. Но область, затрагиваемая этимъ вопросомъ, такъ обширна, что на каждомъ шагу открываются новые горизонты, новыя области знанія, разработка которыхъ была бы весьма полезна, но дѣло въ томъ, что ради этого пришлось бы отложить изданіе книги на неопредѣленное время.

Задача оказалась для меня еще болѣе трудной потому, что я могъ посвящать работѣ часы, отнятые у другой литературной работы, связанной съ положеніемъ редактора журнала; слѣдовательно, предо мной были двѣ альтернативы. Во-первыхъ, — я могъ написать небольшую монографію, затронувъ только одну сторону вопроса и не стараясь освѣтить его со всѣхъ сторонъ, а во-вторыхъ,—я могъ, такъ сказать, намѣтить бѣглыми штрихами границы всего вопроса, указавъ на возможную разработку его, и, насколько возможно, устранить возможность ошибокъ, подробно обозначивъ всѣ источники, которыми я пользовался. Я выбралъ послѣднее, и буду вполнѣ доволенъ, если моя работа возбудитъ большій интересъ къ аграрному вопросу въ людяхъ, изучающихъ соціальныя проблемы Америки, и заставитъ ихъ взглянуть на него съ соціалистической точки зрѣнія.

Самой существенной потребностью на этомъ поприщѣ является изданіе монографій по различнымъ вопросамъ теоріи сельскаго хозяйства. Если это будетъ сдѣлано, въ близкомъ будущемъ возможно будетъ всестороннее изученіе этого вопроса, основанное на тщательномъ изслѣдованіи всѣхъ его развѣтвленій.

Отмѣчая источники, я не старался указывать на всѣ работы на иностранныхъ языкахъ, которыми я пользовался, за исключеніемъ наиболѣе важныхъ; за исключеніемъ одной или двухъ обширныхъ работъ, я ограничился общими ссылками на нихъ, не обозначая подробно, гдѣ именно можно найти свѣдѣнія по какой-либо спеціальной сторонѣ вопроса.

Предисловіе автора ко второму изданію.

Годъ тому назадъ, когда вышло первое изданіе этой книги, соціалисты такъ же мало интересовались американскимъ фермеромъ, какъ американскій фермеръ соціализмомъ. Въ настоящее же время почти никто не будетъ отрицать, что аграрный вопросъ возбуждаетъ большій интересъ, чѣмъ всѣ другіе, которые соціалисты затрагиваютъ, и соціализмъ распространяется въ средѣ фермеровъ съ большой быстротой. Я былъ бы слишкомъ скроменъ, если бы не приписалъ этой перемѣны, до извѣстной степени, моей работѣ, хотя, въ сущности, мы обязаны этой перемѣной новымъ экономическимъ условіямъ, которыя только начали зарождаться годъ тому назадъ, но съ тѣхъ поръ успѣли сдѣлаться важнымъ факторомъ нашей соціальной жизни.

Благодаря многимъ перемѣнамъ, происшедшимъ за прошлый годъ, я счелъ нужнымъ переработать всю книгу, вмѣсто того, чтобы только снабдить ее приложеніемъ или примѣчаніями. Вполнѣ естественно, что первая часть книги не подверглась почти никакимъ измѣненіямъ, ибо ходъ настоящихъ событій не измѣняетъ исторіи прошлаго. Что касается второй части, то она была почти цѣликомъ переработана, дополнена и исправлена, соотвѣтственно новымъ матеріаламъ, появившимся съ тѣхъ поръ, изъ которыхъ особенно важны статистическія данныя переписи 1900 г. и отчетъ „Индустріальной Комиссіи“ (Report of Industrial Commission). Глава о „концентраціи“, — по моему мнѣнію, наиболѣе важная во всей книгѣ, — подверглась радикальнымъ измѣненіямъ. И все-таки я не думаю, что заключенія, къ которымъ я пришелъ въ первомъ изданіи книги, могли измѣниться, благодаря новому матеріалу. Наобо-

ротъ, соціальная эволюція дала много новыхъ доказательствъ вѣрности этихъ выводовъ.

Въ настоящее время вполнѣ очевидны два факта: первый,—что мелкій собственникъ сталъ постояннымъ факторомъ въ сельскохозяйственной жизни Америки и представляетъ самую многочисленную группу производящаго класса; второй,—который является слѣдствіемъ перваго,—что всякое движеніе, отстаивающее интересы этого класса, должно считаться съ фермеромъ. Съ другой стороны, укажемъ на два весьма важныя соображенія: во-первыхъ, какъ бы многочисленна ни была эта группа, она недостаточно многочисленна, чтобы оградить себя отъ поползновеній эксплуатирующаго класса Америки; кромѣ того, изолированность и отсутствіе организаціи мѣшаютъ этой группѣ стать во главѣ какого-либо національнаго соціальнаго движенія. Во-вторыхъ,—и это опять-таки является слѣдствіемъ перваго,—для того, чтобы успѣшно отражать натискъ эксплуатирующаго класса, фермеры должны примкнуть для совмѣстной работы къ другой группѣ тружениковъ, лучше организованной и болѣе однородной,—къ городскимъ наемнымъ рабочимъ. Таково направленіе, по которому идетъ эволюція въ настоящее время и по которому она пойдетъ еще быстрѣе въ будущемъ.

Предисловіе автора къ русскому переводу.

Несмотря на то, что Америка всѣми единогласно признана страной, гдѣ капитализмъ достигъ высшей степени развитія, въ то время, какъ Россія вступаетъ послѣдней въ этотъ историческій фазисъ,—доминирующее положеніе, занимаемое земледѣліемъ, почти одинаково въ обѣихъ странахъ. И въ Россіи и въ Америкѣ аграрный вопросъ очень важенъ для революціоннаго движенія. И въ Россіи и въ Америкѣ земледѣльческій классъ составляетъ такую большую часть производящаго населенія, что всякое движеніе, стремящееся къ ниспроверженію эксплуатирующаго класса, заранѣе обречено на погибель, если оно не будетъ считаться съ хлѣбопашцемъ. Эти двѣ страны—суть житницы міра, и какой бы методъ производства ни ожидалъ насъ въ будущемъ, земледѣліе будетъ играть въ немъ большую роль.

Но здѣсь сходство кончается. Американскій фермеръ, употребляющій наиболѣе усовершенствованныя орудія въ мірѣ, съ его свободными и демократическими традиціями, казалось бы, имѣетъ мало общаго съ русскимъ крестьяниномъ, недавно освобожденнымъ изъ рабства, прикованнымъ къ извѣстной деревнѣ, употребляющимъ самыя примитивныя орудія и привыкшимъ къ самодержавному режиму и коммунистическимъ методамъ мѣстнаго управленія. Но каково бы ни было прошлое,—въ настоящее время оба они стонутъ подъ игомъ царя-капитала.

Русскія поля уже начинаютъ обрабатываться машинами, изготовленными американскими трестами. Зная, какой переворотъ въ земледѣліи производятъ эти машины, мы не должны обладать пророческимъ даромъ, чтобы предсказать, что въ недалекомъ будущемъ рус-

скому крестьянину придется разрѣшать тѣ же задачи, надъ разрѣшеніемъ которыхъ бьется теперь его товарищъ-фермеръ на равнинахъ далекаго Запада.

Уже и теперь биржевые игроки, спекулирующіе хлѣбомъ, возстановляютъ одинъ противъ другого эти два великіе класса на міровыхъ рынкахъ, для того, чтобы вѣрнѣе поработить оба класса. Правда, что большее порабощеніе одного заковываетъ еще крѣпче цѣпи другого, но правда и то, что ни одинъ не можетъ освободиться отъ оковъ безъ того, чтобы не сбить ихъ съ другого.

Эта книга была написана съ цѣлью оказать посильную помощь американскимъ фермерамъ въ ихъ борьбѣ за свободу, обратить ихъ вниманіе на существенныя стороны лучшей системы производства и указать на необходимость дружной, совмѣстной работы съ ихъ братьями-тружениками на фабрикахъ, на заводахъ и въ рудникахъ. Я вѣрю и надѣюсь, что она принесла плоды, какъ бы незначительны и незамѣтны они ни были. Если эта книга окажетъ хотя бы самую ничтожную помощь русскимъ труженикамъ деревни и города, которые борются за свое освобожденіе, я буду считать, что мой трудъ былъ вознагражденъ сторицей.

А. М. Саймонсъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Историческій обзоръ.

ГЛАВА I.

Введеніе.

Исторія американскаго фермера, его настоящія проблемы и вѣроятное будущее — представляютъ весьма оригинальное, единственное въ своемъ родѣ явленіе, но тѣмъ не менѣе, онъ игралъ болѣе крупную роль въ соціальномъ развитіи своей эпохи, чѣмъ фермеръ всякой другой національности въ настоящемъ или прошломъ. Благодаря этимъ фактамъ, вся обширная европейская литература по аграрному вопросу оказывается почти безполезной для изученія земледѣльческихъ проблемъ въ Америкѣ, за исключеніемъ той части ея, которая трактуетъ только общія стороны этого вопроса.

Въ Европѣ земледѣліе еще и до сихъ поръ въ значительной степени находится подъ вліяніемъ пережитковъ феодальной системы. Крупныя помѣстья ведутъ свое происхожденіе съ этой стадіи общественнаго развитія. Сотни мелочей, оказывающихъ свое вліяніе на взаимныя отношенія землевладѣльца и арендатора, сохранились еще съ эпохи крѣпостного права [1]).

Расположеніе полей, форма владѣнія землей, даже порядокъ сѣвооборота — все это до сихъ поръ управляется традиціями того времени, когда земля, окружавшая каждую деревню, или распредѣлялась на отдѣльные участки для крѣпостныхъ, или считалась общиннымъ владѣніемъ. Такимъ образомъ феодализмъ представляетъ исходный пунктъ при обсужденіи аграр-

[1]) Kautsky—«Agrarfrage», стр. 14—26.

наго вопроса въ Европѣ. Слово „фермеръ“ стало тамъ обозначать „потомственнаго крестьянина“, въ большинствѣ случаевъ невѣжду и реакціонера, который привыкъ ожидать отъ правящихъ классовъ всего, даже тѣхъ нововведеній, которыя касаются его занятія—земледѣлія. [1])

Американскій же фермеръ, напротивъ того, поселился на материкѣ, гдѣ отсутствовали какія бы то ни было соціальныя и политическія формы, такъ же какъ и какое-либо промышленное развитіе. Община создавалась по мѣрѣ того, какъ поселенцы строили свои бревенчатыя хижины, и характеръ этой общины, какъ всегда, опредѣлялся достигнутой стадіей индустріальнаго развитія и физическими условіями, среди которыхъ члены этой общины работали. Первое—т. е. индустріальное развитіе—было такъ же разнообразно, какъ исторія человѣчества; второе — т. е. физическія условія—такъ же разнообразно, какъ разнообразны географическія условія земного шара. Американскій фермеръ создавался изъ множества различныхъ національностей въ теченіе четырехвѣкового періода. Каждая изъ этихъ націй находилась на различной степени общественнаго развитія, и иммигрантъ приносилъ съ собой обычаи, присущіе той степени развитія, на которой страна находилась во время его отъѣзда. Америка сплавила всѣ эти разнообразные обычаи и традиціи, образуя смѣсь, не похожую ни на одну изъ своихъ составныхъ частей, и отлила эту смѣсь въ такую сложную и оригинальную форму, что никто еще не могъ уяснить себѣ этого явленія даже въ его общихъ чертахъ, не говоря уже о томъ, чтобы уразумѣть всѣ его подробности.

Характерной особенностью города, особенно города капиталистической эпохи, служитъ его нивеллирующее вліяніе; Лондонъ, Парижъ, Нью-Іоркъ, Петербургъ и Іокагама существенно очень мало отличаются одинъ отъ другого: все это города, созданные человѣкомъ, и созданные, по большей части, по одному и тому же образцу. Но фермеръ живетъ въ болѣе близкомъ общеніи съ природой и отражаетъ всѣ ея безчисленныя

[1]) F. O. Hertz. Die agrarische Frage s.15—16.

видоизмѣненія. Когда говорятъ объ американскомъ фермерѣ, необходимо широкое знаніе и величайшая осторожность, чтобы избѣжать ошибокъ и не приписать этому классу тѣхъ характерныхъ особенностей, которыя свойственны только отдѣльнымъ группамъ его. Если намъ придется выбрать одинъ извѣстный типъ или группу, кого мы выберемъ и кто будетъ типичный американскій фермеръ? Янки ново-англійскихъ штатовъ, съ трудомъ вырывающій скудное пропитаніе изъ каменистой и усѣянной пнями почвы и обмѣнивающійся продуктами со своими сосѣдями? Если это такъ, то мы увидимъ, что въ его родныхъ штатахъ его самого вытѣсняетъ канадскій французъ, итальянскій и ирландскій иммигрантъ, а если мы прослѣдимъ судьбу его дѣтей, то мы съ трудомъ узнаемъ ихъ въ пахаряхъ обширныхъ прерій запада, людяхъ съ воспріимчивымъ умомъ, гостепріимныхъ и щедрыхъ, какъ щедра сама благодатная почва подъ ихъ ногами. Быть можетъ, типичнымъ представителемъ американскаго фермера служитъ первый піонеръ — странная смѣсь охотника, рыбака, дровосѣка, фермера, траппера и развѣдчика,—типъ уже почти исчезнувшій, давшій намъ Линкольна, одного изъ лучшихъ и наиболѣе типичныхъ американскихъ гражданъ? Или мы будемъ искать его на югѣ, среди хлопчато-бумажныхъ, рисовыхъ и сахарныхъ плантацій? Будетъ ли это бѣлый или негръ, бывшій рабовладѣлецъ - аристократъ или человѣкъ, принадлежащій къ такъ называемымъ „бѣлымъ подонкамъ“? Если пробнымъ камнемъ будетъ служить чистота американской крови, то пальму первенства слѣдуетъ отдать послѣднимъ, ибо нигдѣ примѣсь чужеземной крови не находится въ такомъ ничтожномъ количествѣ, какъ среди горцевъ обѣихъ Каролинъ и Кентукки, извѣстныхъ своей междоусобной враждой да устройствомъ тайныхъ винокуренъ. Быть можетъ, это каубой, ранчменъ или овцеводъ, живущій въ долинахъ запада? Или типичный американскій фермеръ— житель обширнаго безводнаго пояса, искусственно орошаемаго, всецѣло зависящій отъ крупной ирригаціонной компаніи, пожинающій баснословно обильныя жатвы и получающій нищенскій доходъ? Быть можетъ, это славянинъ, итальянецъ или голландецъ-огородникъ,

живущій въ городскомъ предмѣстьи и работающій въ стеклянной оранжереѣ при помощи пара и электричества? Или его слѣдуетъ искать на молочныхъ фермахъ и пастбищахъ (stock-farm.) Иллинойса, Іовы и Висконсина? Быть можетъ, это садовникъ (fruit-farmer), а если такъ, то живетъ ли онъ въ тропическомъ или умѣренномъ климатѣ? Что же такое американскій фермеръ? Совмѣщаетъ ли онъ въ себѣ всѣ эти разновидности, нѣкоторыя изъ нихъ, или ни одну изъ нихъ?

Цѣлью нашего изслѣдованія будетъ попытка найти среди этихъ разнородныхъ элементовъ общія черты и анализировать основные факты и соотношенія, которые опредѣляютъ настоящее положеніе американскаго фермера и его вѣроятное будущее.

ГЛАВА II.

Штаты Новой Англіи.

Первые поселенцы Новой Англіи явились изъ такихъ европейскихъ странъ, степень соціальнаго развитія которыхъ характеризовалась общиннымъ владѣніемъ деревенскихъ земель. Но экономическія условія Новой Англіи выработали болѣе примитивныя формы соціальнаго развитія, и мы видимъ среди поселенцевъ репродукцію европейскихъ учрежденій давно минувшаго періода. Сходство между новыми и давно отжившими формами общества было такъ поразительно, что одинъ изъ нашихъ выдающихся историковъ можетъ объяснить это только теоріей сознательнаго возстановленія унаслѣдованныхъ обычаевъ [1]).

[1]) Профессоръ Гербертъ Адамсъ въ своей книгѣ—Germanic Origin of New England Towns—дѣлаетъ попытку прослѣдить эволюцію формы правленія ново-англійскихъ поселеній, начиная со временъ Тацита и чрезъ всю исторію Германіи и Англіи, до Америки. Онъ указываетъ, что поселенія Новой Англіи до мельчайшихъ подробностей походятъ на поселенія, описанныя Тацитомъ. Такъ о Плимутѣ онъ говоритъ: «Въ общинномъ управленіи земельной соб

И, дѣйствительно, тѣ экономическія условія, которыя во времена Тацита создали изолированныя коммунистическія поселенія въ Германіи, привели къ тѣмъ же результатамъ въ Новой Англіи. Первыя поселенія въ Америкѣ, какъ и поселенія древнихъ германцевъ, представляли собой небольшія расчищенныя поляны въ лѣсу, окруженныя враждебными племенами индѣйцевъ, не имѣвшія никакой сильной центральной администраціи для поддержанія порядка и защиты поселенцевъ отъ ихъ дикихъ сосѣдей. Ограды, построенныя всѣми сообща, отдѣляли деревни отъ всего остального міра. „Самостоятельный собственникъ, который не хотѣлъ ограждаться заборомъ, долженъ былъ покинуть поселеніе и уступить мѣсто лучшему члену общины, желавшему пользоваться общей оградой [1]).

Земля вокругъ дома для сходокъ (meeting-house), который былъ какъ географическимъ, такъ и общественнымъ центромъ деревни, распредѣлялась между жителями такимъ образомъ, что тѣ, которые жили ближе къ центру, получали меньшій участокъ. Земля вокругъ самой деревни раздѣлялась на двѣ части: на пахотную землю и такъ называемый „commons“, включавшій лѣса и пастбища, которыми завѣдывала община; что касается пахотной земли, то иногда участки ея отдавались въ пожизненное владѣніе отдѣльнымъ лицамъ, но чаще всего распредѣлялись по жребію каждый годъ, оставаясь достояніемъ всей общины. Даже если земельный участокъ находился въ чьемъ-нибудь исключительномъ владѣніи, то для продажи его, въ особенности постороннему человѣку, требовалось согласіе общины. Община заботилась также о наймѣ пастуха для рогатаго скота и овецъ, и иногда даже объ устройствѣ

ственностью можно найти черты настолько оригинальныя и настолько сходныя съ управленіемъ исторической сельской общины, что онѣ могутъ быть объяснены лишь какъ унаслѣдованіе Саксонскаго обычая». И въ другомъ мѣстѣ (стр. 78). «Гдѣ бы изслѣдователь ни сталъ изыскивать начала гражданской жизни, онъ вездѣ найдетъ, если только его изслѣдованія достаточно глубоки, старый Саксонскій принципъ земельной общины, объединяющей людей на одномъ экономическомъ фундаментѣ.

[1]) Weeden—Economic and Social History of New England Vol. I, p. 58.

общаго овечьяго загона [1]). О чисто демократическомъ характерѣ общественныхъ собраній (town-meetings) ново-англійскихъ поселенцевъ было написано очень много, на самомъ же дѣлѣ эти ново-англійскія деревни представляли собой владѣвшія собственностью теократіи самаго исключительнаго характера. Для допущенія постороннихъ людей требовались большія формальности, а если они осмѣливались отрицать авторитетъ правящаго класса, то подвергались изгнанію [2]).

Члены неимущаго рабочаго сословія всегда считались, — по крайней мѣрѣ фактически — рабами, съ весьма ограниченной возможностью выбора господина, которому могли служить. Они были вынуждены работать за извѣстное вознагражденіе, размѣръ котораго опредѣлялся закономъ, а если какой-нибудь наниматель платилъ бо̀льшее вознагражденіе, работникъ подвергался штрафу за то, что принималъ его. Негры-рабы и законтрактованные слуги (indentured servants) были обыкновеннымъ явленіемъ, и совершенно излишне указывать, что и тѣ и другіе не допускались къ участію въ мѣстномъ управленіи.

Американская революція была признакомъ, что экономическая жизнь Америки стала самостоятельной, независимой отъ Англіи, что она выработала свои собственные классы — эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ,—и что для высшихъ классовъ Америки сдѣлалось необходимымъ такое правительство, которое они могли бы подчинить своему непосредственному вліянію. Паденіе полуфеодальной системы и начало капитализма въ Америкѣ сопровождалось почти такими же страданіями рабочихъ, какія пришлось переживать рабочимъ другихъ странъ, когда тамъ произошла подобная перемѣна. [3])

Земля, составлявшая прежде собственность общины,

---

[1]) Weeden—Economic and Social History of New England. Vol. I, p. 47.

[2]) Herbert Adams—The Germanic Origin of New England Towns, Vol. I, p. 75.

[3]) Описанія индустріальной революціи въ Англіи можно найти въ слѣдующихъ книгахъ: Марксъ—«Капиталъ»; Arnold Foynbee—«Industrial Revolution»; Hobson—«Evolution of Capitalism; Roger—«Work and Wages».

сдѣлалась частной собственностью. Быстрый ростъ промышленности и торговли создалъ классъ мелкихъ капиталистовъ, которые сдѣлались наиболѣе вліятельной группой соціальной организаціи. Положеніе фермеровъ и работниковъ было поистинѣ плачевно. Макъ-Мастеръ въ своей „Исторіи американскаго народа„ (стр.343) говоритъ: „въ Нью-Гемпширѣ, какъ и вездѣ, существовалъ обычай сажать въ тюрьму всякаго, кто только имѣлъ несчастіе быть должнымъ своему сосѣду шесть пенсовъ или шиллингъ. Если бы этотъ законъ строго соблюдался, то вполнѣ вѣроятно, что осенью 1785 г. около двухъ третей всего населенія было бы въ тюрьмѣ". Далѣе, онъ говоритъ о Вермонтѣ (стр. 348): „одна половина населенія дошла до банкротства; другая— жила въ глубокой нищетѣ". Страданія народа были такъ велики, что во многихъ мѣстностяхъ фермеры возстали; самымъ важнымъ возстаніемъ было возстаніе Шейса въ Массачусеттсѣ. Интересно отмѣтить, что всѣ эти возстанія поразительно похожи на различныя фермерскія движенія позднѣйшаго періода, и ихъ политическія программы и требованія почти тѣ же самыя, которыя выставлялись популистами десять лѣтъ тому назадъ. Ихъ главнымъ требованіемъ были дешевыя деньги, и они такъ же рѣзко порицали судебныя учрежденія и сословіе адвокатовъ.

При помощи новаго центральнаго правительства возстанія страдавшихъ рабочихъ были подавлены, и, кромѣ одного только Джефферсона, всѣ „отцы республики", включая даже Самуила Адамса, очень рѣзко порицали тѣхъ, которые осмѣливались нарушать законъ и порядокъ. Всѣ тѣ, которые подписали „Декларацію независимости", не могли себѣ представить, что работники и фермеры были такіе же люди, какъ и члены привилегированныхъ сословій въ коммерческихъ и промышленныхъ центрахъ, или богатые плантаторы юга.

Начиная съ того времени, новыя поколѣнія фермеровъ уже не находили больше поблизости свободной земли—вся она была разобрана. Имъ приходилось, или пускаться въ далекія дебри запада, или продавать свой трудъ,—а вмѣстѣ съ нимъ и самихъ себя, — собственникамъ новыхъ промышленныхъ предпріятій въ го-

родѣ, гдѣ производилась вся разнообразная работа, исполнявшаяся прежде въ отдѣльныхъ хозяйствахъ [1]).

Благодаря этимъ условіямъ, принуждавшимъ неимущихъ бѣлыхъ продавать себя за достаточную для пропитанія плату, скоро стало очевидно, что „черное“ рабство невыгодно. При долгихъ зимахъ и сложной системѣ промышленности Новой Англіи содержать раба круглый годъ становилось убыточнымъ дѣломъ, и смѣтливые янки рѣшили, что рабство—учрежденіе „безнравственное“. Въ то же самое время угрызенія совѣсти ничуть не мѣшали имъ фабриковать ново-англійскій ромъ, который, въ сильно фальсифицированномъ видѣ вымѣнивался на африканскомъ золотомъ берегу на „черную слоновую кость“, которую янки потомъ продавали въ рабство своимъ болѣе „безнравственнымъ“ согражданамъ Юга [2]).

Какъ только возникли эти экономическія грани, фермеръ принужденъ былъ ограничиться исключительно обработкой земли. Вмѣсто того, чтобы производить для употребленія, онъ производилъ для обмѣна, и ему пришлось конкурировать на открытомъ рынкѣ съ другими фермерами, поставленными въ гораздо болѣе выгодныя условія. Гнетъ экономическихъ условій на родинѣ погналъ его дѣтей на далекій западъ, и они сдѣлались производителями для того же самаго рынка. Пароходы и желѣзныя дороги скоро почти уничтожили разницу въ разстояніи и дали возможность западному фермеру, обрабатывавшему плодородную землю западныхъ прерій по усовершенствованнымъ методамъ, продавать свои продукты по низшей цѣнѣ, чѣмъ фермеръ Новой Англіи. Такъ какъ стоимость фермы зави-

---

[1]) Mc. Master, Vol I p. 70: „Одной изъ причинъ иммиграціи на западъ было безъ сомнѣнія, то обстоятельство, что самый безпомощный и подчиненный классъ людей, занятіемъ котораго было земледѣліе, могъ съ трудомъ добывать себѣ жалкое пропитаніе. Почти каждый акръ земли вокругъ морскихъ портовъ былъ занятъ подъ плантаціи и принадлежалъ крупнымъ землевладѣльцамъ“.

[2]) Производство рома въ ново-англійскихъ штатахъ играло гораздо болѣе важную роль въ укрѣпленіи и развитіи торговли работами, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Ромъ былъ главнымъ продуктомъ ново-англійскихъ штатовъ, и вполнѣ естественно, что жители этихъ штатовъ не были особенно расположены терять такой выгодный рынокъ для сбыта его, какъ невольничьи рынки (Weeden).

ситъ отъ стоимости ея продуктовъ на міровыхъ рынкахъ, то фермы Новой Англіи стали падать въ цѣнѣ и изъ сберегательныхъ кассъ, дававшихъ сложные проценты, благодаря возрастанію цѣнъ на землю, онѣ превратились въ огромныя губки, поглощавшія капиталъ фермера и дававшія скудный доходъ. Уровень потребностей ново-англійскихъ фермеровъ сталъ медленно, но неизбѣжно понижаться, или, по крайней мѣрѣ, не могъ уже возрастать въ той же мѣрѣ, въ какой возросла ихъ продуктивность. Тогда какъ количество продукта было больше, чѣмъ когда бы то ни было прежде, часть продукта, которой они могли пользоваться, постоянно уменьшалась.

Одинъ изслѣдователь этого вопроса говоритъ: „Многія семьи, унаслѣдовавшія фермы отъ своихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, не въ состояніи были удержать ихъ и принуждены были заложить, а въ концѣ концовъ вовсе продать канадцамъ, португальцамъ и итальянцамъ“. Писатель приходитъ къ заключенію, что причиной этого была „расточительность“, потому что „канадцы, португальцы и итальянцы, которые купили эти фермы, въ состояніи были выплачивать цѣну фермы и добывать средства къ жизни... Семьи этихъ людей по большей части очень многочисленны, и чѣмъ больше была семья, тѣмъ болѣе она, казалось, благоденствовала“ [1]). Другими словами, ново-англійскій фермеръ долженъ былъ отступить предъ конкурировавшими съ нимъ крестьянами - иммигрантами, среди которыхъ примѣнялся женскій и дѣтскій трудъ Дальше мы увидимъ, что то же самое явленіе, повторяясь въ различныхъ формахъ, происходило часто незамѣтно при поверхностномъ изслѣдованіи.

ГЛАВА III.

Югъ.

Съ самаго начала общественная организація Юга отличалась отъ общественной организаціи Сѣвера. Об-

[1]) Review of Reviews, Sept 1899. Butterworth—The future of the New England Farm.

ширная южная плантація по своимъ размѣрамъ въ нѣсколько разъ превосходила сѣверную ферму, и общественной единицей была скорѣе подобная плантація, чѣмъ деревня или городской округъ (township). Многія изъ этихъ плантацій тянулись на цѣлыя мили вдаль отъ берега рѣки, на которомъ были расположены ихъ пристани, откуда хлопокъ отправлялся прямо въ Европу въ обмѣнъ на тѣ товары, въ которыхъ нуждались собственники плантаціи. Но тогда какъ ново-англійская деревня представляла теологическую автократію, на южной плантаціи царилъ патріархальный деспотизмъ. Плантаторъ властвовалъ надъ группой рабовъ, которые могли заниматься такими же разнообразными ремеслами, какъ и члены самостоятельной, независимой общины.

Орудія и инструменты, употреблявшіеся на Югѣ, были грубы и несовершенны въ сравненіи съ тѣми орудіями, которыя можно было найти на сѣверной фермѣ; главными продуктами были—хлопокъ, табакъ и рисъ.

При культурѣ этихъ растеній требовалось много чернорабочаго труда. Хлопокъ и табакъ очень быстро истощаютъ землю и требуютъ обширнаго примѣненія искусственнаго удобренія,—что въ тѣ времена было невозможно, — или безпрерывной обработки новой земли [1]).

Вокругъ каждой обширной плантаціи жилъ многочисленный классъ „бѣлыхъ бѣдняковъ“, ютившійся на окраинахъ существовавшихъ тогда городовъ или въ недоступныхъ горныхъ округахъ. Этотъ классъ представляетъ собой почти единственную косную часть населенія Америки. Будучи по большей части потомками „законтрактованныхъ слугъ“ и бѣдныхъ иммигрантовъ дореволюціоннаго періода, они никогда не составляли вліятельнаго элемента общества, въ которомъ жили. Перерожденіе этого класса не было существеннымъ условіемъ соціальной эволюціи, такъ что рабство, эмансипація и послѣдовавшая „реконструкція“ [2]) прошли для нихъ безслѣдно, не затронувъ ихъ. Они ведутъ почти тотъ же самый образъ жизни, стоятъ почти на

---

[1]) См. статью «Истощеніе южной почвы» Iorum. Dec. 1901. p. 444.

[2]) Подъ этимъ именемъ извѣстенъ періодъ, послѣдовавшій за окончаніемъ гражданской войны на югѣ. Прим. перев.

той же степени экономическаго развитія и придерживаются почти тѣхъ же обычаевъ, какъ и въ то время, когда присягали въ вѣрности королю Георгу. Только за послѣднія нѣсколько лѣтъ нарождающійся капитализмъ успѣлъ утилизировать ихъ трудъ и, вѣроятно, пробудитъ ихъ отъ глубокаго вѣкового сна.

Уничтоженіе рабства произвело революцію во всей общественной организаціи Юга. Владѣльцы обширныхъ плантацій не могли сами обрабатывать свои плантаціи, такъ же какъ фабриканты не могутъ сами поддерживать производство на своихъ фабрикахъ. Но въ полутропическомъ климатѣ очень трудно ввести и поддерживать систему наемнаго рабства, ибо природа такъ щедро разсыпала тамъ свои дары, что никакая монополизація естественныхъ богатствъ не можетъ помѣшать человѣку добыть средства для поддержанія жизни безъ того, чтобы продавать кому-либо свою рабочую силу. При такихъ условіяхъ человѣкъ, конечно, не видитъ никакого смысла въ томъ, чтобы получать работу у другого, работать долгіе часы и созидать богатство для него, въ то время какъ его собственное вознагражденіе остается такимъ же скуднымъ, какъ и прежде, и достаточнымъ только для поддержанія жизни. Благодаря этому, несмотря на всѣ усилія прежнихъ рабовладѣльцевъ, южные негры упорно и слѣпо отказывались промѣнять прежнюю форму рабства на наемное рабство и подчинялись этой перемѣнѣ только послѣ постоянныхъ и долгихъ протестовъ [1]).

Слѣдствіемъ этого явились попытки ввести другія формы рабства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти попытки принимали форму дѣйствительнаго контракта, по которому негръ продавалъ себя бѣлому нанимателю, но судебныя учрежденія признали подобный актъ незаконнымъ, разрѣшая употребленіе только обычныхъ

---

[1]) D. A. Tompkins—«Cotton and Cotton Oil», p. 65. Послѣ отмѣны рабства «было очень трудно принудить или уговорить достаточное число негровъ очистить отъ сѣмянъ посѣвъ хлопка,—такое деморализующее вліяніе имѣла на нихъ свобода. Свобода, по ихъ мнѣнію, значила отмѣну труда, возможность переступать всякія границы. Недостатокъ рабочихъ рукъ еще усугублялся развитіемъ системы мелкихъ фермъ, которыя негры сами брали въ аренду, работая ровно столько сколько требовалось для поддержанія жизни".

формъ закрѣпощенія рабочихъ. И все-таки по отношенію къ классу фермеровъ удалось найти очень удобный,—съ точки зрѣнія хозяина, — способъ замѣнить прежнее рабство. Прежняя плантація разрѣзается на небольшіе участки, для обработки которыхъ требуется все время цѣлой семьи, и эти участки сдаются въ аренду небольшимъ семьямъ; въ связи съ этимъ существуетъ система кредита у мѣстныхъ купцовъ подъ залогъ посѣва на корню и все это, вмѣстѣ взятое, такъ же лишаетъ работника возможности получать наличныя деньги, какъ это дѣлала прежняя система рабства [1]).

Во многихъ случаяхъ онъ теперь получаетъ еще меньшее вознагражденіе, чѣмъ гуманный рабовладѣлецъ давалъ своимъ рабамъ до междоусобной войны. Современному арендатору приходится содержать столькихъ хозяевъ, и эти хозяева находятъ столько различныхъ способовъ эксплуатировать его, что они могутъ обобрать его гораздо чище, чѣмъ это могъ сдѣлать одинъ хозяинъ. Во-первыхъ, помѣщикъ, владѣющій абсолютно необходимымъ средствомъ для поддержанія жизни—землей—можетъ потребовать, въ видѣ ренты, почти весь продуктъ, оставляя арендатору лишь жалкую плату за трудъ, едва достаточную для пропитанія семьи. „Земля, которая оцѣнивается въ 5 и 6 долл. за акръ, часто сдается въ аренду по 2,50 долл.; земля цѣнностью въ 4 долл. — сдается по 2 долл., и цѣнностью въ 10 долл.—по 4 долл.“ [2]). Кромѣ того, средній южный арендаторъ вынужденъ закладывать посѣвъ на корню лавочнику, который продаетъ ему свои товары по баснословно дорогимъ цѣнамъ. На островахъ Южной Каролины, гдѣ разводятъ знаменитый „си-айлэндъ“—хлопокъ, развивается настоящая феодальная система, при помощи которой фермеръ фактически прикрѣпленъ къ землѣ и обязанъ работать на землевладѣльца извѣстное число дней въ недѣлю, въ видѣ платы за разрѣшеніе пользоваться землей [3]). Благодаря этой системѣ подраздѣле-

---

[1]) Special Report U. S. Department of Agriculture, № 47, 1882. Brooke's «Cotton» p. 114. World Work. Iune 1901, p. 852.

[2]) C. P. Brooke—«Cotton» p. 114, 242.

[3]) Specirl Report U. S. Department of Agriculture, № 47. p. 41. См. также «Repot of the Industrial Commission». Vol. X. Одинъ изъ свидѣтелей, допрошенныхъ этой комиссіей, говоритъ (p. 161): «Про-

нія и вымогательства, число мелкихъ фермъ на Югѣ такъ увеличилось, что поборники конкуренціи могутъ утверждать, что число „мелкихъ независимыхъ фермеровъ“ возрастаетъ [1]).

Въ настоящее время культура хлопка съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе превращается въ капиталистическую, фабричную индустрію. Было время, когда очистка хлопка отъ сѣмянъ производилась каждымъ фермеромъ въ отдѣльности, при помощи небольшого ворота, приводимаго въ движеніе муломъ или лошадью; теперь же очистка хлопка производится при помощи пара на большомъ заводѣ, принадлежащемъ корпораціи, которая исполняетъ эту работу для большого числа фермеровъ [2]).

Въ настоящее время на Югѣ происходитъ и другая перемѣна, подобная той, которая происходила въ Новой Англіи вскорѣ послѣ революціи,—постепенное распространеніе фабричной системы. Капиталистъ вѣчно ищетъ дешевыхъ рынковъ для покупки сырыхъ матеріаловъ.

центы, взимаемые за деньги, данныя подъ посѣвъ хлопка на корню, равняются въ южныхъ штатахъ 40% годовыхъ. Всѣ люди, знакомые съ хлопчато-бумажнымъ дѣломъ согласятся, что это не преувеличено. Систе́ма кредита у лавочниковъ на Югѣ—въ нѣкоторомъ родѣ крѣпостное право (peonage), по крайней мѣрѣ для фермера. См. также T. M. Young «The American Cotton Industry».

[1]) Special Report U. S. Department of Agriculture № 47, p. 35.

[2]) U. S. Census, 1900. Special Bulletin № 58, p. 5.

„Слѣдуетъ отмѣтить ту быстроту, съ которой отдѣльныя частныя „заведенія“ для очистки хлопка (ginnery) уступаютъ мѣсто большимъ заводамъ съ современными приспособленіями. По даннымъ переписи 1880 г. оказывается, что очень большая часть урожая 1879 г. была очищена въ небольшихъ частныхъ заведеніяхъ. Движущей силой очистительныхъ и упаковочныхъ заведеній (ginning and baling establishments) были лошади и мулы, и средняя производительность такого заведенія была отъ трехъ до пяти тоннъ хлопка въ день. Машины были простой и дешевой конструкціи и употреблялись только для извѣстныхъ цѣлей. Со введеніемъ пара появились болѣе экономные методы, которые до такой степени вытѣснили прежнія примитивныя хлопкоочистительныя заведенія, что они теперь сдѣлались рѣдкостью. Въ Соединенныхъ Штатахъ имѣется теперь 29.600 хлопкоочистительныхъ заводовъ, изъ которыхъ 2.863, т. е. меньше 10% ограничиваются очисткой хлопка только для одной плантаціи, и очень небольшая часть этихъ заведеній употребляетъ лошадиную силу“. См. также «Tompkins «Cotton and Cotton Seed Oil» p. 67—70, о развитіи усовершенствованныхъ машинъ, вызванномъ уничтоженіемъ рабства.

Сырой хлопокъ, топливо и наемъ помѣщеній гораздо дешевле на Югѣ, и, что всего важнѣе, нигдѣ такъ не дешева рабочая сила. О низкой заработной платѣ, объ ужасающей эксплуатаціи дѣтей и женщинъ-работницъ говорилось уже неоднократно, но фактъ, что всякій защитникъ этихъ злоупотребленій утверждаетъ, что фабричнымъ рабочимъ все-таки живется лучше, чѣмъ классу фермеровъ, изъ котораго они вербуются, — бросаетъ особенно яркій свѣтъ на положеніе южныхъ фермеровъ [1]).

Ростъ крупной фабрично-заводской и горной промышленности довершилъ паденіе класса плантаторовъ-рабовладѣльцевъ, которое началось во время междоусобной войны.

Соціальное владычество плантатора уступило мѣсто владычеству капиталиста; въ политическомъ мірѣ это ознаменовалось появленіемъ „политикановъ" въ родѣ Тильмана и началомъ сближенія сѣверныхъ и южныхъ капиталистовъ въ рядахъ республиканской партіи. Соціальная организація Юга принимаетъ теперь тѣ формы, которыя существовали нѣсколько десятилѣтій въ сѣверо-восточной части Соединенныхъ Штатовъ, но на Югѣ задача сильно осложняется, благодаря двумъ элементамъ населенія — невѣжественнымъ неграмъ и бѣлымъ бѣднякамъ.

ГЛАВА IV.

Средній Западъ.

Если можно и не соглашаться съ утвержденіемъ, что соціальную организацію этой территоріи слѣдуетъ считать наиболѣе типично-американской, но нельзя отрицать, что она является самой своеобразной изъ всѣхъ различныхъ формъ соціальнаго развитія, которыя встрѣчаются на этомъ материкѣ. Въ первоначальныхъ стадіяхъ своего развитія она носила чисто піонерскій характеръ, и всѣми уже давно признано, что піонеры обла-

[1]) Spahr—«America's Working people», p. 36.

дають всѣми тѣми качествами, которыя считаются типично-американскими, въ гораздо большей степени, чѣмъ какой-либо другой классъ гражданъ. Оставляя въ сторонѣ первыя французскія поселенія, какъ не имѣвшія особенно важнаго значенія, мы увидимъ, что соціальная организація средне-западныхъ штатовъ стала принимать опредѣленныя формы въ то время, когда даже вышеупомянутые остатки феодализма начали исчезать въ штатахъ Новой Англіи, и въ силу этого, эта стадія общественнаго развитія не была особенно прочной въ средне-западныхъ штатахъ. Хотя не слѣдуетъ забывать, что каждая новозаселенная территорія до извѣстной степени вновь переживала всю исторію человѣчества, начиная съ дикаго состоянія до степени, достигнутой старыми общинами, и даже иногда, благодаря быстротѣ своего развитія, опережала своихъ старшихъ сосѣдей,—однако не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться этой аналогіей. Каждое формировавшееся общество всегда находилось въ близкомъ общеніи съ высшими типами соціальной организаціи на востокѣ, и ихъ вліяніе, умѣрявшее или ускорявшее развитіе новой общины, не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія.

Массовая иммиграція въ средне-западные штаты началась незадолго до революціи. Это былъ тотъ періодъ, когда въ Новой Англіи нарождался капитализмъ, и населеніе въ буквальномъ смыслѣ изгонялось изъ своихъ домовъ для того, чтобы хозяева ново-основанныхъ фабрикъ не терпѣли недостатка въ наемныхъ рабахъ.

Результатомъ этого было массовое бѣгство рабочаго населенія на тогдашній „далекій западъ“, въ штаты Огайо, Кентукки и Теннесси, но даже и тамъ огромныя пространства земли были захвачены спекуляторами восточныхъ штатовъ. Георгъ Вашингтонъ, Гамильтонъ, Джефферсонъ, Франклинъ и другіе общественные дѣятели этого періода съ величайшимъ усердіемъ занимались земельными спекуляціями [1]).

[1]) Подробное изложеніе этихъ фактовъ можно найти у Winsor'a Westward Movement, стр. 59 и дальше. Тамъ указывается какъ Вашингтонъ воспользовался своимъ мѣстомъ «королевскаго землемѣра» чтобы противозаконнымъ образомъ захватить крупные участки земли и когда его праву собственности надъ этими участками угрожала опасность, Франклинъ былъ посланъ въ Лондонъ, чтобы личнымъ

Весьма интересно отмѣтить тотъ фактъ, что если бы Америка не завоевала политической независимости, Вашингтонъ лишился бы 30.000 акровъ плодородной земли на западѣ.

Но пустопорожняя земля не имѣла никакой цѣнности, и, какъ мы будемъ имѣть возможность отмѣтить позже, обладаніе землей не доставляетъ никакихъ выгодъ, если оно не связано съ возможностью присвоить плоды чужого труда. Очевидно, что если землевладѣлецъ хочетъ упрочить за собой обладаніе этими плодами чужого труда, онъ долженъ, такъ или иначе, постараться заселить тѣ мѣстности, гдѣ находится его земля. Поэтому правительство всячески поощряло это движеніе на западъ, и результатомъ этой тенденціи было то, что могучая армія труда, перейдя за горы и спустившись по теченію рѣкъ, хлынула въ новые края. Это былъ авангардъ тѣхъ вѣчно движущихся, побѣдоносныхъ полчищъ, которыя съ того времени и почти до настоящаго дня бѣгутъ съ востока, отъ эксплоатаціи и монополіи, для того только, чтобы на новой родинѣ создать новую тиранію, отъ которой въ свою очередь должны спасаться бѣгствомъ ихъ сыновья.

Эта армія двигалась неправильными, но раздѣльными батальонами, изъ которыхъ каждый занималъ историческую сцену, представляя извѣстную стадію соціальнаго развитія, и потомъ уступалъ мѣсто другимъ элементамъ, которые складывались въ высшія и болѣе сложныя общественныя формы [1]).

вліяніемъ на членовъ парламента провести мѣру, которую по современной терминологіи назвали бы кражей-государственной земли. Вашингтонъ также пытался импортировать нѣмецкихъ иммигрантовъ изъ Палатината, но когда они узнали, что онъ не хочетъ предоставить имъ никакой свободы дѣйствій, они отказались пріѣхать. См. Coffin's The Province of Quebec (Bulletin of the University of Wisconsin p. 398 — 400. Ulc Ulaster, History of the People of the United States, p. 63 также указываетъ, «что въ тотъ же самый день, когда фермеры Middlesex'a изгнали британскія войска изъ Лексингтона (извѣстное сраженіе американской революціи, имѣвшее мѣсто 19 апрѣля 1775 г. Прим. перев.), долженъ былъ состоятся судъ надъ Джономъ Ханкокомъ за обманъ таможни».

[1]) Turner—„Frontier in American History". Proceedings Wisconcin Historical Society, 1893. p. 79. Shaler—„North America" Vol. I, p. 292. Gannett—„Building of a Nation", 59.

Первой группой, проникшей въ пустыню, были охотники и трапперы, а по ихъ слѣдамъ явились піонеры-фермеры — настоящій авангардъ хлынувшей арміи. Этимъ то піонерамъ-фермерамъ, которые почти цѣлое столѣтіе считались самыми типичными американцами,— предстояла задача „завоеванія“ континента. Такъ какъ земля была доступна и свободна, какъ воздухъ, объ поземельной рентѣ и эксплоатаціи не могло быть и рѣчи [1]).

Поселенецъ прокладывалъ свой путь все дальше въ новые края, и съ топоромъ въ рукахъ расчищалъ въ глубинѣ лѣса небольшой участокъ, на которомъ можно было посѣять достаточно хлѣба для прокормленія себя и семьи.

По мѣрѣ того, какъ являлись сосѣди, образовалась маленькая община, гораздо болѣе кооперативная по своему характеру, чѣмъ многія такъ называемыя соціалистическія колоніи, ибо цѣлью ихъ служила взаимопомощь и единеніе, а не желаніе первенствовать и вмѣшиваться въ дѣла другъ друга. Продукты производились для непосредственнаго потребленія производителя и его семьи; главнымъ земледѣльческимъ продуктомъ того періода былъ маисъ. Важная роль этого продукта въ исторіи Америки и экономической жизни фермера, не только данной территоріи, но и всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ, врядъ ли можетъ быть преувеличена. Это главный американскій продуктъ, безъ котораго „завоеваніе“ Запада продолжалось бы гораздо большее время. Его приспособляемость къ піонерскому хозяйству, удобство его посѣва между деревьями, долгій періодъ жатвы, легкость сохраненія и приготовленія въ пищу, обильный урожай при небольшой затратѣ труда и, наконецъ, его широкое распространеніе—все это представляетъ такую комбинацію свойствъ, которую

[1]) P. Pittman.—«The present State of the European settlements on the Mississippi» (1770г.) p. 55: «Заработная плата очень высока, потому что молодые люди охотнѣй занимаются охотой и мѣновой торговлей съ индѣйцами, чѣмъ земледѣліемъ или ремеслами. Въ Иллинойсѣ молодой человѣкъ можетъ получить столъ и квартиру на цѣлый годъ, съ условіемъ, что онъ будетъ работать всего два мѣсяца: одинъ мѣсяцъ пахать и сѣять хлѣба и второй мѣсяцъ при сборѣ урожая».

трудно найти въ какомъ-либо другомъ растеніи, и эти-то свойства дѣлаютъ его особенно пригоднымъ для піонера. Впослѣдствіи этотъ продуктъ, какъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, такъ и въ видѣ муки, игралъ гораздо болѣе важную роль въ экономической жизни Америки, чѣмъ пшеница или хлопокъ. Такъ какъ я надѣюсь выпустить въ свѣтъ спеціальное изслѣдованіе по этому предмету, я не остановлюсь на немъ здѣсь такъ долго, какъ это слѣдовало бы сдѣлать въ виду его важности.

Если фермеру предстояла слишкомъ трудная для одного человѣка задача, онъ „мѣнялся работой“ съ сосѣдомъ поселенцемъ; если помощь требовалась еще въ большихъ размѣрахъ, какъ при постройкѣ дома, при перевозкѣ большого количества бревенъ, или при очисткѣ сжатаго маиса, — онъ приглашалъ на помощь всю маленькую общину. Всякій приглашенный являлся, ничуть не думая о какомъ-либо вознагражденіи и считая такую работу общимъ веселымъ праздникомъ, и даже былъ благодаренъ своему сосѣду, который „далъ ему работу“, исполнявшуюся такъ дружно, бодро и охотно, что она скорѣе походила на забаву. Совмѣстная защита отъ индѣйцевъ или лѣсныхъ пожаровъ часто заставляла поселенцевъ сплотиться еще тѣснѣе. Подобная жизнь доставляла широкую возможность развитія индивидуальности и въ то же самое время создавала тѣсную зависимость отъ общественной организаціи. На этой степени развитія земледѣліе было лишь центромъ, вокругъ котораго группировались многія другія занятія. Однимъ изъ главныхъ источниковъ добыванія пищи, все еще служила охота. Сахаръ изготовлялся изъ кленоваго сока (maple-sugar) и процессъ его приготовленія считался однимъ изъ деревенскихъ праздниковъ [1]).

[1]) Слѣдующее извлеченіе изъ одного офиціальнаго документа (Massachusetts Agricultural Report, 1841 г.) можетъ дать намъ нѣкоторое понятіе о размѣрахъ производства кленоваго сахара въ то время. Хотя этотъ отчетъ относится къ одному изъ Штатовъ Новой Англіи, условія средне-западныхъ штатовъ были тѣ же самыя. „Въ Левереттѣ изготовляется 15—20 тыс. фунтовъ сахару ежегодно, въ Шельбернѣ 30.000 фунтовъ, въ Амфильдѣ за два года было приготовлено 40.000 ф. Нѣкоторые фермеры изготовляютъ по 800, 1000 и 1500 ф. въ годъ. Въ Станфильдѣ, имѣющемъ населеніе въ 1500 чел., было въ одинъ годъ добыто 1.000.000 фунтовъ.“

Безграничные лѣса, тянувшіеся кругомъ, служили обширными даровыми пастбищами для коровъ, колокольчики которыхъ часто заставляли фермера забираться лѣтнимъ вечеромъ на нѣсколько миль въ глубину лѣса, чтобы привести коровъ домой. Корень жинзенга и мѣха служили предметомъ обмѣна, благодаря которому фермеры могли получать такіе продукты, которые производились за предѣлами общины. Кромѣ того, самый лѣсъ служилъ источникомъ множества побочныхъ промысловъ: топливо, матеріалъ для построекъ и изгородей, множество продуктовъ для продажи—все это добывалось въ лѣсу. Несмотря на это, лѣсъ скорѣе считался препятствіемъ, которое слѣдовало устранить, чѣмъ источникомъ богатства [1]).

Только на гораздо болѣе поздней степени общественнаго развитія лѣса стали оцѣниваться по своему достоинству, какъ громадныя національныя хранилища естественныхъ богатствъ.

Эрнестъ Бронкенъ говоритъ въ своей книгѣ „Сѣверо-американскіе лѣса и лѣсоводство“ стр. 42—43: „Житель дѣвственныхъ лѣсовъ добывалъ средства къ существованію изъ лѣсу, но добывалъ ихъ посредствомъ истребленія лѣсовъ; въ его глазахъ паденіе дерева было зарей цивилизаціи. Безобразный видъ расчищенной имъ поляны, обгорѣвшіе пни, или, что еще хуже, стоящіе прямо стволы „убитыхъ“ деревьевъ, его грубая хижина, изъ неотесанныхъ бревенъ—все это было для него радостной эмблемой побѣды надъ враждебной природой. Лѣсъ для него былъ чѣмъ-то такимъ, отъ чего слѣдовало скорѣе избавиться, если это только было возможно“.

Эта ранняя степень развитія земледѣлія была „экстен-

---

[1]) Shaler—„The United States of America“, p. 398: Изъ всѣхъ препятствій къ развитію земледѣлія въ восточной части сѣверной Америки, самымъ важнымъ были непроходимые, густые лѣса. Піонеръ долженъ былъ вырубить деревья и выкорчевать пни, прежде чѣмъ могъ воспользоваться плодородной почвой. Сильный работникъ, начинавшій работу въ молодости, считалъ себя счастливымъ, если къ старости ему удавалось превратить сто акровъ лѣса въ пахотную землю. Только чрезъ полтора столѣтія, могучая волна населенія стремившагося на западъ, медленно проложила себѣ дорогу сквозь дремучіе Аппалачскіе лѣса и достигла ровныхъ, плодородныхъ прерій, гдѣ земля только ждала плуга».

сивной“ по своему характеру. Пространству незанятой, баснословно-плодородной земли, казалось, не было границъ, и фермеръ ничуть не заботился о томъ, чтобы сохранить производительность извѣстнаго участка. Когда одинъ участокъ былъ истощенъ, фермеру стоило только пробраться дальше въ глушь и расчистить другой участокъ, но это скорѣе была кажущаяся, а не дѣйствительная экономія, потому что очень часто требовалось гораздо меньше труда для поддержанія плодородія участка земли, чѣмъ для расчистки лѣса.

Возростаніе цѣнности земли было другимъ факторомъ, упрочившимъ постоянное пребываніе поселенцевъ въ данной мѣстности, и важность этого фактора въ развитіи американскихъ поселеній врядъ ли можетъ быть преувеличена. Это возростаніе цѣнности земли и было той соблазнительной приманкой, которая постоянно привлекала на Западъ цѣлые потоки поселенцевъ, и можно наполнить цѣлые томы разсказами о тѣхъ ухищреніяхъ и обманахъ, посредствомъ которыхъ цѣлыя поколѣнія тружениковъ, одно за другимъ, лишены были этихъ обѣщанныхъ выгодъ. Хотя настоящему поселенцу всякими неправдами мѣшали получить особенно прибыльный участокъ, благодаря общему быстрому росту цѣнъ, всякій былъ твердо увѣренъ, что и ему что-нибудь перепадетъ. Въ каждомъ округѣ были люди, которые поселились тамъ еще въ то время, когда земля ничего не стоила, добывая средства къ жизни земледѣліемъ и охотой, и впослѣдствіи сдѣлались богачами (по крайней мѣрѣ, въ глазахъ своихъ сосѣдей) только потому, что ждали до тѣхъ поръ, пока трудъ общины сдѣлалъ крупною цѣнностью ту самую землю, которую они присвоили себѣ только тѣмъ, что поселились на ней. Почти каждый фермеръ въ Соединенныхъ Штатахъ въ извѣстный періодъ своей жизни занимался, на ряду съ другими дѣлами, земельными спекуляціями. Онъ не только пользовался общимъ повышеніемъ цѣнъ, которое замѣчалось въ каждой мѣстности въ извѣстное время, но очень часто мѣнялъ фермы, или уходилъ на новыя мѣста, въ надеждѣ скорѣе разбогатѣть.

Очень немногіе фермеры, даже въ настоящее время, понимаютъ, что этотъ источникъ наживы почти исчезъ; но все-таки фактъ, на который указываетъ Edward Adams

въ своей книгѣ: „Современный фермеръ“, несомнѣнно вѣренъ: „Въ настоящее время цѣна пахотной земли въ Соединенныхъ Штатахъ настолько высока, насколько можетъ быть, и будетъ таковой до тѣхъ поръ, пока дешевыя земли другихъ континентовъ будутъ заселены, и населеніе земного шара такъ увеличится, что ему понадобится вся его поверхность для добычи продуктовъ, необходимыхъ для человѣческаго существованія.

ГЛАВА V.

Великія равнины.

Подъ этимъ терминомъ я подразумѣваю всѣ штаты обширнаго „пояса пшеницы“, лежащаго къ западу отъ рѣки Миссисипи и къ сѣверу отъ Техаса, въ предѣлахъ влажной или полусухой области. Заселеніе, развитіе и соціальная организація этой территоріи во многихъ отношеніяхъ представляютъ единственный примѣръ во всей предыдущей исторіи. Самая быстрота ея заселенія представляетъ почти сказочное явленіе. „Населеніе Миннесоты увеличилось на 77.57% съ 1870 г. до 1880 г., и на 66.74% съ 1880 г. до 1890 г. За послѣдніе десять лѣтъ населеніе Дакоты (считая сѣверную и южную Дакоту за одинъ штатъ) возросло съ 135.177 до 511.527, т. е. на 278.41%, населеніе Небраски—съ 450.402 до 1.058.910, т. е. на 134.06%, а населеніе Канзаса съ 996.096 до 1.427.096, т. е. на 43,27% [1]). Населеніе всей территоріи, обозначенной въ отчетахъ переписи подъ именемъ „Великихъ равнинъ“, увеличилось на 231.98% за промежутокъ времени съ 1880 г. до 1890 г. [2]). Насколько мнѣ извѣстно, въ лѣтописяхъ исторіи не отмѣчено такого сильнаго движенія народовъ, цѣлью котораго была мирная колонизація [3]).

---

[1]) U. S. Census 1890, Vol. 50, pt. 3. p. XLI.

[2]) Ibid. p. LXI.

[3]) Max Wirth: «Die krisis in der Landwirthschaft.» p. 28—9. Упомянувъ о финансовой паникѣ 1873 г. и ея общихъ результатахъ, онъ описываетъ движеніе на западъ. «Осенью 1876 г. наступила внезапная перемѣна. Сотни тысячъ восточныхъ фабричныхъ рабо-

Какъ только оказалось, что вся эта территорія удобна для заселенія,—всякій уголокъ ея сдѣлался легко доступнымъ. Піонерамъ этихъ безграничныхъ прерій не приходилось преодолѣвать опасностей пустыни или подвергаться тягостямъ и лишеніямъ, для того, чтобы добраться до мѣста ихъ назначенія; имъ не приходилось пускаться въ продолжительный и опасный путь на плоскодонныхъ лодкахъ или верхомъ, или пробираться по кишѣвшимъ дикарями мѣстностямъ: имъ нечего было бояться дикихъ звѣрей, или отступать предъ мыслью объ одиночествѣ въ глубинѣ лѣса.

Они ѣхали на новыя мѣста по стальнымъ рельсамъ желѣзной дороги, и эта желѣзная дорога была той крѣпкой цѣпью, которая неразрывно привязывала ихъ къ капиталистической системѣ, отъ которой они бѣжали, цѣпью, которой они не могли порвать, несмотря на все свое желаніе. Между ними и экономическими условіями, отъ которыхъ они бѣжали, существовали различные способы сообщенія. Тотъ самый почтовый поѣздъ, который привозилъ поселенцамъ извѣстія отъ ихъ родныхъ на старой родинѣ, отвозилъ ростовщику восточныхъ штатовъ закладную, державшую ихъ потомъ долгіе годы въ своихъ желѣзныхъ тискахъ. Они не могли уйти отъ той сложной общественной системы, среди которой родились; эксплуататоръ-капиталистъ протягивалъ свои желѣзныя руки вслѣдъ за ними и на ихъ новую родину и сразу создавалъ тамъ тѣ же самыя условія, отъ которыхъ бѣжала трудовая армія Америки

чихъ потеряли всякую надежду на оживленіе промышленности въ восточныхъ штатахъ, и тогда-то началась массовая эмиграція, особенно изъ ново-англійскихъ штатовъ, изъ Нью-Іорка, Нью-Джерси и Пенсильваніи, которая въ 1878 году приняла размѣры великаго переселенія народовъ (Volkswanderung). За семь лѣтъ милліонъ людей изъ восточныхъ штатовъ и Европы эмигрировалъ на западъ, чтобы заняться земледѣліемъ, половина этого милліона переселилась въ 1878—1880 г.». Указавъ затѣмъ на таблицу, изъ которой видно, что за эти десять лѣтъ было продано 59.417,804 акра общественной земли, онъ говоритъ: «Къ этимъ пятидесяти девяти милліонамъ акровъ, которые были проданы въ теченіе десяти лѣтъ, слѣдуетъ прибавить еще около 11.800.000 акровъ земли въ Техасѣ, принадлежавшей штату, 9.410.000 принадлежавшей желѣзнымъ дорогамъ, да кромѣ того милліонъ акровъ прежнихъ южныхъ плантацій, которыя ихъ владѣльцы должны были покинуть послѣ отмѣны рабства, потому что не имѣли возможности воздѣлывать ихъ.

съ тѣхъ поръ, когда основана была первая далекая колонія на Атлантическомъ побережьи.

Поселенецъ „великихъ равнинъ“ сразу попадалъ въ такую среду, гдѣ царила капиталистическая система земледѣлія, часто въ болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ въ той территоріи, откуда онъ явился. Съ самаго начала западный піонеръ становился, такъ сказать, фермеромъ-спеціалистомъ, и сѣялъ только пшеницу и маисъ, да и то почти исключительно для продажи. На своей новой родинѣ онъ былъ вынужденъ покупать гораздо больше различныхъ вещей, чѣмъ на старой. Здѣсь не было огромныхъ даровыхъ запасовъ строевого лѣса, который удовлетворялъ многія нужды въ хозяйствѣ; дичь сначала водилась въ изобиліи, но была такого рода, что профессіональные охотники скоро истребили ее, и она не могла сдѣлаться особенно важнымъ подспорьемъ въ фермерскомъ обиходѣ. Вмѣсто бревенчатой хижины, сложенной собственными руками при помощи услужливыхъ сосѣдей, поселенецъ покупалъ деревянный домикъ, уже совсѣмъ готовый и присланный съ востока; вмѣсто того, чтобы самому нарубить и обтесать жерди для изгороди изъ находившагося подъ руками матеріала, онъ долженъ былъ дѣлать изгородь изъ колючей проволоки, купленной у трёста. Тамъ, гдѣ ранніе піонеры косили хлѣбъ крюкомъ, среди пней и камней,— житель прерій только направлялъ свою машину, вязавшую снопы, по гладкому, какъ полъ, полю.

Для всего этого немедленно требовался крупный капиталъ, котораго поселенецъ, вытѣсненный съ своей старой родины экономическимъ гнётомъ, конечно, не имѣлъ. Но близъ него стоялъ восточный капиталистъ, или его агентъ, всегда готовый снабдить поселенца неограниченной суммой денегъ, съ помощью которыхъ можно было „развить рессурсы страны“, но, конечно, съ тѣмъ условіемъ, чтобы количество презрѣннаго металла увеличивалось, и чтобы онъ приносилъ доходы своему обладателю. Чрезъ нѣсколько времени земля, орудія и даже посѣвъ—все это было заложено, и, благодаря ростовщику, съ одной стороны, и компаніямъ желѣзныхъ дорогъ и элеваторовъ, съ другой—фермеръ сразу попадалъ въ положеніе наемнаго раба, который трудами рукъ своихъ содержалъ не одного, а нѣсколь-

кихъ хозяевъ, составлявшихъ корпорацію, т. е. попадалъ въ тѣ самыя условія, отъ которыхъ думалъ избавиться, покидая свою родину на востокѣ. Хотя эта сильно развитая система эксплуатаціи не могла совершенно лишить фермера всѣхъ выгодъ, которыя доставляла плодородная земля,—онъ все-таки въ гораздо большей степени зависѣлъ отъ другого общественнаго класса, чѣмъ фермеры другихъ штатовъ—лежавшихъ ближе къ востоку, и эта зависимость, самая тяжелая изъ всѣхъ цѣпей рабства.

На этомъ пунктѣ стоитъ остановиться нѣсколько дольше. Ключемъ къ пониманію всѣхъ экономическихъ условій этой территоріи является тотъ фактъ, что тамъ царила та же капиталистическая система, что и на востокѣ, только пересаженная на новую почву, при чемъ нѣкоторыя изъ худшихъ сторонъ этой системы были доведены до крайнихъ размѣровъ. Ростъ земельной цѣнности доставлялъ выгоды только желѣзнодорожнымъ да земельнымъ компаніямъ, фермеръ же очень рѣдко пользовался этими выгодами. Города не возникали вдоль естественныхъ коммерческихъ путей; пути эти, въ формѣ желѣзныхъ дорогъ, прокладывались сначала, а потомъ только ихъ владѣльцы совершенно произвольно рѣшали, гдѣ именно должны быть расположены центры населенія. Когда мѣсто было выбрано, тамъ немедленно возникалъ городъ, не посредствомъ постепенной диференціаціи и спеціализаціи индустріальной группы, но просто по повелѣнію корпораціи. Въ такихъ искусственно созданныхъ общинахъ не замѣчалось того духа взаимопомощи, которымъ отличались болѣе раннія пограничныя общины; наоборотъ, въ нихъ сразу воцарялась система сильной конкуренціи.

Еще однимъ существеннымъ различіемъ былъ характеръ самой мѣстности. Первые поселенцы къ востоку отъ Миссисипи должны были прежде всего „побѣдить“ лѣса и преодолѣть цѣлый рядъ естественныхъ препятствій. Теодоръ Рузвельтъ въ своей книгѣ „Покореніе Запада“ въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ піонера: „типичный поселенецъ вездѣ былъ человѣкъ, владѣвшій топоромъ и ружьемъ, мелкій фермеръ-піонеръ, жившій со своей многочисленной семьей на большомъ участкѣ поросшей лѣсомъ земли, въ 300—400

акровъ; изъ этихъ 300—400 акровъ онъ расчищалъ только 8—10, да и тѣ были расчищены плохо. Онъ воздѣлывалъ только это пространство земли и жилъ въ бревенчатой хижинѣ, состоявшей изъ одной комнаты, и очень рѣдко—изъ двухъ комнатъ и чердака".

Что касается поселенца западныхъ прерій, то его природа какъ бы ждала съ распростертыми объятіями Необозримый просторъ точно ждалъ плуга, чтобы дать обильную жатву, но какъ только посѣвъ былъ сжатъ и убранъ, на него сразу набрасывалась хищная стая ястребовъ, которая оставляла самому фермеру и его семьѣ ровно столько, сколько надо было, чтобы не умереть съ голоду. Покорить природу было очень легко, но бороться съ общественными паразитами очень трудно, почти невозможно. Поселенцамъ не грозила опасность со стороны дикихъ индѣйцевъ или хищныхъ звѣрей, но они были окружены цѣлыми полчищами гораздо болѣе коварныхъ и хитрыхъ враговъ. Первые шаги въ производствѣ цѣнностей, которые представляли самую трудную задачу для поселенца лѣсовъ Огайо, Кентукки или Индіаны, задачу, на исполненіе которой онъ употреблялъ всю свою энергію,—эти первые шаги требовали сравнительно небольшой затраты силъ со стороны фермера Дакоты, Небраски или Канзаса. Но когда онъ намѣревался передать свой продуктъ въ руки потребителя, пожать плоды своего труда и завершить процессъ производства,—онъ безпомощно останавливался передъ такими гигантскими финансовыми корпораціями, подобныхъ которымъ міръ еще никогда не видѣлъ. Природа почти безъ всякой борьбы отдавала ему свои дары, но общественныя отношенія лишали производителя почти всего, что онъ производилъ. Вполнѣ естественно было, что фермеры начали рѣзко порицать общественныя отношенія, смутно и неопредѣленно сознавая, что именно эти отношенія мѣшали имъ пользоваться тѣми баснословно роскошными дарами, которыми плодородная почва вознаграждала ихъ почти безъ всякихъ усилій. Но такъ какъ проблемы общественныхъ отношеній гораздо болѣе сложны, чѣмъ проблемы земледѣлія, то неудивительно, что первыя попытки фермеровъ были неудачны до смѣшного. Подстрекаемые слѣпой ненавистью, уязвленные сознаніемъ

несправедливости, западные фермеры слѣпо бросились впередъ, сдѣлавъ цѣлый рядъ экономическихъ ошибокъ. Они образовали цѣлую армію политическихъ и соціальныхъ Донъ-Кихотовъ, выросшую на удивленіе и посмѣшище всего міра. Смутно сознавая, что ихъ давитъ сконцентрированный капиталъ, они старались надѣть на него оковы, обуздать его силу, не подозрѣвая возможности превратить его въ свое могучее орудіе и надежнаго слугу. Они старались ограничить конкуренцію, помѣшать концентраціи и вообще повернуть назадъ ходъ общественнаго развитія: они хотѣли вліять на общественныя отношенія посредствомъ оковъ и ограниченій, а не посредствомъ разумнаго управленія ими. Такъ какъ, по ихъ мнѣнію, деньги были предметомъ спекуляцій въ рукахъ ихъ эксплуататоровъ, были тѣмъ орудіемъ, посредствомъ котораго эти послѣдніе лишали фермера всѣхъ благъ, то они старались измѣнить цвѣтъ и форму денегъ, надѣясь такимъ образомъ помѣшать эксплуатаціи.

Въ настоящее время замѣчаются признаки объединенія тружениковъ земли съ тружениками фабрики, чтобы укрѣпить за собой разумную власть надъ тѣми соціальными силами, которая необходима и тому и другому классу производителей.

ГЛАВА VI.

Дальній Западъ.

Штаты Тихоокеанскаго побережья до недавняго времени были въ значительной степени изолированы отъ остальной части Соединенныхъ Штатовъ какъ съ географической, такъ и съ соціальной точки зрѣнія. Исторія этихъ штатовъ распадается на нѣсколько весьма ясно разграниченныхъ эпохъ, и переходы отъ одной эпохи къ другой были гораздо болѣе рѣзки и внезапны, чѣмъ въ исторіи какой-либо другой страны въ мірѣ [1]).

[1]) Это подраздѣленіе на эпохи и краткое описаніе каждой изъ нихъ заимствованы изъ книги: „The resources of California“ by john. S. Hittel“, кромѣ того, см. Bancroft's „Works“, Vol 24. chap. I.

Первая изъ нихъ, — эпоха индѣйскаго владычества — насъ не интересуетъ. Вторая,—„эпоха испанскаго владычества и аскетизма—продолжалась 53 года, начиная съ 11 апрѣля 1769 г., когда бригъ „Санъ-Антоніо“ прибылъ въ Санъ-Діего“. Эта эпоха также не имѣла особеннаго вліянія на современное намъ общество и оставила послѣ себя только новый архитектурный стиль, которымъ отличались зданія миссій.

„Третья эпоха,—эпоха мексиканскаго владычества и пастушеской жизни, продолжалась 24 года, начиная съ 9-го апрѣля 1822 г., когда офиціально была объявлена независимость Мексики отъ Испаніи“. Эта эпоха представляетъ собой наиболѣе вѣрную репродукцію пастушескаго періода, пережитаго человѣчествомъ много вѣковъ тому назадъ, которую только можно найти въ исторіи. Объ этомъ періодѣ Hittel говоритъ слѣдующее: „Калифорнскіе мексиканцы жили праздной, безпечной жизнью; ихъ единственной статьей дохода была продажа сала и шкуръ рогатаго скота, который пасся на обширныхъ пастбищахъ. Они не имѣли работы, не знали почти никакихъ заботъ и были вполнѣ счастливы, потому что ни о чемъ лучшемъ не знали... Различныя житейскія невзгоды, столь обычныя вездѣ, ихъ не касались. У нихъ не было ни адвокатовъ, ни врачей, ни сборщиковъ податей, ни газетъ, не было пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ, дилижансовъ, почтовыхъ конторъ, правильной почты и цилиндровъ. Они составляли какъ бы одну большую семью и всегда готовы были съ радостью принять и угостить всякаго члена этой семьи, или угощаться у него. Время у нихъ не считалось деньгами, знаніе не считалось силой“ [1]). Этотъ авторъ, такъ же какъ и другіе, описывавшіе эту аркадскую простоту и счастливую жизнь, очевидно, пришелъ къ убѣжденію, что это счастье, какъ и простота, должно исчезнуть съ наступленіемъ современныхъ общественныхъ отношеній. Въ томъ, что онѣ исчезли — невозможно сомнѣваться, но есть вѣскія причины сомнѣваться въ томъ, что это исчезновеніе было необходимо. Фактъ, что болѣе полная побѣда надъ природой, большая возможность создавать тѣ блага, въ которыхъ чело-

[1]) Hittel. „Resources of California“, предисловіе.

[illegible]

[illegible] Положеніе дѣлъ было таково, что [illegible] могъ убивать скотъ для упо-[illegible] если только онъ отдавалъ шкуру [illegible] скотины. Впослѣдствіи, когда началась им-[illegible] скотъ сталъ пріобрѣтать извѣстную цѣнность[1]. Это конечно, не значило, что рессурсы Калифорніи въ производствѣ пищевыхъ продуктовъ достигли своихъ границъ: она еще и въ настоящее время очень далека отъ этого, это значило только, что тогда появилась возможность монополизировать источники этого производства, и что эта монополія была выгодна, потому что въ странѣ появился классъ людей, не имѣвшихъ доступа къ землѣ и лишенныхъ возможности производить свои собственные пищевые продукты. Въ раннемъ періодѣ развитія этой страны люди боялись только стихійныхъ бѣдствій, въ особенности засухи, потому что борьба за существованіе велась не между человѣ-

[1]) H. H. Bancroft, „Works", Vol. 34, p. 335—6.

комъ и человѣкомъ, а между человѣкомъ и природой. Какъ примѣръ страшнаго опустошенія, причиняемаго подобнымъ бѣдствіемъ, мы укажемъ на засуху 1828 — 1830 г., благодаря которой число головъ рогатаго скота въ стадахъ упало съ 153.000 до 20.000 [1]).

Главнымъ наслѣдствомъ, которое этотъ періодъ оставилъ позднѣйшему, было много дарственныхъ записей на громадные участки земли, и эти записи такъ же поработили бѣлыхъ работниковъ, какъ въ былыя времена порабощали индѣйскихъ рабочихъ при миссіяхъ. Во время владычества миссіонеровъ записи на землю свободно раздавались духовенствомъ; послѣ этого испанскій королевскій губернаторъ снова распредѣлилъ земли нѣсколько иначе, при чемъ условія землевладѣнія были утверждены въ Испаніи. Главные коменданты портовъ также имѣли право по своему усмотрѣнію распоряжаться землями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и судьбой милліоновъ еще неродившихся американскихъ гражданъ. Съ 1784 по 1795 было роздано особенно много записей на участки земли, величиной отъ 100.000 до 300.000 акровъ каждый, обладаніе которой впослѣдствіи сдѣлалось вопросомъ жизни и смерти для цѣлой арміи работниковъ, но которая тогда не имѣла никакой цѣнности. „Невозможно сказать съ точностью, сколько именно земли было роздано такимъ образомъ въ Калифорніи до 7-го іюля 1846 г.; земельной комиссіи было предъявлено 813 записей на двѣнадцать съ лишнимъ милліоновъ акровъ земли... 514 изъ этихъ записей были утверждены, большинство изъ нихъ безъ точнаго плана или подробнаго описанія“. Очень часто межи этихъ участковъ были перепутаны; владѣльцы ихъ абсолютно ничего не дѣлали, чтобы придать землѣ какую-либо цѣнность. И все-таки большинство изъ нихъ было законно утверждено въ своихъ правахъ, и въ настоящее время могучая армія тружениковъ въ Калифорніи лишена доступа къ землѣ, благодаря прихотямъ испанскихъ чиновниковъ и милостямъ невѣжественныхъ миссіонеровъ [2]).

[1]) Ibid. p. 338.

[2]) Hittel. „History of California, Vol. II, p. 746. См. также Royce „California“ p. 466—491. Оба автора на сторонѣ владѣльцевъ этихъ дарственныхъ записей, но признаютъ описанные въ текстѣ факты.

„Эпоха американскаго владычества и промышленнаго развитія въ Калифорніи началась съ 7-го іюля 1846 г., когда американскій флагъ былъ поднятъ въ Монтерећ". Съ окончанія мексиканской войны, когда Калифорнія была присоединена, какъ желательное и возможное поприще для болѣе широкаго примѣненія системы рабства, туда устремился безпрерывный, хотя и небольшой вначалѣ, потокъ иммигрантовъ изъ восточныхъ штатовъ.

Вскорѣ послѣ этого были открыты золотыя розсыпи; исторія этого періода извѣстна всему міру. Опьяненные жаждой золота, золотоискатели предались такому дикому, неистовому буйству, предъ которымъ блѣднѣетъ все, что намъ извѣстно о жизни аборигеновъ-индѣйцевъ. Только грубая сила закона Линча да „комитеты бдительности" могли создать изъ этого жестокаго, дикаго хаоса нѣкоторое подобіе общественнаго порядка, который послужилъ базисомъ современной соціальной организаціи.

Тѣ немногіе люди, которые въ тѣ времена обращались къ занятію земледѣліемъ, получали баснословныя цѣны за свои продукты. Не одинъ владѣлецъ золотого рудника былъ бы гораздо богаче, если бы промѣнялъ орудія рудокопа на орудіе земледѣльца и сѣялъ хлѣбъ для рудокоповъ. Одинъ нѣмецъ-садовникъ въ 1849 г. „выручилъ въ одинъ сезонъ отъ продажи дынь громадную сумму въ 30.000 дол. Въ 1851 году другой садовникъ близъ Сакраменто выручилъ за свои дыни 20.000 долларовъ [1]). Но все это привело къ неизбѣжнымъ результатамъ конкурентнаго производства. Оказалось, что картофель давалъ обильный урожай и продавался по баснословно дорогой цѣнѣ, и слѣдствіемъ этого явилась „картофельная лихорадка". „Картофель сажали въ неимовѣрномъ количествѣ, и урожай былъ очень обильный; рынокъ былъ такъ наводненъ, и цѣна картофеля упала такъ низко, что равнялась цѣнѣ мѣшка, въ которомъ онъ продавался. Сотни тысячъ тоннъ картофеля превосходнаго качества, вырытаго и ссыпаннаго въ большіе ящики, гнили на фермахъ, потому что его не стоило везти на рынокъ, и запахъ разложенія былъ

[1]) *Hittel, „History* of California", Vol. III, p. 866.

такъ силенъ во многихъ мѣстахъ, что опасались появленія эпидемическихъ болѣзней [1]). Та же самая „лихорадка“ повторилась и въ другихъ формахъ въ Калифорніи, и то же самое случилось съ виноградомъ, изюмомъ, сливами и другими продуктами.

„Высокія цѣны и быстрое обогащеніе, — говоритъ Bancroft,—увлекали людей, склонныхъ къ спекуляціямъ, на путь крупныхъ предпріятій, въ родѣ обработки громадныхъ фермъ, при чемъ методы обработки употреблялись весьма поверхностные, какъ, напр., легкіе плуги, которые только царапали, а не вспахивали поверхность земли...

Результатомъ этого пристрастія калифорнцевъ къ экспериментамъ и перемѣнамъ было введеніе особой системы очистки вѣтвей фруктовыхъ деревьевъ (low-pruning), улучшеніе породъ скота, многообѣщающая культура шелка и хлопка и многочисленныя усовершенствованныя сельскохозяйственныя орудія, какъ, напр., различные плуги и молотилки, которые въ Калифорніи были болѣе усовершенствованы и употреблялись въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Немногія страны могутъ похвалиться такими разнообразными видами земледѣлія и такимъ предпріимчивымъ и развитымъ классомъ земледѣльцевъ, какъ Калифорнія“.

Страшная засуха 1862—64 г.г. положила конецъ преобладанію скотоводства, потому что громадныя стада погибли отъ голода, и многія тысячи головъ скота были зарѣзаны за недостаткомъ корма [2]). „По окончаніи пастушескаго періода тремя главнѣйшими продуктами Калифорніи были поочередно золото, зерновой хлѣбъ и фрукты. Кормовыя травы, золото и зерновой хлѣбъ уже сыграли свою роль, и теперь мы переживаемъ эпоху винодѣлія и садоводства. Каждая изъ этихъ главныхъ индустрій породила множество побочныхъ индустрій. Развитіе скотоводства, которое особенно процвѣтало въ продолженіе пастушескаго періода, предшествовавшаго открытію золотыхъ розсыпей, вело за собой развитіе торговли саломъ и шкурами, которая

[1]) Ibid.
[2]) Bancroft, History of California, Vol. XXIV, p. 15, 53.

была базисомъ сухопутной и прибрежной коммерціи. Открытіе золотыхъ розсыпей вызвало къ жизни новыя отрасли коммерціи и придало новыя формы обществу, а съ развитіемъ земледѣлія и садоводства появились болѣе утонченныя формы общежитія и болѣе высокая культура“ [1]).

Каждая изъ этихъ переходныхъ степеней мало-помалу расширяла экономическіе и соціальные центры жизни. Сначала такимъ центромъ былъ ранчъ [2]); затѣмъ онъ мало-по-малу расширялся, пока не достигъ размѣровъ всего штата, случайно приходившаго въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, и, наконецъ, всѣ преграды были уничтожены, и Калифорнія выступила на великій міровой рынокъ. Въ 1869—70 г.г. закончилась постройка трансконтинентальныхъ желѣзныхъ дорогъ, и Калифорнія была соединена съ восточными штатами такими крѣпкими узами, которыя иногда принимали характеръ оковъ. Исторія Калифорніи за послѣдніе двадцать лѣтъ есть въ значительной степени исторія борьбы между производителями и желѣзнодорожными компаніями. Такъ какъ цѣлью производства сдѣлалось не потребленіе, а продажа и прибыль, то цѣна продукта опредѣлялась проданнымъ излишкомъ; въ то же самое время доходъ фермера зависѣлъ не столько отъ обильнаго урожая, какъ прежде, сколько отъ колебаній желѣзнодорожнаго тарифа и рыночныхъ цѣнъ. Излишекъ продукта, опредѣляющій цѣну, можетъ быть проданъ только по доставкѣ его на рынки восточныхъ штатовъ. Желѣзнодорожныя компаніи владѣютъ единственнымъ средствомъ транспортированія, слѣдовательно, владѣютъ средствами къ жизни цѣлаго общества, съ котораго онѣ имѣютъ возможность взимать дань. Въ средѣ этого общества существуютъ всѣ разнообразные виды эксплуатаціи, хищничества и страданій, но съ точки зрѣнія фермера, гнетъ желѣзнодорожныхъ компаній является самымъ тяжелымъ и мучительнымъ. Мы не будемъ долго останавливаться на исторіи другихъ побережныхъ штатовъ Орегона и

---

[1]) Ibid. Vol. XXIV, chap I.

[2]) «Ранчъ»—форма, на которой скотоводство является главной промышленностью (прим. перев.).

Вашингтона, потому что она мало чѣмъ отличается отъ исторіи штатовъ средняго запада. Ихъ обширные лѣса, плодородныя долины и изобиліе рыбы создали довольно сложныя формы общественной организаціи съ преобладаніемъ мелкой земельной собственности, безъ всякихъ необычайныхъ осложненій. Эти штаты заселялись такъ же быстро, какъ штаты великихъ равнинъ, но „борьба“ съ лѣсами и далекое разстояніе отъ крупнаго рынка исключили возможность всякихъ внезапныхъ и рѣзкихъ скачковъ въ развитіи этихъ штатовъ.

Въ настоящее время пробужденіе Дальняго Востока, открытіе богатыхъ залежей минераловъ, кромѣ такъ называемыхъ драгоцѣнныхъ металловъ, и толчекъ, данный развитію лѣсопильнаго дѣла, благодаря порубкамъ лѣсовъ въ восточныхъ штатахъ,—вѣроятно, послужатъ началомъ новаго соціальнаго переворота на берегахъ Тихаго океана. Ходъ событій въ Азіи и распространеніе владычества американскаго капитала на тихоокеанскихъ островахъ указываютъ на то, что этотъ океанъ сдѣлается великимъ путемъ всемірной торговли въ будущемъ, а если это такъ и будетъ, то вся соціальная структура не только тихоокеанскихъ штатовъ, но всего американскаго материка будетъ, вѣроятно, потрясена до самаго основанія.

ГЛАВА VII.

Безводный поясъ.

Между девяностовосьмымъ западнымъ меридіаномъ и скалистыми горами простирается область, прошлое которой болѣе трагично, а будущее подаетъ болѣе блестящія надежды, чѣмъ прошлое и будущее какой-либо другой территоріи такой же величины въ предѣлахъ западнаго полушарія. Долгое время эта область обозначалась на географическихъ картахъ въ видѣ большого бѣлаго пятна, указывавшаго, что это негостепріимная пустыня. Но мало-по-малу, когда плотность населенія сосѣднихъ территорій стала возрастать, и потребность въ землѣ стала болѣе настоятельной, линія поселеній

кихъ хозяевъ, составлявшихъ корпорацію, т. е. попадалъ въ тѣ самыя условія, отъ которыхъ думалъ избавиться, покидая свою родину на востокѣ. Хотя эта сильно развитая система эксплуатаціи не могла совершенно лишить фермера всѣхъ выгодъ, которыя доставляла плодородная земля,—онъ все-таки въ гораздо большей степени зависѣлъ отъ другого общественнаго класса, чѣмъ фермеры другихъ штатовъ—лежавшихъ ближе къ востоку, и эта зависимость, самая тяжелая изъ всѣхъ цѣпей рабства.

На этомъ пунктѣ стоитъ остановиться нѣсколько дольше. Ключемъ къ пониманію всѣхъ экономическихъ условій этой территоріи является тотъ фактъ, что тамъ царила та же капиталистическая система, что и на востокѣ, только пересаженная на новую почву, при чемъ нѣкоторыя изъ худшихъ сторонъ этой системы были доведены до крайнихъ размѣровъ. Ростъ земельной цѣнности доставлялъ выгоды только желѣзнодорожнымъ да земельнымъ компаніямъ, фермеръ же очень рѣдко пользовался этими выгодами. Города не возникали вдоль естественныхъ коммерческихъ путей; пути эти, въ формѣ желѣзныхъ дорогъ, прокладывались сначала, а потомъ только ихъ владѣльцы совершенно произвольно рѣшали, гдѣ именно должны быть расположены центры населенія. Когда мѣсто было выбрано, тамъ немедленно возникалъ городъ, не посредствомъ постепенной диференціаціи и спеціализаціи индустріальной группы, но просто по повелѣнію корпораціи. Въ такихъ искусственно созданныхъ общинахъ не замѣчалось того духа взаимопомощи, которымъ отличались болѣе раннія пограничныя общины; наоборотъ, въ нихъ сразу воцарялась система сильной конкуренціи.

Еще однимъ существеннымъ различіемъ былъ характеръ самой мѣстности. Первые поселенцы къ востоку отъ Миссисипи должны были прежде всего „побѣдить“ лѣса и преодолѣть цѣлый рядъ естественныхъ препятствій. Теодоръ Рузвельтъ въ своей книгѣ „Покореніе Запада“ въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ піонера: „типичный поселенецъ вездѣ былъ человѣкъ, владѣвшій топоромъ и ружьемъ, мелкій фермеръ-піонеръ, жившій со своей многочисленной семьей на большомъ участкѣ поросшей лѣсомъ земли, въ 300—400

акровъ; изъ этихъ 300—400 акровъ онъ расчищалъ только 8—10, да и тѣ были расчищены плохо. Онъ воздѣлывалъ только это пространство земли и жилъ въ бревенчатой хижинѣ, состоявшей изъ одной комнаты, и очень рѣдко—изъ двухъ комнатъ и чердака".

Что касается поселенца западныхъ прерій, то его природа какъ бы ждала съ распростертыми объятіями Необозримый просторъ точно ждалъ плуга, чтобы дать обильную жатву, но какъ только посѣвъ былъ сжатъ и убранъ, на него сразу набрасывалась хищная стая ястребовъ, которая оставляла самому фермеру и его семьѣ ровно столько, сколько надо было, чтобы не умереть съ голоду. Покорить природу было очень легко, но бороться съ общественными паразитами очень трудно, почти невозможно. Поселенцамъ не грозила опасность со стороны дикихъ индѣйцевъ или хищныхъ звѣрей, но они были окружены цѣлыми полчищами гораздо болѣе коварныхъ и хитрыхъ враговъ. Первые шаги въ производствѣ цѣнностей, которые представляли самую трудную задачу для поселенца лѣсовъ Огайо, Кентукки или Индіаны, задачу, на исполненіе которой онъ употреблялъ всю свою энергію,—эти первые шаги требовали сравнительно небольшой затраты силъ со стороны фермера Дакоты, Небраски или Канзаса. Но когда онъ намѣревался передать свой продуктъ въ руки потребителя, пожать плоды своего труда и завершить процессъ производства,—онъ безпомощно останавливался передъ такими гигантскими финансовыми корпораціями, подобныхъ которымъ міръ еще никогда не видѣлъ. Природа почти безъ всякой борьбы отдавала ему свои дары, но общественныя отношенія лишали производителя почти всего, что онъ производилъ. Вполнѣ естественно было, что фермеры начали рѣзко порицать общественныя отношенія, смутно и неопредѣленно сознавая, что именно эти отношенія мѣшали имъ пользоваться тѣми баснословно роскошными дарами, которыми плодородная почва вознаграждала ихъ почти безъ всякихъ усилій. Но такъ какъ проблемы общественныхъ отношеній гораздо болѣе сложны, чѣмъ проблемы земледѣлія, то неудивительно, что первыя попытки фермеровъ были неудачны до смѣшного. Подстрекаемые слѣпой ненавистью, уязвленные сознаніемъ

несправедливости, западные фермеры слѣпо бросились впередъ, сдѣлавъ цѣлый рядъ экономическихъ ошибокъ. Они образовали цѣлую армію политическихъ и соціальныхъ Донъ-Кихотовъ, выросшую на удивленіе и посмѣшище всего міра. Смутно сознавая, что ихъ давитъ сконцентрированный капиталъ, они старались надѣть на него оковы, обуздать его силу, не подозрѣвая возможности превратить его въ свое могучее орудіе и надежнаго слугу. Они старались ограничить конкуренцію, помѣшать концентраціи и вообще повернуть назадъ ходъ общественнаго развитія: они хотѣли вліять на общественныя отношенія посредствомъ оковъ и ограниченій, а не посредствомъ разумнаго управленія ими. Такъ какъ, по ихъ мнѣнію, деньги были предметомъ спекуляцій въ рукахъ ихъ эксплуататоровъ, были тѣмъ орудіемъ, посредствомъ котораго эти послѣдніе лишали фермера всѣхъ благъ, то они старались измѣнить цвѣтъ и форму денегъ, надѣясь такимъ образомъ помѣшать эксплуатаціи.

Въ настоящее время замѣчаются признаки объединенія тружениковъ земли съ тружениками фабрики, чтобы укрѣпить за собой разумную власть надъ тѣми соціальными силами, которая необходима и тому и другому классу производителей.

ГЛАВА VI.

Дальній Западъ.

Штаты Тихоокеанскаго побережья до недавняго времени были въ значительной степени изолированы отъ остальной части Соединенныхъ Штатовъ какъ съ географической, такъ и съ соціальной точки зрѣнія. Исторія этихъ штатовъ распадается на нѣсколько весьма ясно разграниченныхъ эпохъ, и переходы отъ одной эпохи къ другой были гораздо болѣе рѣзки и внезапны, чѣмъ въ исторіи какой-либо другой страны въ мірѣ [1]).

[1]) Это подраздѣленіе на эпохи и краткое описаніе каждой изъ нихъ заимствованы изъ книги: „The resources of California“ by john. S. Hittel“, кромѣ того, см. Bancroft's „Works“, Vol 24. chap. I.

Первая изъ нихъ, — эпоха индѣйскаго владычества — насъ не интересуетъ. Вторая,—„эпоха испанскаго владычества и аскетизма—продолжалась 53 года, начиная съ 11 апрѣля 1769 г., когда бригъ „Санъ-Антоніо“ прибылъ въ Санъ-Діего“. Эта эпоха также не имѣла особеннаго вліянія на современное намъ общество и оставила послѣ себя только новый архитектурный стиль, которымъ отличались зданія миссій.

„Третья эпоха,—эпоха мексиканскаго владычества и пастушеской жизни, продолжалась 24 года, начиная съ 9-го апрѣля 1822 г., когда офиціально была объявлена независимость Мексики отъ Испаніи“. Эта эпоха представляетъ собой наиболѣе вѣрную репродукцію пастушескаго періода, пережитаго человѣчествомъ много вѣковъ тому назадъ, которую только можно найти въ исторіи. Объ этомъ періодѣ Hittel говоритъ слѣдующее: „Калифорнскіе мексиканцы жили праздной, безпечной жизнью; ихъ единственной статьей дохода была продажа сала и шкуръ рогатаго скота, который пасся на обширныхъ пастбищахъ. Они не имѣли работы, не знали почти никакихъ заботъ и были вполнѣ счастливы, потому что ни о чемъ лучшемъ не знали... Различныя житейскія невзгоды, столь обычныя вездѣ, ихъ не касались. У нихъ не было ни адвокатовъ, ни врачей, ни сборщиковъ податей, ни газетъ, не было пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ, дилижансовъ, почтовыхъ конторъ, правильной почты и цилиндровъ. Они составляли какъ бы одну большую семью и всегда готовы были съ радостью принять и угостить всякаго члена этой семьи, или угощаться у него. Время у нихъ не считалось деньгами, знаніе не считалось силой“ [1]). Этотъ авторъ, такъ же какъ и другіе, описывавшіе эту аркадскую простоту и счастливую жизнь, очевидно, пришелъ къ убѣжденію, что это счастье, какъ и простота, должно исчезнуть съ наступленіемъ современныхъ общественныхъ отношеній. Въ томъ, что онѣ исчезли — невозможно сомнѣваться, но есть вѣскія причины сомнѣваться въ томъ, что это исчезновеніе было необходимо. Фактъ, что болѣе полная побѣда надъ природой, большая возможность создавать тѣ блага, въ которыхъ чело-

[1]) Hittel. „Resources of California“, предисловіе.

вѣкъ нуждается,—вызываютъ болѣе свирѣпую борьбу за обладаніе этими необходимыми благами и большій недостатокъ ихъ между огромной частью населенія, — этотъ фактъ кажется страннымъ парадоксомъ. Впрочемъ, здѣсь не мѣсто разсуждать объ этой сторонѣ вопроса.

Нѣкоторыя другія особенности этого общества также заслуживаютъ нашего вниманія. H. H. Bancroft говоритъ слѣдующее: „Они не знали разницы между извѣстной величиной и другой величиной, во сто разъ большей. Земля сама по себѣ не имѣла никакой цѣнности, такъ что не было большой разницы въ томъ, измѣрялись ли чьи-нибудь владѣнія акрами или квадратными милями. То же самое было со стадами: четыре тысячи головъ, сорокъ тысячъ, или даже четыреста тысячъ — разница была не велика, потому что владѣлецъ ихъ не имѣлъ возможности продавать больше извѣстнаго числа головъ и не имѣлъ желанія присматривать за очень большимъ стадомъ. Такъ какъ рогатый скотъ и лошади, вывезенныя изъ Мексики, все размножались, пока стада достигли такихъ размѣровъ, что надлежащій уходъ за ними требовалъ больше времени и труда, чѣмъ владѣлецъ могъ удѣлить этому, то животныя дичали и бродили на волѣ по равнинамъ Санъ-Джоакина и Сакраменто. Положеніе дѣлъ было таково, что было время, когда всякій могъ убивать скотъ для употребленія въ пищу, если только онъ отдавалъ шкуру владѣльцу скотины. Впослѣдствіи, когда началась иммиграція, скотъ сталъ пріобрѣтать извѣстную цѣнность[1]). Это, конечно, не значило, что рессурсы Калифорніи въ производствѣ пищевыхъ продуктовъ достигли своихъ границъ—она еще и въ настоящее время очень далека отъ этого,—это значило только, что тогда появилась возможность монополизировать источники этого производства, и что эта монополія была выгодна, потому что въ странѣ появился классъ людей, не имѣвшихъ доступа къ землѣ и лишенныхъ возможности производить свои собственные пищевые продукты. Въ раннемъ періодѣ развитія этой страны люди боялись только стихійныхъ бѣдствій, въ особенности засухи, потому что борьба за существованіе велась не между человѣ-

[1]) H. H. Bancroft, „Works“, Vol. 34, p. 335—6.

комъ и человѣкомъ, а между человѣкомъ и природой. Какъ примѣръ страшнаго опустошенія, причиняемаго подобнымъ бѣдствіемъ, мы укажемъ на засуху 1828 — 1830 г., благодаря которой число головъ рогатаго скота въ стадахъ упало съ 153.000 до 20.000 [1]).

Главнымъ наслѣдствомъ, которое этотъ періодъ оставилъ позднѣйшему, было много дарственныхъ записей на громадные участки земли, и эти записи такъ же поработили бѣлыхъ работниковъ, какъ въ былыя времена порабощали индѣйскихъ рабочихъ при миссіяхъ. Во время владычества миссіонеровъ записи на землю свободно раздавались духовенствомъ; послѣ этого испанскій королевскій губернаторъ снова распредѣлилъ земли нѣсколько иначе, при чемъ условія землевладѣнія были утверждены въ Испаніи. Главные коменданты портовъ также имѣли право по своему усмотрѣнію распоряжаться землями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и судьбой милліоновъ еще неродившихся американскихъ гражданъ. Съ 1784 по 1795 было роздано особенно много записей на участки земли, величиной отъ 100.000 до 300.000 акровъ каждый, обладаніе которой впослѣдствіи сдѣлалось вопросомъ жизни и смерти для цѣлой арміи работниковъ, но которая тогда не имѣла никакой цѣнности. „Невозможно сказать съ точностью, сколько именно земли было роздано такимъ образомъ въ Калифорніи до 7-го іюля 1846 г.; земельной комиссіи было предъявлено 813 записей на двѣнадцать съ лишнимъ милліоновъ акровъ земли... 514 изъ этихъ записей были утверждены, большинство изъ нихъ безъ точнаго плана или подробнаго описанія“. Очень часто межи этихъ участковъ были перепутаны; владѣльцы ихъ абсолютно ничего не дѣлали, чтобы придать землѣ какую-либо цѣнность. И все-таки большинство изъ нихъ было законно утверждено въ своихъ правахъ, и въ настоящее время могучая армія тружениковъ въ Калифорніи лишена доступа къ землѣ, благодаря прихотямъ испанскихъ чиновниковъ и милостямъ невѣжественныхъ миссіонеровъ [2]).

[1]) Ibid. p. 338.

[2]) Hittel. „History of California. Vol. II, p. 746. См. также Royce „California“ p. 466—491. Оба автора на сторонѣ владѣльцевъ этихъ дарственныхъ записей, но признаютъ описанные въ текстѣ факты.

„Эпоха американскаго владычества и промышленнаго развитія въ Калифорніи началась съ 7-го іюля 1846 г., когда американскій флагъ былъ поднятъ въ Монтереѣ". Съ окончанія мексиканской войны, когда Калифорнія была присоединена, какъ желательное и возможное поприще для болѣе широкаго примѣненія системы рабства, туда устремился безпрерывный, хотя и небольшой вначалѣ, потокъ иммигрантовъ изъ восточныхъ штатовъ.

Вскорѣ послѣ этого были открыты золотыя розсыпи; исторія этого періода извѣстна всему міру. Опьяненные жаждой золота, золотоискатели предались такому дикому, неистовому буйству, предъ которымъ блѣднѣетъ все, что намъ извѣстно о жизни аборигеновъ-индѣйцевъ. Только грубая сила закона Линча да „комитеты бдительности" могли создать изъ этого жестокаго, дикаго хаоса нѣкоторое подобіе общественнаго порядка, который послужилъ базисомъ современной соціальной организаціи.

Тѣ немногіе люди, которые въ тѣ времена обращались къ занятію земледѣліемъ, получали баснословныя цѣны за свои продукты. Не одинъ владѣлецъ золотого рудника былъ бы гораздо богаче, если бы промѣнялъ орудія рудокопа на орудіе земледѣльца и сѣялъ хлѣбъ для рудокоповъ. Одинъ нѣмецъ-садовникъ въ 1849 г. „выручилъ въ одинъ сезонъ отъ продажи дынь громадную сумму въ 30.000 дол. Въ 1851 году другой садовникъ близъ Сакраменто выручилъ за свои дыни 20.000 долларовъ [1]). Но все это привело къ неизбѣжнымъ результатамъ конкурентнаго производства. Оказалось, что картофель давалъ обильный урожай и продавался по баснословно дорогой цѣнѣ, и слѣдствіемъ этого явилась „картофельная лихорадка". „Картофель сажали въ неимовѣрномъ количествѣ, и урожай былъ очень обильный; рынокъ былъ такъ наводненъ, и цѣна картофеля упала такъ низко, что равнялась цѣнѣ мѣшка, въ которомъ онъ продавался. Сотни тысячъ тоннъ картофеля превосходнаго качества, вырытаго и ссыпаннаго въ большіе ящики, гнили на фермахъ, потому что его не стоило везти на рынокъ, и запахъ разложенія былъ

[1]) *Hittel*, „History of California", Vol. III, p. 866.

такъ силенъ во многихъ мѣстахъ, что опасались появленія эпидемическихъ болѣзней [1]). Та же самая „лихорадка“ повторилась и въ другихъ формахъ въ Калифорніи, и то же самое случилось съ виноградомъ, изюмомъ, сливами и другими продуктами.

„Высокія цѣны и быстрое обогащеніе, — говоритъ Bancroft,—увлекали людей, склонныхъ къ спекуляціямъ, на путь крупныхъ предпріятій, въ родѣ обработки громадныхъ фермъ, при чемъ методы обработки употреблялись весьма поверхностные, какъ, напр., легкіе плуги, которые только царапали, а не вспахивали поверхность земли...

Результатомъ этого пристрастія калифорнцевъ къ экспериментамъ и перемѣнамъ было введеніе особой системы очистки вѣтвей фруктовыхъ деревьевъ (low-pruning), улучшеніе породъ скота, многообѣщающая культура шелка и хлопка и многочисленныя усовершенствованныя сельскохозяйственныя орудія, какъ, напр., различные плуги и молотилки, которые въ Калифорніи были болѣе усовершенствованы и употреблялись въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Немногія страны могутъ похвалиться такими разнообразными видами земледѣлія и такимъ предпріимчивымъ и развитымъ классомъ земледѣльцевъ, какъ Калифорнія“.

Страшная засуха 1862—64 г.г. положила конецъ преобладанію скотоводства, потому что громадныя стада погибли отъ голода, и многія тысячи головъ скота были зарѣзаны за недостаткомъ корма [2]). „По окончаніи пастушескаго періода тремя главнѣйшими продуктами Калифорніи были поочередно золото, зерновой хлѣбъ и фрукты. Кормовыя травы, золото и зерновой хлѣбъ уже сыграли свою роль, и теперь мы переживаемъ эпоху винодѣлія и садоводства. Каждая изъ этихъ главныхъ индустрій породила множество побочныхъ индустрій. Развитіе скотоводства, которое особенно процвѣтало въ продолженіе пастушескаго періода, предшествовавшаго открытію золотыхъ розсыпей, вело за собой развитіе торговли саломъ и шкурами, которая

---

[1]) Ibid.
[2]) Bancroft, History of California, Vol. XXIV, p. 15, 53.

была базисомъ сухопутной и прибрежной коммерціи. Открытіе золотыхъ розсыпей вызвало къ жизни новыя отрасли коммерціи и придало новыя формы обществу, а съ развитіемъ земледѣлія и садоводства появились болѣе утонченныя формы общежитія и болѣе высокая культура“ [1]).

Каждая изъ этихъ переходныхъ степеней мало-помалу расширяла экономическіе и соціальные центры жизни. Сначала такимъ центромъ былъ ранчъ [2]); затѣмъ онъ мало-по-малу расширялся, пока не достигъ размѣровъ всего штата, случайно приходившаго въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, и, наконецъ, всѣ преграды были уничтожены, и Калифорнія выступила на великій міровой рынокъ. Въ 1869—70 г.г. закончилась постройка трансконтинентальныхъ желѣзныхъ дорогъ, и Калифорнія была соединена съ восточными штатами такими крѣпкими узами, которыя иногда принимали характеръ оковъ. Исторія Калифорніи за послѣдніе двадцать лѣтъ есть въ значительной степени исторія борьбы между производителями и желѣзнодорожными компаніями. Такъ какъ цѣлью производства сдѣлалось не потребленіе, а продажа и прибыль, то цѣна продукта опредѣлялась проданнымъ излишкомъ; въ то же самое время доходъ фермера зависѣлъ не столько отъ обильнаго урожая, какъ прежде, сколько отъ колебаній желѣзнодорожнаго тарифа и рыночныхъ цѣнъ. Излишекъ продукта, опредѣляющій цѣну, можетъ быть проданъ только по доставкѣ его на рынки восточныхъ штатовъ. Желѣзнодорожныя компаніи владѣютъ единственнымъ средствомъ транспортированія, слѣдовательно, владѣютъ средствами къ жизни цѣлаго общества, съ котораго онѣ имѣютъ возможность взимать дань. Въ средѣ этого общества существуютъ всѣ разнообразные виды эксплуатаціи, хищничества и страданій, но съ точки зрѣнія фермера, гнетъ желѣзнодорожныхъ компаній является самымъ тяжелымъ и мучительнымъ. Мы не будемъ долго останавливаться на исторіи другихъ побережныхъ штатовъ Орегона и

---

[1]) Ibid. Vol. XXIV, chap I.

[2]) «Ранчъ»—форма, на которой скотоводство является главной промышленностью (прим. перев.).

Вашингтона, потому что она мало чѣмъ отличается отъ исторіи штатовъ средняго запада. Ихъ обширные лѣса, плодородныя долины и изобиліе рыбы создали довольно сложныя формы общественной организаціи съ преобладаніемъ мелкой земельной собственности, безъ всякихъ необычайныхъ осложненій. Эти штаты заселялись такъ же быстро, какъ штаты великихъ равнинъ, но „борьба“ съ лѣсами и далекое разстояніе отъ крупнаго рынка исключили возможность всякихъ внезапныхъ и рѣзкихъ скачковъ въ развитіи этихъ штатовъ.

Въ настоящее время пробужденіе Дальняго Востока, открытіе богатыхъ залежей минераловъ, кромѣ такъ называемыхъ драгоцѣнныхъ металловъ, и толчекъ, данный развитію лѣсопильнаго дѣла, благодаря порубкамъ лѣсовъ въ восточныхъ штатахъ,—вѣроятно, послужатъ началомъ новаго соціальнаго переворота на берегахъ Тихаго океана. Ходъ событій въ Азіи и распространеніе владычества американскаго капитала на тихоокеанскихъ островахъ указываютъ на то, что этотъ океанъ сдѣлается великимъ путемъ всемірной торговли въ будущемъ, а если это такъ и будетъ, то вся соціальная структура не только тихоокеанскихъ штатовъ, но всего американскаго материка будетъ, вѣроятно, потрясена до самаго основанія.

ГЛАВА VII.

Безводный поясъ.

Между девяностовосьмымъ западнымъ меридіаномъ и скалистыми горами простирается область, прошлое которой болѣе трагично, а будущее подаетъ болѣе блестящія надежды, чѣмъ прошлое и будущее какой-либо другой территоріи такой же величины въ предѣлахъ западнаго полушарія. Долгое время эта область обозначалась на географическихъ картахъ въ видѣ большого бѣлаго пятна, указывавшаго, что это негостепріимная пустыня. Но мало-по-малу, когда плотность населенія сосѣднихъ территорій стала возростать, и потребность въ землѣ стала болѣе настоятельной, линія поселеній

двигалась все дальше въ глубину этого пространства земли, какъ казалось, ни къ чему непригодной. Появляясь по окончаніи случайныхъ періодовъ дождя, эта линія то отступала, то снова приближалась,—смотря по тому наступали ли дожди или засуха,—точно могучая волна, ударявшаяся о подножіе огромной цѣпи Скалистыхъ горъ. Каждая такая волна оставляла послѣ себя разрушеніе и гибель — потерянныя состоянія, заброшенныя фермы, разоренныя семьи. Одинъ изъ наиболѣе компетентныхъ писателей по этому вопросу описываетъ это явленіе слѣдующимъ образомъ [1]).

„Эти Великія равнины могутъ быть охарактеризованы, какъ область періодическихъ голодовокъ. Какъ парадоксально это ни кажется, голодовки случаются не въ странахъ съ безплодной почвой, а въ странахъ съ плодородной почвой, здоровымъ климатомъ и, слѣдовательно, плотнымъ населеніемъ. Такъ же какъ и въ другихъ мѣстностяхъ земного шара, гдѣ случаются неурожаи, почва этихъ равнинъ очень плодородна, климатъ пріятенъ; тамъ имѣются всѣ физическія данныя, благопріятныя для появленія многочисленнаго населенія и распространенія различныхъ видовъ животнаго и растительнаго царства; недостаетъ только одного, очень существеннаго фактора--воды. Проходятъ годы, когда не ощущается недостатка въ водѣ; кормовыя травы плотнымъ ковромъ покрываютъ землю, стада размножаются, поселенцы расширяютъ свои поля; потомъ, почти незамѣтно, климатъ становится менѣе влажнымъ, облака каждый день безслѣдно исчезаютъ за горизонтомъ, и цѣлые недѣли и мѣсяцы проходятъ безъ того, чтобы упала капля влаги. Травы блекнутъ, стада уныло бродятъ по равнинамъ, отыскивая воду, посѣвы вянутъ и чахнутъ, не давая даже достаточно зерна для будущаго посѣва. Осень и зима наступаютъ и проходятъ, и случайные дожди только изрѣдка окропляютъ землю, а слѣдующей весной она такъ суха, что вѣтеръ подымаетъ цѣлые столбы пыли на равнинахъ. За этимъ періодомъ засухи слѣдуетъ иногда другой и, пожалуй,

[1]) Frederick Newell. «Irrigation of the great Plains» Agricultural Year Book, 1896, p. 167—196. Смотри также, U. S. Report on Arid Lands p. 72—73.

третій; поселенцы уходятъ, забирая съ собой столько домашняго скарба, сколько могутъ свезти чахлыя вьючныя животныя; стада вымираютъ, чудныя долины, прежде такія плодородныя, превращаются въ сухую сѣрую пустыню, гдѣ бродятъ только степные волки. Потомъ наступаетъ періодъ обильныхъ дождей. Растительность прерій, точно дремавшая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, снова просыпается и оживаетъ, а вмѣстѣ съ этимъ просыпаются и надежды новыхъ піонеровъ, за которыми слѣдуетъ цѣлый потокъ иммигрантовъ, не изсякающій до слѣдующей долгой засухи. Эта поочередная смѣна изобилія и голода въ Европѣ и на Востокѣ такъ же стара, какъ исторія этихъ странъ, и, вѣроятно, будетъ повторяться и на нашихъ Великихъ равнинахъ, если только американская изобрѣтательность, терпѣніе и энергія не отыщутъ способовъ для успѣшной ирригаціи".

Но такая борьба человѣка съ природой необходима только въ періодъ дѣтства человѣчества. Въ настоящее время никто не осмѣлится утверждать, что такая мучительная борьба неизбѣжна потому, что въ Америкѣ нѣтъ достаточно земли, которая уродила бы столько хлѣба, сколько необходимо для населенія. Истинную причину этихъ бѣдствій и страданій можно отыскать въ слѣдующемъ извлеченіи изъ другого официальнаго документа [1]).

„Когда наступаетъ долголѣтній періодъ засухи, и одинъ неурожай слѣдуетъ за другимъ, богатство населенія исчезаетъ, и поселенцы бываютъ вынуждены закладывать свою землю, чтобы добыть средства къ жизни. Имъ приходится распродать своихъ лошадей, рогатый скотъ и овецъ, потому что животныя поѣдаютъ пищу, въ которой нуждаются жены и дѣти поселенцевъ, и въ концѣ концевъ голодъ принуждаетъ ихъ самихъ покинуть фермы. Въ это время ростовщики, благодаря просроченнымъ закладнымъ, успѣваютъ захватить землю въ свои руки, и какъ только наступаетъ періодъ дождей, снова начинается земельная спекуляція; люди, которые пріобрѣтаютъ фермы и воздѣлываютъ ихъ, въ свою очередь разоряются и покидаютъ эту мѣстность.

[1]) U. S. Report on Arid Lands, Minority Report of Committee p. 102.

Такія бѣдствія уже случались по нѣскольку разъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этой области... Во всей исторіи Соединенныхъ Штатовъ нельзя, вѣроятно, найти другого примѣра, чтобы такая многочисленная группа населенія подвергалась такому безжалостному разоренію, благодаря обманамъ и интригамъ спекуляторовъ, какъ временные жители этихъ безводныхъ равнинъ".

Итакъ, причиной подобнаго положенія вещей была не суровая и скупая природа, а общественныя учрежденія. Въ дѣйствительности, изобрѣтательный человѣческій умъ уже давно разрѣшилъ вопросъ объ ирригаціи этой области, но отсутствіе надлежащей соціальной организаціи мѣшаетъ пользованію плодами этой изобрѣтательности [1]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этой территоріи, особенно по берегамъ рѣкъ и въ горныхъ долинахъ, которые также можно назвать частью этой территоріи, хотя они находятся внѣ границъ, указанныхъ въ началѣ этой главы, — ирригація уже практиковалась съ самаго начала ихъ заселенія. Въ настоящее время насъ интересуетъ вопросъ о вліяніи ирригаціи на прогрессъ этихъ поселеній; другія стороны этого вопроса мы пока оставимъ. Подобная система земледѣлія (съ помощью ирригаціи) неизбѣжно вела къ тому, что поселенія возникали на берегахъ рѣкъ, что они были очень компактны по своей формѣ и въ значительной степени кооперативны, и что они состояли изъ мелкихъ владѣній, по крайней мѣрѣ, въ самомъ началѣ своего существованія [2]).

---

1) Вопросъ объ ирригаціи въ дѣйствительности показывается такимъ простымъ, что не заслуживаетъ даже названія вопроса. На протяженіи почти всей территоріи имѣется слой подпочвы съ неизсякаемымъ запасомъ воды. Ровная обширная поверхность преріи благопріятствуетъ возникновенію постоянныхъ сильныхъ вѣтровъ, которыми эта мѣстность извѣстна и сила которыхъ можетъ быть утилизирована для выкачиванія воды на поверхность. (См. «Water Supply and Irrigation Papers». United States Geological Survey, № 5, 6, 8, 12, 29). Новые виды хлѣбныхъ растеній, какъ, напр., «макаронная пшеница» и альфальфа, и новые методы культуры дѣлаютъ возможной обработку земли въ этой мѣстности при очень рѣдкихъ дождяхъ.

2) Wm. E Smythe. Conquest of Arid America, p 31—32: «При выборѣ мѣста для жилища поселенцы восточныхъ штатовъ не должны были соображаться съ желаніями своихъ сосѣдей, развѣ только въ

Здѣсь мы находимъ нѣкоторое сходство съ условіями, созданными на среднемъ западѣ, благодаря густымъ лѣсамъ и враждебнымъ племенамъ индѣйцевъ; но на этомъ сходство кончается. Земледѣліе при помощи ирригаціи съ самаго начала требовало крупныхъ денежныхъ затратъ, а это обстоятельство, съ одной стороны, вынуждало людей основать кооперативныя организаціи, а съ другой—положило основаніе рабской зависимости фермеровъ отъ крупныхъ ирригаціонныхъ компаній. Методъ обработки земли былъ „интенсивный“, а не поверхностно-„экстенсивный“; разъ основанныя поселенія дѣлались постоянными, и формы общественнаго развитія были довольно сложны и законченны съ самаго начала.

Эти „ирригаціонныя“ поселенія очень долгое время представляли собой цѣпь изолированныхъ группъ,

---

тѣхъ случаяхъ, когда они нуждались въ защитѣ отъ индѣйцевъ. Они расчищали участокъ лѣса, или взрывали дернъ въ степи, и такимъ образомъ начинали работу; они брали столько земли, сколько разрѣшалось закономъ, и большую часть ея оставляли необработанной, какъ предметъ для спекуляцій. Результатомъ этой жадности къ пріобрѣтенію земли было появленіе огромныхъ фермъ, а это, къ свою очереди, вызвало соціальную изолированность. Всякій дѣйствовалъ отдѣльно, исключительно для своихъ личныхъ выгодъ, и условія не только благопріятствовали этому, но просто вынуждали къ этому. Изъ этихъ зародышей нашей восточной гражданственности выросли индивидуальныя предпріятія—знаменательное явленіе извѣстнаго періода; дальнѣйшимъ результатомъ всего этого явилась сильная конкуренція, а впослѣдствіи—стремленіе къ монополіи. Условія же, съ которыми приходилось считаться поселенцамъ въ пустыняхъ Юты, были совершенно иныя. Тамъ поселенецъ не могъ построить дома или добывать средства къ жизни, не считаясь со своими сосѣдями. Безъ воды для орошенія плодородной, но сухой почвы онъ не могъ вырастить ни одного зерна хлѣба, ни одной былинки. Для того, чтобы достать воду для орошенія, существовалъ одинъ только способъ: надо было отвести теченіе рѣки и прорыть каналы, при чемъ эти каналы часто приходилось вырубать въ скалахъ, или проводить воду чрезъ пропасти при помощи жолобовъ. Устройство всего этого было совершенно не по силамъ одному человѣку. Такимъ образомъ люди додумались до того, что ассоціація и организація есть цѣна жизни и благоденствія на безводномъ западѣ; другимъ исходомъ, кромѣ этого, была голодная смерть». Какъ мы уже видѣли раньше, духъ кооперации былъ развитъ между поселянами лѣсистыхъ мѣстностей гораздо больше, чѣмъ допускаетъ этотъ писатель; но тѣмъ не менѣе, это сравненіе наводитъ на нѣкоторыя размышленія.

жившихъ своей собственной экономической и соціальной жизнью и очень слабо связанныхъ съ внѣшнимъ міромъ. Эти поселенія бывали обыкновенно расположены по берегамъ какой-нибудь рѣки и благодаря своимъ крупнымъ размѣрамъ достигали гораздо высшей и болѣе сложной степени соціальнаго развитія, чѣмъ поселенія болѣе ранняго періода въ восточныхъ и среде-западныхъ штатахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ поселеній, какъ, напр., поселенія мормоновъ въ Ютѣ, достигли значительныхъ размѣровъ, и капиталистическій строй развился тамъ въ очень замѣтной степени совершенно самостоятельно, безъ всякаго соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ. Но постепенно, по мѣрѣ того, какъ заселялись болѣе влажныя мѣстности, громадный потокъ безземельныхъ тружениковъ, направлявшійся на западъ, наводнилъ и эти изолированныя общины, совершенно затопивъ ихъ, и въ настоящее время эти общины быстро утрачиваютъ свою оригинальность и самостоятельность въ бушующемъ морѣ капитализма.

КНИГА ВТОРАЯ.

Экономическое положеніе американскаго фермера.

ГЛАВА I.

Стремленіе въ города.

Стремленіе населенія изъ деревень въ большіе города—одно изъ самыхъ характерныхъ явленій современной соціальной эволюціи. Это явленіе замѣчается вездѣ, гдѣ только упрочилась современная фабричная система [1]), но нигдѣ оно не такъ рѣзко и ясно, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ 1790 году всего 3,35% всего населенія жило въ городахъ, имѣвшихъ населеніе свыше 8.000 жителей. За послѣдующія сорокъ лѣтъ эта часть населенія возросла до 6,72%. Но съ 1830 года началось массовое переселеніе въ города, и въ 1870 году 20,93% населенія жило въ городахъ вышеупомянутыхъ размѣровъ, въ 1890 году эта часть населенія равнялась 29,20%, а согласно переписи 1900 года, она равняется

[1]) См. Shaw „Municipal Government in Great Britain". Наилучшей работой по этому вопросу служатъ книги Эмиля Вандервельда „La propriété foncière en Belgique" и „ L'exode Rural". См. также „Ein Kapital zur Aufsaugung des Landes durch die Stadt.", того же автора (Archiv für Sociale Gesetzgebung, Vol XVI, p. 80—104).

33,1% [1]). Эта тенденція продолжаетъ дѣйствовать съ возрастающей быстротой.

Годы:	Общее населеніе.	Городское населеніе.	Число городовъ съ населеніемъ свыше 8.000.	% населенія въ городахъ.
1790 . . .	3.929.214	131.472	6	3,4
1800 . . .	5.308.483	210.873	6	4,0
1810 . . .	7.239.881	356.920	11	4,9
1820 . . .	9.638.453	475.135	13	4,9
1830 . . .	12.866.020	864.509	26	6,7
1840 . . .	17.069.453	1.453.994	44	8,5
1850 . . .	23.191.876	2.897.586	85	12,5
1860 . . .	31.443.321	5.072.256	141	16,1
1870 . . .	38.558.371	8.071.875	226	20,9
1880 . . .	50.155.783	11.318.547	286	22,6
1890 . . .	62.622.250	18.272.503	447	29,2
1900 . . .	75.463.039	24.992.199	545	33,1

Если прибавить всѣ города, съ населеніемъ свыше 4.000, то часть городского населенія будетъ равняться 37,3%. Если же считать города (incorporated places) съ населеніемъ свыше 1.000, то мы увидимъ, что 47,1% населенія живетъ въ подобныхъ городахъ.

И до тѣхъ поръ, пока оно будетъ продолжаться, оно будетъ служить вѣскимъ неопровержимымъ отвѣтомъ на утвержденія, что участь городского рабочаго гораздо тяжелѣе участи средняго фермера. Это движеніе доказываетъ на дѣлѣ, что, по мнѣнію громаднаго большинства тѣхъ, которые лучше всѣхъ могутъ судить объ этомъ,—т. е. по мнѣнію самихъ фермеровъ, ихъ сыновей и дочерей,—жизнь наемнаго рабочаго въ городѣ слѣдуетъ предпочесть жизни фермера. Что это мнѣніе не мѣняется послѣ знакомства фермера съ городской жизнью,—ясно доказываетъ тотъ фактъ, что, какимъ бы лишеніямъ ни подвергался фермеръ, обратившійся въ горожанина, его почти невозможно уговорить вернуться въ деревню, изъ которой онъ явился и съ жизнью которой онъ хорошо знакомъ. Наконецъ, если фермеръ рѣшаетъ „удалиться отъ дѣлъ“ и вкусить радостей жизни,—онъ всегда переѣзжаетъ въ городъ, и это доказываетъ, что пребываніе его въ деревнѣ было дѣломъ подневольнымъ, а не добровольнымъ.

Въ связи съ этимъ не слѣдуетъ забывать того факта, что покидаетъ землю ради города *лучшая* часть дере-

[1]) George K. Holmes—Agricultural Jear Book, 1889, p. 313.

венскаго населенія, что уходитъ молодое поколѣніе и наиболѣе способные изъ молодежи. Достаточно посѣтить любую деревню, чтобы убѣдиться въ этомъ; со всѣхъ сторонъ вы услышите, что сынъ того или дочь другого, успѣвшіе выказать недюжинныя способности въ деревенской школѣ, отправились въ городъ. Благодаря этому, на фермахъ остаются только люди съ худшимъ образованіемъ, люди безъ особенно честолюбивыхъ стремленій, люди несвѣдущіе и неискусные, а кромѣ нихъ, только старики да ни къ чему непригодные люди. Конечнымъ результатомъ этого „сохраненія неприспособленныхъ“ долженъ быть тотъ фактъ, что деревенское населеніе будетъ гораздо ниже городского въ интеллектуальномъ, физическомъ и экономическомъ отношеніи.

Но это только одинъ изъ различныхъ способовъ, которыми городъ, какъ жадный вампиръ, высасываетъ лучшую кровь деревень. Городъ, точно центръ могучаго водоворота, поглощаетъ всѣ лучшіе плоды соціальнаго прогресса и большую часть худшихъ. Весь излишекъ цѣнностей, кромѣ того, что необходимо фермеру для поддержанія жизни, неизбѣжно попадаетъ въ руки городского населенія въ видѣ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, процентовъ. куртажа, прибыли, или въ какой-либо другой формѣ налога на производство, а на долю фермера часто остается гораздо меньше, чѣмъ получаетъ городской рабочій. Плоды перваго и лучшаго урожая всегда отсылаются въ городъ, а самъ фермеръ вынужденъ довольствоваться „остатками“ и „объѣдками“.

Въ городѣ же живетъ и человѣкъ, у котораго заложена ферма, и владѣлецъ крупной фермы, отданной въ аренду, въ руки которыхъ постоянно льется потокъ богатствъ, созданныхъ деревенскими работниками. Въ городъ уходитъ и большая часть доходовъ, получаемыхъ государствомъ въ формѣ налоговъ, изъ которыхъ непропорціонально большую часть платитъ фермеръ. Въ городѣ мы находимъ огромныя общественныя зданія и въ то же самое время находимъ людей, всякими неправдами уклоняющихся отъ уплаты налоговъ (tax-dodgers) [1]).

[1]) Kautsky. „Agrarfrage“ p. 210, 246.

Въ городѣ, и только въ городѣ, культура, искусство, наука, литература достигаютъ своего высшаго развитія; только въ городѣ можно найти группы образованныхъ людей, дающихъ намъ возможность лучше жить, лучше мыслить и лучше дѣйствовать. Въ городскихъ музеяхъ, библіотекахъ и школахъ собраны лучшіе плоды научной, артистической и интеллектуальной дѣятельности, такъ же какъ на городскихъ рынкахъ собраны лучшіе плоды полей и садовъ. Только въ городѣ можно найти университеты, лабораторіи, и аудиторіи, которые такъ необходимы всякому человѣку, желающему обогатить свой умъ познаніями или сдѣлать новый вкладъ въ общую сокровищницу знаній.

Жители городовъ до такой степени монополизировали плоды науки, что надлежащій физическій уходъ за человѣкомъ возможенъ только для тѣхъ, кому доступны городскіе госпитали, научныя приспособленія, наилучше подготовленные врачи и сидѣлки. Кто живетъ далеко отъ крупныхъ центровъ населенія, долженъ, въ случаѣ болѣзни, ввѣрять свою жизнь и жизнь своихъ близкихъ деревенскимъ врачамъ, извѣстнымъ болѣе своимъ самопожертвованіемъ, чѣмъ своими научными знаніями, и очень часто лишеннымъ даже необходимыхъ усовершенствованныхъ инструментовъ.

Даже самая почва систематически лишается своихъ лучшихъ элементовъ, благодаря постоянному отливу продуктовъ въ городъ, откуда эти продукты, въ измѣненномъ видѣ, выбрасываются чрезъ грязныя сточныя трубы въ моря и рѣки, далеко отъ истощенной земли, на которой они выросли. Такимъ же образомъ, много деревенскихъ юношей и дѣвушекъ попадаетъ въ водоворотъ большого города, только для того, чтобы утратить все хорошее въ жизни и въ концѣ концовъ очутиться въ той страшной соціальной сточной ямѣ, которую можно найти во всякомъ большомъ городѣ.

Но всѣ эти фазисы, какъ бы важны они ни были сами по себѣ, суть только поверхностные признаки могучей экономической тенденціи, которая служитъ основой нашей соціальной организаціи. Происхожденіе и основныя причины этого сильнаго движенія въ городъ слѣдуетъ искать въ основныхъ положеніяхъ индустріи и производства цѣнностей; тамъ мы находимъ эту

движущую, поглощающую силу, которая дѣлаетъ городъ центромъ нашей соціальной организаціи, при чемъ все наше общество напоминаетъ стадо овецъ, которыя во время бури поворачиваютъ головы въ ту сторону, гдѣ происходитъ наибольшее атмосферное волненіе. Всѣ виды индустріи одинъ за другимъ переносятся изъ деревни въ городъ, на большія фабрики. Прядильное, ткацкое и красильное дѣло, вязанье, шитье — все это уже перешло въ городъ; приготовленіе масла и сыру, такъ же какъ и всякая другая работа, исполнявшаяся на фермахъ,—постепенно выдѣляются въ самостоятельныя индустріи и переносятся въ промышленные центры, которые какъ бы магической силой притягиваютъ къ себѣ всѣ соціальные факторы.

Вандервельдъ указываетъ на другую сторону этого движенія [1]). „Дѣло не столько въ томъ, что города привлекаютъ къ себѣ работниковъ, сколько въ томъ, что деревня ихъ изгоняетъ“. Съ исчезновеніемъ тѣхъ индустрій, которыя давали имъ средства къ жизни, получается излишекъ населенія, которому приходится покинуть деревню и искать средствъ къ жизни въ другихъ мѣстахъ. Но въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, европейскія условія сильно отличаются отъ американскихъ. Въ то время, когда въ Европѣ введено было машинное производство, промышленность достигла той степени развитія, которая характеризуется раздѣленіемъ труда и производствомъ для продажи. Въ Европѣ, напримѣръ, было огромное число ткачей, работавшихъ на старомодныхъ ручныхъ станкахъ, въ Америкѣ же подобное явленіе не достигло особенно большихъ размѣровъ. Ткали на ручныхъ станкахъ, но въ каждой семьѣ былъ свой станокъ, и тканіе было только однимъ изъ многочисленныхъ занятій; то же самое замѣчалось и по отношенію къ пряденію и вязанью. Поэтому-то, когда въ Америкѣ началось машинное производство, тамъ не оказалось цѣлыхъ округовъ ткачей, прядильщиковъ и т. п., которымъ грозила бы голодная смерть. Промышленность сразу перешла изъ одной стадіи,—когда все производилось для потребленія производителя и его семьи,—въ дру-

[1]) Archiv für Seciale gesetzgebung, XVI p. 87.

гую,—въ стадію фабричнаго производства для мірового рынка. Но конечный результатъ этой перемѣны для фермера былъ одинъ и тотъ же. Переходъ индустрій изъ деревни въ города понизилъ спросъ на рабочую силу въ деревняхъ и погналъ жителей въ городъ [1]).

Когда началось это движеніе, многіе думали, что останется еще много небольшихъ городковъ, гдѣ фермеръ найдетъ болѣе или менѣе сносныя общественныя условія, на близкомъ разстояніи отъ фермы; точно такъ же, въ началѣ развитія фабричной системы, многіе писатели предполагали, что въ каждой страсли производства будетъ много мелкихъ или средней величины фабрикъ, которыя будутъ конкурировать между собой. Въ началѣ развитія капитализма существованіе множества мелкихъ городовъ было необходимо для болѣе удобнаго распредѣленія фабричныхъ товаровъ между фермерами; многіе фермерскіе продукты очень легко подвергаются порчѣ, и перемѣщеніе различныхъ видовъ индустріи изъ деревни въ городъ вызвало потребность въ большомъ числѣ рынковъ для обмѣна фермерскихъ продуктовъ на фабричные товары. Но на ряду съ этимъ замѣчалась постоянная тенденція придать этимъ продуктамъ болѣе „прочную“ форму и сдѣлать ихъ легко перевозимыми на далекія разстоянія. Другія соціальныя перемѣны, содѣйствовавшія описываемой нами эволюціи, также заслуживаютъ вниманія. Заводы для приготовленія масла и сыроварни съ помощью комиссіонеровъ превращаютъ молоко, яйца и другіе легко подвергающіеся порчѣ продукты фермера въ наличныя деньги у самыхъ дверей фермера, и такимъ образомъ доставляютъ ему такое средство обмѣна, которое принимается на всѣхъ рынкахъ, сохраняется на неопредѣленно долгое время и перевозится на какое угодно

[1]) „Лучшіе методы хозяйства, употребленіе усовершенствованныхъ орудій, спеціализація земледѣльческаго производства и улучшеніе способовъ перевозки, благодаря которому получилась возможность обработывать громадныя площади новыхъ земель—все это было необходимо для увеличенія продуктивной силы; вслѣдствіе этого для производства пищевыхъ продуктовъ требуется работа сравнительно небольшой части населенія земного шара“. (C. F Emerick, „Agricultural Discontent“. Political Science Quarterly, Vol XI, p. 436). Статья эта—одна изъ лучшихъ, трактующихъ условія американскаго земледѣлія.

разстояніе. Каталоги большихъ торговыхъ домовъ даютъ фермеру возможность дѣлать покупки въ большомъ городѣ, почти по городскимъ цѣнамъ; деревенскій почтальонъ доставляетъ ему каталогъ, отправляетъ его заказъ въ городъ и привозитъ заказанные товары на домъ. Эта же система деревенской почты устраняетъ для фермера всякую необходимость ѣздить въ маленькій городъ: почтовая контора, бывшая прежде главной приманкой, теперь, или окончательно уничтожена, или превратилась въ мѣсто отдыха для почтальоновъ, или сортировочную станцію для писемъ, предназначенныхъ для окрестныхъ фермеровъ. Каждый ежемѣсячный выпускъ почтоваго офиціальнаго журнала содержитъ длинный списокъ почтовыхъ конторъ, упраздненныхъ въ предыдущемъ мѣсяцѣ,—списокъ исчезнувшихъ мелкихъ центровъ промышленности, торговли и общественной жизни. Съ исчезновеніемъ этихъ центровъ всѣ ихъ выгодныя стороны переходятъ въ большой городъ, недоступный для фермера, благодаря далекому разстоянію.

Все вышеописанное представляетъ большому городу господствующую, рѣшающую роль въ нашей соціальной организаціи. Законы гармоничной вибраціи учатъ насъ, что когда ударятъ по доминирующей струнѣ, вся окружающая матерія должна вибрировать въ унисонъ, иначе въ результатѣ получится нестройный рѣзкій диссонансъ. Психологія учитъ насъ, что во всякомъ органѣ или организмѣ та часть, въ которой зарождается импульсъ—т. е. наиболѣе воспріимчивая къ впечатлѣніямъ, — заставляетъ всѣ остальныя части организма дѣйствовать согласно этому импульсу [1]). Въ настоящее время этимъ нервнымъ центромъ, самымъ чувствительнымъ органомъ современнаго общества служитъ большой городъ; хорошо ли это, или дурно, но городъ есть господствующій, управляющій и рѣшающій факторъ этого общества, съ которымъ все остальное должно звучать въ унисонъ, иначе получится страшный диссонансъ и соціальная дизинтеграція. Моды, обычаи, популярныя пѣсни, особаго рода жаргонныя

---

[1]) Dr Jacbues Loed „Comparative Physiology of the brain and Comparatioe Psychology". p.—24—30.

словечки, такъ же какъ и великія интеллектуальныя, общественныя и индустріальныя движенія,—все это зарождается въ городѣ, и это фактъ, съ которымъ слѣдуетъ считаться, а не абстрактная идея, которой можно избѣжать, не предразсудокъ, съ которымъ слѣдуетъ бороться, или теорія, которую можно опровергнуть.

Эта зависимость деревни отъ города нисколько не уменьшается, благодаря тѣсной связи города съ деревней посредствомъ загородныхъ трамваевъ, телефоновъ и безплатной доставки фермерамъ почты; напротивъ того, пока не измѣнятся индустріальныя условія, эти удобства только ускорятъ процессъ подчиненія деревни городу. Послѣ введенія этихъ усовершенствованій, они на короткое время доставляютъ особенныя преимущества отдѣльнымъ лицамъ или цѣлымъ мѣстностямъ, давая имъ возможность успѣшнѣй конкурировать съ тѣми, которые не пользуются такими преимуществами, и побѣждать ихъ. Но если эти усовершенствованія введены повсюду, они не вызовутъ общаго повышенія благосостоянія фермеровъ, такъ же какъ постройка желѣзной дороги не приноситъ никакихъ постоянныхъ выгодъ населенію извѣстной мѣстности [1]).

Наоборотъ, все, что способствуетъ болѣе тѣсной связи фермера съ городомъ, облегчаетъ горожанину эксплуатацію фермера. Если фермеру удастся избѣжать козней мѣстнаго купца, онъ попадаетъ во власть универсальныхъ магазиновъ или большихъ складовъ, ведущихъ дѣла исключительно при посредствѣ переписки (mail order house). Если фермеръ ближе къ рынку, онъ въ то же самое время ближе и къ ростовщику.

Мы не хотѣли бы закончить эту главу утвержденіемъ, что между городомъ и деревней, какъ таковой,

---

[1]) Это было очень ясно доказано въ Бельгіи, гдѣ плата за проѣздъ на желѣзныхъ дорогахъ такъ низка, что нѣкоторые пассажиры могутъ ѣздить, уплачивая $^1/_5$ сента за милю. Главнымъ результатомъ этого было то, что большая часть фермеровъ сдѣлалась фабричными рабочими. Имъ приходится ѣхать по сту миль утромъ и вечеромъ и проводить въ вагонѣ два часа, отправляясь на работу и возвращаясь домой. См. Vandervelde «Collectivism» p. 33. «La Propriété Foncière en Belgique», p. — 3 — 5, и Archiv für Sociale Gesetzgebung, Vol. XIV, p. 94–6, и особенно, «L'Exode Rural» p. 130–140.

долженъ непремѣнно существовать антагонизмъ; наоборотъ, и городъ, и деревня суть только отдѣльныя части одного великаго цѣлаго, абсолютно необходимыя другъ для друга. Но въ городѣ и въ деревнѣ въ настоящее время существуетъ классъ людей, интересы которыхъ идутъ въ разрѣзъ съ интересами всѣхъ производителей цѣнностей, и въ силу нѣкоторыхъ причинъ, на которыя будетъ указано ниже, средоточіе власти этого класса находится въ городѣ. Благодоря этому, при изслѣдованіи деревенскихъ условій иногда кажется, что городъ какъ бы ополчился противъ деревни, на самомъ же дѣлѣ здѣсь сталкиваются совершенно иные интересы. Кромѣ того, нѣтъ никакихъ существенныхъ причинъ, въ силу которыхъ населеніе должно и въ будущемъ быть скучено въ большихъ городахъ, которые играютъ господствующую роль въ нашей соціальной жизни. Всѣ эти явленія указываютъ на нездоровыя общественныя условія. но это факты, которые приходится принять въ соображеніе, и пока эти факты существуютъ, ничего хорошаго не можетъ выйти изъ того, что мы будемъ игнорировать ихъ и будемъ стараться увѣрять фермера, что хорошія дороги, деревенская почта, телефоны и загородные электрическіе трамваи избавятъ его отъ угнетенія и эксплуатаціи.

ГЛАВА II.

Современный фермеръ.

Въ прежнія времена фермеръ производилъ множество различныхъ вещей и былъ, что называется, человѣкъ на всѣ руки. Онъ умѣлъ недурно исполнять различнаго рода работу, и изъ всѣхъ ремеселъ, которыя были извѣстны нашимъ дѣдамъ, не было ни одного, къ которому фермеръ не долженъ былъ иногда приложить своихъ рукъ. Каждая ферма была въ извѣстной степени самостоятельной индустріальной единицей, и почти все, что требовалось для семьи фермера, производилось въ кругу семьи. Процессъ производства почти всегда былъ очень медленный и грубый въ сравненіи

съ процессомъ современнаго машиннаго производства, но зато всѣ продукты принадлежали производителю и потреблялись на фермѣ, и доходъ фермера и его семьи былъ всегда прямо пропорціоналенъ затратѣ труда, если не принимать во вниманіе стихійныхъ бѣдствій.

Въ настоящее время все это измѣнилось. Одно ремесло за другимъ переносилось въ городъ, и само земледѣліе подверглось такимъ перемѣнамъ, что фермеръ также сдѣлался „спеціалистомъ“, исполняющимъ извѣстнаго рода работу и находящимся въ такой же абсолютной зависимости отъ внѣшнихъ соціальныхъ условій, какъ и ремесленникъ у станка. Съ извѣстной точки зрѣнія это только часть той эволюціи, которая происходитъ во всѣхъ видахъ производства. Простые инструменты сапожника превратились въ цѣлую сложную систему машинъ, собранныхъ вмѣстѣ въ зданіи гигантской фабрики, рабочіе которой, стоящіе у этихъ машинъ, кажутся такими же безжизненными, какъ любая часть того мертваго механизма, за которымъ они присматриваютъ.

Деревенскій мясникъ сдѣлался однимъ изъ тысячи рабочихъ, занятыхъ въ огромныхъ бойняхъ, и вмѣсто того, чтобы самому убивать и свѣжевать животное, онъ безпрерывно повторяетъ нѣсколько машинальныхъ движеній ножомъ, убивая однимъ и тѣмъ же способомъ тысячу различныхъ животныхъ ежедневно. Благодаря такой спеціализаціи, количество продукта, которое можетъ быть произведено при извѣстной затратѣ энергіи, сильно увеличилось, въ то время какъ отношеніе общей суммы человѣческаго труда къ количеству продукта сильно уменьшилось.

Развитіе спеціализаціи въ земледѣліи создало абсолютную зависимость фермера отъ рынка. Всѣми признано, что при современной системѣ конкуренціи успѣхъ фабриканта зависитъ гораздо болѣе отъ его умѣнія продавать, искусно рекламировать и пользоваться настроеніями рынка, чѣмъ отъ основательнаго знакомства съ процессомъ производства. Конечно, подобное положеніе дѣлъ весьма неразумно и нежелательно, но насъ въ данный моментъ интересуетъ не столько критика современнаго общества, сколько способы веденія дѣлъ и положеніе фермера въ этомъ обществѣ.

Средній фермеръ не имѣетъ почти никакого понятія о наилучшихъ способахъ сбыта. Очень часто онъ не имѣетъ возможности выбрать мѣсто и время для этого, будучи вынужденъ продавать первому покупателю, который является послѣ уборки хлѣба, если только хлѣбъ уже не проданъ на корню какому-нибудь владѣльцу закладной, что очень часто случается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Edward T. Adams, въ своей книгѣ „Современный фермеръ“ (стр. 36), говоритъ слѣдующее:

„Я долгое время былъ представителемъ промышленныхъ интересовъ, и меня больше всего другого занималъ вопросъ о томъ, какъ бы узнать, что дѣлаютъ наши конкуренты. Это самое важное, что слѣдуетъ знать всякому дѣловому человѣку, и именно объ этомъ фермеръ никогда не думаетъ. Собственно говоря, онъ не можетъ знать въ точности, что они дѣлаютъ. Фермеръ, сѣющій пшеницу въ Иллинойсѣ, не можетъ получить за свой продуктъ высшей цѣны, чѣмъ та, за которую будетъ продавать Аргентинскій фермеръ. Цѣна продукта въ обоихъ случаяхъ опредѣляется исходомъ конкуренціи между фермерами, сѣющими пшеницу во всѣхъ частяхъ свѣта при настоящихъ условіяхъ спроса“.

Если бы фабрикантъ вздумалъ довѣрить куплю и продажу своихъ продуктовъ предполагаемой честности и дѣятельности лицъ, которыхъ онъ никогда не видѣлъ, его сочли бы полусумасшедшимъ, и карьера его была бы вѣроятно недолговѣчна. Фермеръ же вынужденъ поступать именно такъ: онъ долженъ предоставить свои продукты въ распоряженіе комиссіонера, или заключить сдѣлку съ мѣстнымъ покупателемъ; во второмъ случаѣ только покупатель знаетъ всѣ условія, которыя дѣлаютъ сдѣлку выгодной для него. Фермеръ же находится въ полнѣйшемъ невѣдѣніи относительно вѣроятныхъ перемѣнъ въ настроеніи рынка и причинъ, вызывающихъ ихъ.

Все это, конечно, не значитъ, что положеніе класса фермеровъ непремѣнно улучшилось бы въ томъ случаѣ, если бы всѣ они были свѣдущими, опытными продавцами. Допустить это—значило бы впасть въ ту самую ошибку, на которой строятъ свой главный аргументъ всѣ защитники конкурентной системы, а именно — что всѣ, участвующіе въ какомъ-либо состязаніи, могутъ выиграть. Если бы всѣ фермеры обла-

дали этими познаніями, результатомъ этого было бы только то, что конкуренція между ними была бы гораздо острѣй, и пріемы ея болѣе утонченны, и въ концконцовъ всѣ они очутились бы въ прежнихъ условіяхъ существованія. Этотъ пунктъ заслуживаетъ вниманія только потому, что объясняетъ, почему фермеры, какъ общественный классъ, никогда не будутъ въ состояніи достигнуть господствующаго положенія въ капиталистическомъ обществѣ. Они всегда будутъ находиться въ экономической зависимости у горожанъ, до тѣхъ поръ, пока не уничтожатъ всякое экономическое господство и зависимость.

Разсуждая о необходимыхъ для современнаго фермера-спеціалиста знаніяхъ, мы должны помнить, что каждая отрасль этихъ знаній подвергается постояннымъ и быстрымъ перемѣнамъ. Постоянно появляются новыя машины, новыя индустріи, новыя условія рынковъ, которыя требуютъ новыхъ и болѣе обширныхъ знаній. Для всего этого необходимо, во-первыхъ,—чтобы дѣти фермера получали тщательную подготовку по всѣмъ отраслямъ агрикультуры; во-вторыхъ,—чтобы для фермера былъ всегда открытъ доступъ къ полученію возможно полныхъ и точныхъ свѣдѣній, и, наконецъ, чтобы онъ имѣлъ достаточно досуга для изученія этихъ вопросовъ. Перечислить всѣ эти условія—значитъ обратить вниманіе на ихъ отсутствіе въ жизни средняго американскаго фермера въ настоящее время.

Если мы посмотримъ, въ какихъ размѣрахъ преподаются земледѣльческія науки, мы ясно увидимъ всю недостаточность этого преподаванія. Несмотря на то, что почти въ каждомъ штатѣ имѣется недурно обставленный земледѣльческій колледжъ, число студентовъ въ этихъ колледжахъ въ 1898 году равнялось всего 4.181 чел. [1]). Если мы вспомнимъ, что большая часть студентовъ посѣщала колледжи только въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ,—слушая такъ называемый „краткій курсъ“,—мы тогда только поймемъ, какъ мало знанія, чтобы внести свѣтъ въ невѣжественную массу земледѣльцевъ. Въ штатѣ Нью-Іоркѣ дѣлаются жалкія попытки преподавать въ обыкновенныхъ школахъ не-

[1]) United States Agricultural Year Book, 1898, p. 24—30.

обходимыя для фермера знанія при помощи небольшихъ листковъ съ „уроками по естественной исторіи“, содержащихъ самыя элементарныя свѣдѣнія. Правда, что фермерскіе институты предназначаются для популяризаціи наукъ, преподаваемыхъ въ земледѣльческихъ колледжахъ, но они еще меньше достигаютъ своей цѣли, чѣмъ курсы лекцій „University Extension“, которые сдѣлались почти синонимомъ диллетантизма, хотя и даютъ кое-какія знанія. Весьма часто указываютъ на тотъ фактъ, что окончившіе земледѣльческій колледжъ не возвращаются на ферму, а дѣлаются учителями, и многіе даже оправдываютъ такое положеніе дѣлъ, заявляя, что знанія, пріобрѣтенныя тамъ, совершенно безполезны для фермера [1]). Но дѣло въ томъ, что скоро наступитъ время, когда спеціальная техническая подготовка будетъ считаться абсолютно необходимой для успѣшнаго занятія земледѣліемъ, такъ же какъ считается необходимой во всѣхъ другихъ ремеслахъ и профессіяхъ. Было время, когда механикъ, машинистъ, даже врачъ или адвокатъ относились весьма иронически къ профессіональной подготовкѣ; въ настоящее время человѣкъ съ теоретической подготовкой на всѣхъ этихъ поприщахъ дѣятельности вытѣсняетъ своихъ конкурентовъ, не получившихъ подобной подготовки. Самымъ важнымъ результатомъ этого служитъ не личный успѣхъ отдѣльныхъ образованныхъ людей, а усовершенствованіе производства, благодаря болѣе широкому образованію. Это послѣднее представляетъ общественное благо, содѣйствующее прогрессу человѣчества. Правда, что при настоящихъ условіяхъ плоды этого прогресса монополизируетъ небольшая группа людей, не принадлежащихъ къ тому классу, который содѣйствуетъ прогрессивному движенію, но это недостатокъ современной общественной организаціи, а не аргументъ противъ необходимости образованія или противъ соціальнаго прогресса. То же самое справедливо и по отношенію къ земледѣлію; близится время, когда человѣкъ, получившій земледѣльческоее образованіе, не въ состояніи будетъ найти мѣсто учителя, и долженъ будетъ самъ заняться тѣмъ, къ чему его об-

[1]) Adams, «The Modern Farmer».

разованіе подготовило [1]). Когда это случится, это поведетъ къ двоякаго рода слѣдствіямъ: во-первыхъ, можно будетъ ожидать быстраго развитія техники земледѣлія, подобнаго тому, которое послѣдовало за появленіемъ хорошо подготовленныхъ людей въ рядахъ вышеупомянутыхъ профессій; во-вторыхъ, если система конкуренціи еще не исчезнетъ, то фермеру безъ подобной подготовки придется вести еще болѣе напряженную борьбу съ своими конкурентами, сила которыхъ будетъ заключаться именно въ этой подготовкѣ [2]).

Во всякой другой профессіи есть спеціальные пріемы для полученія и распространенія нужныхъ свѣдѣній, иногда очень усовершенствованные. Банковое дѣло и всѣ другія отрасли финансовой дѣятельности, такъ же какъ медицина, юриспруденція и другія профессіи имѣютъ спеціальныя организаціи, обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы собирать нужныя для членовъ этой профессіи свѣдѣнія, и предоставлять этотъ матеріалъ въ распоряженіе каждаго, кто хочетъ имъ пользоваться.

Во всѣхъ другихъ отрасляхъ занятій имѣются, по крайней мѣрѣ, серьезные, хорошо поставленные спеціальные журналы, содержащіе наилучшія, новѣйшія и вѣрнѣйшія свѣдѣнія по этой спеціальности. Фермеру же трудчѣе, чѣмъ всякому другому, получить необходимыя для успѣшнаго веденія дѣла свѣдѣнія, и нигдѣ

---

[1]) Профессоръ земледѣльческаго факультета Корнельскаго университета, L. H. Bailey, пишетъ слѣдующее: (Worlds Work, July 1901). „Было время, когда человѣкъ, окончившій двухлѣтній курсъ, могъ разсчитывать на мѣсто въ земледѣльческомъ колледжѣ или при экспериментальной станціи, но теперь борьба за существованіе слишкомъ напряжена. Подобныхъ мѣстъ не хватаетъ для всѣхъ, и въ концѣ концовъ наиболѣе «приспособленный» оказывается побѣдителемъ. Даже человѣкъ, прошедшій четырехлѣтній курсъ, имѣетъ мало шансовъ получить хорошее мѣсто при учебномъ заведеніи; онъ долженъ имѣть еще высшую университетскую степень.

[2]) Съ тѣхъ поръ какъ было написано первое изданіе этой книги, взгляды на земледѣльческое образованіе сильно измѣнились. Во многихъ штатахъ основаны были высшія земледѣльческія школы; учебники по земледѣльческимъ наукамъ были введены въ употребленіе въ тысячахъ обыкновенныхъ школъ; число фермерскихъ институтовъ умножилось чуть ли не во сто разъ; очевидно, что близко то время, когда фермеру понадобится спеціальное образованіе для успѣшныхъ занятій земледѣліемъ.

эти источники свѣдѣній не такъ недостаточны. Правда, у насъ есть много земледѣльческихъ журналовъ, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ соперничать съ журналами другихъ спеціальностей. Фермеръ больше всего нуждается въ свѣдѣніяхъ относительно новыхъ приспособленій, новыхъ методовъ и матеріаловъ, которые могутъ быть полезны при его работѣ. Но ни одинъ земледѣльческій журналъ не посмѣетъ выразить своего безпристрастнаго мнѣнія по этимъ предметамъ изъ боязни потерять помѣщаемыя у нихъ объявленія о томъ или другомъ матеріалѣ или приспособленіи. Если бы редакція журнала вздумала выразить свое мнѣніе, никто не повѣрилъ бы въ искренность этого мнѣнія: похвалу приписали бы желанію получить объявленія, а нарицаніе сочли бы нѣкотораго рода вымогательствомъ у тѣхъ, которые не желаютъ помѣщать объявленій на страницахъ этого журнала. Что касается новыхъ методовъ въ земледѣліи, то редакторъ журнала часто знаетъ о нихъ столько же, сколько его читатели, и наполняетъ страницы журнала разнымъ вздоромъ, который можетъ заинтересовать фермеровъ и польстить ихъ самолюбію, и такимъ образомъ создаетъ обширную циркуляцію журнала, привлекающую людей, помѣщающихъ объявленія [1]).

Правда, есть редакторы, представляющіе исключеніе изъ этого правила, но эти исключенія только доказываютъ существованіе правила, и такіе редакторы, какъ и всѣ люди, желающіе дать потребителю дѣйствительно цѣнный продуктъ при настоящей системѣ конкуренціи, теряются среди массы менѣе щепетильныхъ конкурентовъ, наводняющихъ рынокъ никуда негодными продуктами.

Средняя земледѣльческая газета представляетъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ, только жалкую посредственность; иногда же она положительно вредна, какъ, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда на ея столбцахъ печатаются передовыя статьи, присланныя изъ города, съ цѣлью воздѣйствія на подачу фермерскихъ голосовъ въ интересахъ капиталистическихъ политикановъ. Но, несмотря на все это, эта часть прессы можетъ сдѣлаться благотворной силой въ Америкѣ, потому что

---

[1]) Adams, «The Modern Farmer».

это почти единственная часть прессы, которая не находится подъ властью коммерческихъ интересовъ и которая можетъ смѣло высказывать свои мнѣнія, если захочетъ, не опасаясь финансовой гибели.

Суммируя все вышеуказанное, мы можемъ сказать, что современный фермеръ сдѣлался производителемъ спеціалистомъ, подвергаясь тѣмъ же случайностямъ и риску, какъ и его предшественники, но не обладая ихъ независимостью. Онъ вынужденъ „ставить все на одну карту“, и эта единственная „карта“ подвержена всякимъ случайностямъ, какъ перемѣна погоды и неурожаи, которые играютъ такую роль въ жизни фермера. Кромѣ того, въ его жизни играютъ роль и совершенно новыя случайности, въ родѣ колебаній рыночныхъ цѣнъ, которыми онъ такъ же безсиленъ управлять, какъ и перемѣной погоды. Общество выигрываетъ отъ этого, потому что пищевые продукты производятся съ меньшей затратой труда, но самъ производитель ничего не выигрываетъ.

Одинъ изъ новыхъ фазисовъ эволюціи земледѣлія заслуживаетъ нашего вниманія. Земледѣльческіе журналы, колледжи и „друзья фермера“, вообще, хоромъ поютъ теперь хвалебный гимнъ такъ называемому „разнообразному хозяйству“. Подъ этимъ терминомъ въ дѣйствительности подразумѣвается скотоводство, при чемъ весь процессъ приготовленія мяса для рынка производится на одной и той же фермѣ, такъ же какъ и посѣвъ корма для скота. Подобное положеніе дѣлъ, утверждаютъ „друзья“, сдѣлаетъ фермера независимымъ человѣкомъ. Не боясь ошибокъ, можно смѣло сдѣлать выводъ, что если капиталисты-совѣтники фермера учатъ его добиваться независимости,—это значитъ, что они добиваются его болѣе полнаго порабощенія, а „разнообразное хозяйство“ служитъ превосходнымъ средствомъ для этого. Это наиболѣе спеціализированная форма сельскаго хозяйства, потому что фермеру приходится выступать на рынокъ уже съ готовымъ, законченнымъ продуктомъ, а если цѣна этого продукта, благодаря конкуренціи, достигаетъ своего минимума, это значитъ, что цѣна всѣхъ побочныхъ продуктовъ (sub-products) будетъ гораздо ниже этого минимума.

ГЛАВА III.

Революція въ земледѣльческихъ методахъ.

Самой характерной и выдающейся чертой девятнадцатаго столѣтія, о которой будутъ помнить будущія поколѣнія, являются тѣ удивительныя улучшенія и усовершенствованія орудій человѣческаго труда, которыя были введены въ теченіе этого столѣтія. Начиная съ кузницы и кончая лабораторіей, въ полѣ, на фабрикѣ, въ мастерской и въ конторѣ,—рука человѣка всюду находила помощь, въ видѣ многочисленныхъ и сложныхъ аппаратовъ, которые давали человѣческому уму большую власть надъ природой и помогали ему придать сырымъ матеріаламъ такую форму, которая болѣе соотвѣтствовала потребностямъ и удобствамъ человѣка.

Перемѣны, происшедшія въ пріемахъ земледѣлія, были, кажется, болѣе глубоки, чѣмъ на какомъ-либо другомъ поприщѣ человѣческой дѣятельности. Иногда эти перемѣны были менѣе замѣтны въ земледѣліи, чѣмъ въ другихъ индустріяхъ, но если присмотрѣться поближе, можно видѣть, что почти каждый процессъ земледѣльческой работы подвергся многочисленнымъ измѣненіямъ въ теченіе послѣдняго столѣтія. Почти каждое орудіе, которое употребляли наши дѣды и даже отцы, приняло совершенно иную форму или же разбилось на множество спеціальныхъ и болѣе сложныхъ орудій. Старый плугъ, бывшій въ употребленіи около полсотни лѣтъ тому назадъ и для котораго, по словамъ современнаго наблюдателя, требовалась работа восьми или десяти воловъ и двухъ людей, и который при всемъ томъ очень неглубоко взрывалъ поверхность акра земли въ день,—мало-по-малу прошелъ черезъ цѣлый рядъ перемѣнъ, пока деревянныя части его уступили мѣсто чугуннымъ, а эти послѣднія—стальнымъ [1]). Мы видимъ, что нѣсколько плуговъ

[1]) Agricultural Jear Book, 1899, p. 315. Burkett (Ohio Agriculture p. 155—159) даетъ исторію эволюціи плуга. Вся эта глава представляетъ превосходное описаніе постепеннаго развитія сельскохозяйственныхъ машинъ въ Америкѣ

скрѣпляются вмѣстѣ, при чемъ ими управляетъ одинъ человѣкъ, и работа исполняется въ десять разъ быстрѣе, чѣмъ при помощи стараго плуга, и несравненно лучше. Но и это кажется только переходной степенью къ тому времени, когда не лошадь, а паръ или электричество будутъ приводить плугъ въ движеніе, и такимъ образомъ еще больше увеличатъ его дѣйствующую силу [1]). Видоизмѣненіе бороны шло нѣсколько инымъ путемъ. Между старой „бороной", состоявшей изъ ствола коряваго и суковатаго дерева, или даже старой бороной въ видѣ буквы А, съ тяжелой деревянной рамой и большими желѣзными зубьями, которые отскакивали отъ корней и камней и задѣвали не только землю, но и ноги работника, — и между различными боронами, драгами и машинами для растиранія комьевъ (pulverizer), приспособленными только для спеціальной работы и необходимыми для современнаго фермера,—существуетъ громадная разница въ количествѣ и качествѣ работы, хотя періодъ времени, раздѣляющій ихъ, очень коротокъ. Что касается жатвы и уборки хлѣба, то въ этомъ отношеніи произошли еще большія перемѣны. Наши дѣды жали созрѣвшій хлѣбъ серпомъ; наши отцы думали, что они шагнули далеко впередъ, промѣнявъ серпъ на косу, и эта перемѣна была, дѣйствительно, самымъ важнымъ усовершенствованіемъ съ тѣхъ поръ, когда Руѳь подбирала колосья въ полѣ Воаза; современный же фермеръ съ презрѣніемъ вспоминаетъ о томъ времени, когда онъ размахивалъ косой съ восхода до заката солнца, и за весь долгій лѣтній день успѣвалъ скосить всего три—четыре акра, при чемъ хлѣбъ не былъ связанъ въ снопы. Въ настоящее время фермеръ управляетъ машиной, которая коситъ и вяжетъ хлѣбъ въ снопы, и къ вечеру успѣваетъ скосить отъ пятнадцати до двадцати акровъ въ день, при чемъ хлѣбъ уже готовъ для молотьбы. Если фермеръ—жи-

[1]) Ag. Illinois. Agricultural Jear Book, 1861, p. 94. См. описаніе и иллюстраціи парового плуга, за который изобрѣтатель получилъ медаль въ 1861 году. Въ книгахъ: The Progress of Industry, by E. W. Bym p. 205 и „The Sugar Industry, by Myrick. p. 174—190 можно найти описанія и иллюстраціи современныхъ паровыхъ плуговъ.

тель Калифорніи, онъ управляетъ громадной машиной, сильными ударами сбивающей спѣлыя верхушки хлѣбныхъ растеній, и ежедневно ссыпаетъ въ амбаръ зерно со столькихъ акровъ земли, сколько онъ могъ въ былое время только скосить съ помощью косы. Наконецъ, въ мѣстностяхъ съ сухимъ климатомъ, гдѣ зерна спѣютъ въ колосьяхъ, къ подобной машинѣ прикрѣпляютъ молотилку и вся эта гигантская машина движется впередъ съ помощью пара, газолина или электричества, въ то время, какъ зерно золотистымъ потокомъ падаетъ въ мѣшки, готовые для отправки на мукомольную мельницу. Слѣдующія данныя, взятыя изъ отчета „бюро труда“ (Labor Bureau) о ручномъ и машинномъ трудѣ, указываютъ на важное значеніе всѣхъ вышеупомянутыхъ перемѣнъ. Въ отчетѣ указана стоимость производства и рабочее время при употребленіи новѣйшихъ усовершенствованныхъ орудій и при употребленіи ручныхъ. Въ 1829—30 г. для того, чтобы вспахать, взборонить и засѣять акръ земли, требовалось десять часовъ двадцать пять минутъ человѣческой работы, не считая помощи животныхъ и машинъ [1]). Для того, чтобы вспахать, взборонить и засѣять одинъ акръ земли пшеницей, съ помощью паровой машины—требуется всего сорокъ пять минутъ. Для того, чтобы сжать и обмолотить тотъ же самый акръ—около двадцати бушелей зерна, полсотни лѣтъ тому назадъ, въ періодъ гумна и цѣпа, требовалось двадцать три дня и двадцать минутъ [2]). Та же самая работа, при помощи паровой машины, которая употребляется теперь на нѣкоторыхъ фермахъ безводнаго пояса на западѣ, продолжается часъ и три минуты, если работаетъ одинъ человѣкъ, или точнѣе продолжается девять минутъ при работѣ семи человѣкъ [3]).

Перемѣна въ методахъ перевозки и храненія земледѣльческихъ продуктовъ еще важнѣе тѣхъ, которыя произошли на самой фермѣ. Неповоротливые волы и ручная нагрузка уступили мѣсто желѣзной дорогѣ,

---

[1]) Report of United States Labor Bureau, «Hand and Machine Labor», II, p. 471—2.

[2]) Ibid. Vol I, p. 80—86.

[3]) Report of Industrial Commission, X. pp 156–7. G. K. Holmes Assistant Statistician of United States Department of Agriculture.

пароходу и элеватору съ пневматическими трубами, всасывающими грузъ зерна цѣлаго парохода въ то же самое время, въ теченіе котораго фермеръ, съ помощью лопаты и мѣшковъ, могъ выгрузить только возъ пшеницы или маиса.

Многія другія индустріи, которыя прежде составляли часть фермерской работы, совершенно утратили всякую связь съ фермой. Тканіе и пряденіе уже полвѣка тому назадъ исчезли изъ большинства фермъ, а вязаніе и приготовленіе одежды находятся еще въ переходной стадіи. Еще одна индустрія, которой занимался цѣлый классъ населенія—производство молочныхъ продуктовъ, раздѣлилась на нѣсколько частей, изъ которыхъ однѣ нисколько не измѣнились, другія же совсѣмъ исчезли съ фермы. Доеніе, кормленіе скота, чистка хлѣвовъ и всякая другая работа, связанная съ уходомъ за животными—все это осталось такимъ, какимъ было цѣлыя столѣтія [1]). Но процессы сниманія

---

[1]) Слѣдующее извлеченіе изъ книги «Recent Economic Changes», by D. A. Well, p. 461—3, указываетъ на то, какія огромныя усовершенствованія возможны даже въ этихъ процессахъ работы. Откармливаніе скота на убой вводится теперь въ обширныхъ размѣрахъ въ сѣверо-восточныхъ штатахъ и за Миссиссипи; крупныя фирмы откармливаютъ теперь тысячи головъ скота въ одномъ зданіи, и процессъ откармливанія ведется самымъ экономнымъ, тщательнымъ и систематическимъ образомъ. Результаты указываютъ, что одинъ работникъ можетъ присматривать за двумя тысячами быковъ, откармливаемыхъ на убой, при чемъ тратится гораздо меньше времени и труда ежедневно, чѣмъ тратитъ средній фермеръ, когда ему приходится откармливать пятнадцать—двадцать быковъ при всѣхъ неудобствахъ обыкновенной фермы. Въ этихъ громадныхъ заведеніяхъ паровая машина, съ помощью безконечнаго ремня, передвигаетъ связки сѣна изъ одного сарая въ другой и передаетъ другой машинѣ, которая рѣжетъ сѣно, чтобы сдѣлать его болѣе удобнымъ для корма; затѣмъ съ помощью еще одной машины, нарѣзанное сѣно смѣшивается съ маисовой мукой, которая приготовляется на мѣстѣ, также при помощи пара. Смѣшанный кормъ автоматически передается въ ясли, устроенныя въ стойлахъ. Та же самая машина качаетъ воду для питья, которая течетъ по длиннымъ неглубокимъ корытамъ, и даже чистка и мытье стойлъ производятся при помощи резиноваго рукава, при чемъ вода также накачивается паровой машиной. Быки не выходятъ изъ стойлъ съ самаго начала процесса откармливанія до тѣхъ поръ, пока ихъ увозятъ на громадныя бойни. Преимущества этихъ большихъ промышленныхъ учрежденій не ограничиваются однимъ значительнымъ сбереженіемъ труда. Постоянство температуры въ нихъ, несмотря на перемѣны погоды,

сливокъ, сбиванія масла и приготовленія сыру подверглись значительнымъ перемѣнамъ за послѣдніе годы. Прежнія ведра и ложки уступили мѣсто центробѣжнымъ сепараторамъ, снимающимъ сливки, и по словамъ Генри Альворда, начальника отдѣленія молочнаго хозяйства въ департаментѣ земледѣлія, „въ Америкѣ имѣется 25.000 центробѣжныхъ сепараторовъ, и всѣ они были введены въ употребленіе за послѣдніе пятнадцать лѣтъ“. Иногда эти сепараторы принадлежатъ и отдѣльнымъ фермерамъ, но большая часть ихъ принадлежитъ крупнымъ компаніямъ, владѣющимъ заводами для приготовленія масла. Компанія устанавливаетъ сепараторы въ различныхъ мѣстностяхъ, поблизости отъ тѣхъ фермъ, откуда получается молоко; сливки съ этихъ „станцій“ отсылаются на маслобойный заводъ, гдѣ изъ нихъ съ помощью машинъ бьютъ масло; такимъ образомъ весь этотъ процессъ происходитъ вдали отъ фермы. Въ производствѣ сыру эта перемѣна еще болѣе замѣтна. Фермеръ, доставляющій молоко на сыроваренный заводъ, принимаетъ столько же участія въ дѣлахъ этого завода, сколько въ дѣлахъ суконной фабрики, перерабатывающей сырой матеріалъ, снятый со спинъ его овецъ. Въ настоящее время такъ же естественно, что фермеръ, владѣющій большимъ стадомъ дойныхъ коровъ, покупаетъ масло и сыръ, какъ естественно то, что южный фермеръ, сѣющій хлопокъ, покупаетъ одежду изъ хлопчатобумажной ткани [1]).

Тотъ фактъ, что фермеръ сдѣлался однимъ изъ дѣйствительныхъ факторовъ въ конкурентной системѣ,— имѣетъ громадное значеніе [2]) Но фермеръ, разсуждающій о своемъ положеніи, и многіе писатели, изучаю-

---

равносильно значительной экономіи корма; ибо гдѣ допускаются рѣзкія и быстрыя колебанія температуры, значительная часть корма, предоставленнаго скоту, улетучивается въ видѣ животной теплоты или энергіи, въ которую превращается кормъ, переваренный въ желудкахъ скота.

[1]) United States. Agricultural Jear Book, 1889, p. 400. «Въ срединѣ настоящаго столѣтія въ Соединенныхъ Штатахъ производилось около 100.000.000 фунтовъ сыру ежегодно, и все это количество производилось на фермахъ. Къ концу столѣтія ежегодное производство сыру достигнетъ 300.000.000 фунтовъ и 96—97 % этого количества будетъ приготовляться на фабрикахъ».

[2]) Report of Industrial Commission, Vol X, p. 156.

щіе вопросы земледѣлія, совершенно упускаютъ изъ виду этотъ фактъ. Сами фермеры такъ же, какъ и многіе другіе, думаютъ, что они производятъ для своего собственнаго потребленія. На самомъ же дѣлѣ фермеръ Новой Англіи, ковыряющій скалистую безплодную почву своими грубыми, устарѣвшими орудіями, долженъ продавать свое зерно, скотъ, масло, яйца,—словомъ, всѣ продукты,— при чемъ ему приходится конкурировать не только съ фермеромъ плодородныхъ прерій въ долинѣ Миссисипи, но и съ владѣльцемъ паровыхъ жней и молотилокъ въ Калифорніи, съ фермеромъ подтропическаго пояса въ Аргентинской республикѣ и съ крестьяниномъ южной Россіи. Современные методы перевозки сдѣлали зерно самымъ подвижнымъ изъ всѣхъ продуктовъ торговли, и такимъ „чувствительнымъ“ къ малѣйшей перемѣнѣ въ цѣнахъ, что изъ-за разницы въ нѣсколько сентовъ, зерно отсылается на другое полушаріе для возстановленія нарушеннаго равновѣсія. Система вагоновъ-холодильниковъ на желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ и въ громадныхъ складахъ достигла тѣхъ же результатовъ по отношенію къ молочнымъ и мяснымъ продуктамъ, которые прежде такъ легко подвергались порчѣ. Продукты, занимающіе много мѣста, какъ сѣно, солома и всякій другой кормъ, превращаются въ мясо, прежде чѣмъ доставляются на рынокъ, и въ этомъ видѣ находятъ сбытъ ужъ на всемірномъ рынкѣ [1]).

Каждая новоизобрѣтенная машина, увеличивающая количество продукта, которое приходится на каждаго человѣка, въ то же самое время усиливаетъ конкуренцію. Благодаря машинному производству, получилась возможность производить всѣ земледѣльческіе продукты, которые могутъ быть проданы на теперешнемъ ограниченномъ рынкѣ, на гораздо меньшей площади земли, чѣмъ та, которая теперь обрабатывается. Искусственно орошаемыя преріи Запада, гдѣ можно употреблять самые усовершенствованные методы про-

[1]) Charles Bushnell («Social Aspects of Chicago Stock Jards», American Journal of Sociology, September, 1901, p. 150—151) даетъ интересную картину методовъ, сдѣлавшихъ возможнымъ перевозку мясныхъ продуктовъ на далекія разстоянія и сохраненіе ихъ въ теченіе продолжительныхъ сроковъ.

изводства, могли бы доставить почти всю пшеницу, потребляемую населеніемъ земного шара [1]) R. Means Davis слѣдующимъ образомъ суммируетъ всѣ данныя относительно конкуренціи, перепроизводства и машиннаго производства въ хлопчатобумажной индустріи [2]): „по мѣрѣ улучшенія методовъ производства, конкуренція между производителями должна съ каждымъ годомъ становиться сильнѣе. При ручномъ трудѣ стоимость собиранія или выпалыванія хлопка одинакова, будь то ферма, гдѣ работаетъ одинъ или сто человѣкъ. Но когда будутъ изобрѣтены паровыя машины для сбора хлопка, мелкому фермеру придется гораздо труднѣе. Главная задача въ культурѣ хлопчатника на Западѣ состоитъ не въ томъ, чтобы посѣять и вырастить хлопокъ, а въ томъ, чтобы собрать его, потому что при сборѣ масса хлопка остается на полѣ. На гладкомъ полѣ выгодно было бы употреблять машины и собрать только три четверти всего количества, но на плохой землѣ необходимо выдергивать все допослѣдняго стебля, а такая работа очень медленна и дорога. Утверждаютъ, что одна только дельта Язу можетъ снабдить хлопкомъ весь міръ, и тамъ очень легко ввести въ употребленіе машины. Говорить объ ограниченіи производства совершенно безполезно, потому что замѣчается тенденція расширить его, и многіе свѣдущіе люди увѣрены, что хлопковый кризисъ будетъ разрѣшенъ тогда, когда производство хлопка въ приморскихъ штатахъ приметъ такіе большіе размѣры, что стоимость производства упадетъ до трехъ или четырехъ сентовъ, и такимъ образомъ мелкіе фермеры будутъ изгнаны изъ этой индустріи. Въ этомъ заключается главная опасность, угрожающая мелкимъ фермерамъ, и конгрессъ не можетъ помѣшать этой конкуренціи съ крупными плантаторами“.

Всѣ путешественники по южнымъ штатамъ единогласно замѣчаютъ, что только очень небольшая площадь земли дѣйствительно засѣяна хлопкомъ, и всѣ допускаютъ, что при научныхъ методахъ обработки и

[1]) См. Kropotkine «Field, Factories and Workshops», гдѣ указывается на возможныя преимущества «интенсивнаго» способа сѣянія пшеницы. См. также статью въ «Worlds Work» «о разведеніи пшеницы» при земледѣльческой школѣ въ Миннесотѣ.

[2]) Forum. November 1892, p. 387.

умѣломъ удобреніи полей эта площадь можетъ быть увеличена въ нѣсколько разъ. То же самое справедливо по отношенію ко всѣмъ другимъ полевымъ растеніямъ.

Каутскій доказалъ, что тенденція современнаго производства заключается въ томъ, чтобы утилизировать все больше и больше то, что прежде считалось „ненужными отбросами“. Новые методы мукомольнаго дѣла даютъ возможность получать изъ одного бушеля пшеницы вдвое больше муки, чѣмъ получалось при старыхъ машинахъ.

Хлопчатниковое сѣмя и отбросы свеклосахарнаго производства представляютъ два яркихъ примѣра этой тенденціи. Это значитъ, что для полученія извѣстнаго количества продуктовъ понадобится меньшая площадь земли. Фальсификація товаровъ и химическіе способы приготовленія продуктовъ, замѣняющихъ земледѣльческіе—это другой фазисъ того же самаго движенія. Пока цѣлью производства будетъ служить не потребленіе, а продажа, фальсификація непремѣнно будетъ возростать, ибо при современной системѣ мѣриломъ, опредѣляющимъ производство товаровъ, служитъ не ихъ польза, а легкость, съ которой они находятъ сбытъ.

Такимъ образомъ, мелкому фермеру, владѣющему плохими орудіями, приходится выдерживать все большее и большее давленіе. Бываютъ годы „благоденствія“ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, когда въ другихъ мѣстностяхъ бываетъ неурожай; бываютъ времена, когда колебанія рынковъ нѣсколько облегчаютъ это давленіе. Но тенденція уничтожать „неприспособленныхъ“ будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока количество обработанной земли будетъ превышать спросъ на земледѣльческіе продукты. Конкуренція всегда понижаетъ—и никогда не повышаетъ. Только та ферма или фабрика, которая выпускаетъ свои продукты на рынокъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ, выдержитъ борьбу и будетъ процвѣтать совершенно независимо отъ того, будетъ ли эта дешевизна результатомъ усовершенствованныхъ методовъ производства, какъ на фермѣ, гдѣ употребляются машины и научные способы обработки,—или результатомъ пониженія жизненнаго уровня (standard of life) рабочаго, арендатора или владѣльца. Послѣднее явленіе особенно часто повторялось въ Америкѣ,

гдѣ конкуренція европейскихъ эмигрантовъ неоднократно заставляла американскихъ фермеровъ покидать цѣлые округа, потому что европейцы могли питаться тѣмъ, чѣмъ американецъ кормилъ своихъ свиней. Въ средѣ фабричныхъ рабочихъ подобные конкуренты называются „скэбами„ (штрейкбрехерами), и профессіональные союзы всячески стараются помѣшать возникновенію подобной конкуренціи или ослабить ея силу, для того, чтобы члены рабочаго союза, такъ же какъ и „скэбы“, могли жить какъ люди, а не какъ скоты. Но среди фермеровъ, такъ же какъ и среди писателей по земледѣльческимъ вопросамъ, такая конкуренція называется „экономіей“ и всячески поощряется, какъ „путь къ достиженію успѣха“ въ земледѣліи, какъ будто трудовую жизнь впроголодь можно назвать успѣхомъ, котораго стоитъ добиваться.

Вмѣсто того, чтобы бороться съ такой конкуренціей, фермеръ привѣтствуетъ ея появленіе. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы жители городскихъ трущобъ „вернулись къ землѣ“, для того, чтобы конкурировать съ работниками, уже живущими „на землѣ“. Онъ не видитъ никакого вреда для себя въ учрежденіи „колоній арміи спасенія“ или „картофельныхъ грядокъ Пингри“, которыя играютъ ту же роль по отношенію къ фермеру, которую по отношенію къ рабочему играютъ тюремныя мастерскія, противъ которыхъ такъ сильно возстаютъ рабочіе союзы. И то и другое—суть формы производства, въ нѣкоторомъ смыслѣ „субсидированнаго“, если можно такъ выразиться, и продукты этого производства попадаютъ на рынокъ, гдѣ конкурируютъ съ продуктами тѣхъ людей, которые не получаютъ подобной помощи или „субсидіи“.

Было бы очень трудно объяснить себѣ такое неблагоразумное поведеніе со стороны фермеровъ, если бы не тотъ фактъ, что большинство ихъ воспитывалось въ тотъ періодъ, когда на фермѣ все производилось для прямого потребленія, и что эти люди еще не привыкли считаться съ исчезновеніемъ этого явленія. Во времена первыхъ поселеній прибытіе одного или многихъ новыхъ членовъ маленькой общины, затерянной въ глубинѣ лѣса, ничуть не уменьшало, но скорѣй увеличивало долю каждаго изъ старыхъ поселенцевъ. Каждый

добывалъ все, что надо было для собственнаго потребленія, и участвовалъ во всѣхъ общихъ работахъ, слѣдовательно, результатомъ обильнаго урожая были не низкія цѣны въ слѣдующемъ году, а просто болѣе привольная жизнь.

Что бы мы подумали о благоразуміи нашихъ купцовъ или фабрикантовъ, если бы они вздумали увѣрять всѣхъ другихъ капиталистовъ въ необходимости открыть какъ можно больше лавокъ и мастерскихъ? Но наши фермеры не находятъ ничего неблагоразумнаго въ утвержденіи, что если бы всѣ городскіе бѣдняки занялись земледѣліемъ, бѣдность была бы уничтожена. Мы не намѣрены разсматривать здѣсь вопросъ о томъ, насколько неразумно то общество, которое создаетъ необходимость въ самозащитѣ и „профессіональномъ“ эгоизмѣ подобнаго рода, и мы первые готовы допустить, что взгляды фермера гораздо болѣе согласуются съ разумнымъ и справедливымъ порядкомъ вещей, чѣмъ взгляды другихъ классовъ общества; мы только хотимъ подчеркнуть тотъ фактъ, что пока существуетъ конкуренція, фермеръ не можетъ избѣжать ея и долженъ конкурировать не только съ своими ближайшими сосѣдями, но, благодаря развитію современныхъ методовъ производства перевозки и храненія,—даже съ жителями другихъ частей свѣта, которые производятъ тѣ же самые предметы, что и онъ.

Кромѣ того, такъ какъ количество земли почти неограничено по отношенію къ спросу на земледѣльческіе продукты, и такъ какъ методы производства все улучшаются,—у насъ неизбѣжно должно быть „хроническое“ перепроизводство земледѣльческихъ продуктовъ, и въ то же самое время тысячи людей, которые хотѣли бы и могли бы производить тѣ товары, въ которыхъ фермеръ наиболѣе нуждается,—будутъ умирать отъ холода, голода и недостатка именно въ тѣхъ продуктахъ, которые безъ всякой пользы пропадаютъ на фермахъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что никакія усовершенствованія въ производствѣ не могутъ улучшить *всего* земледѣльческаго класса. Тѣ фермеры, владѣнія которыхъ *раньше другихъ* будутъ прорѣзаны линіей загороднаго трамвая, тѣ, которые *раньше другихъ* начнутъ употреблять новыя усовершенствованныя машины, тѣ, которые *раньше дру-*

ихъ займутся какой нибудь новой отраслью земледѣлія—будутъ на короткое время пользоваться большимъ успѣхомъ, чѣмъ остальные. Но когда *всѣ* бросаются на что-нибудь новое, тогда неминуемо повторяется старая исторія фруктовой, табачной, хлопчатобумажной или какой-либо другой „лихорадки“. Рынокъ—этотъ странный, измѣнчивый, безличный потребитель—вдругъ переполняется, и между фермерами, гдѣ прежде царило кратковременное довольство, снова воцаряется нужда, разореніе и банкротство.

ГЛАВА IV.

Концентрація въ сельскомъ хозяйствѣ.

Этотъ вопросъ обыкновенно разсматривается съ двухъ точекъ зрѣнія. Одна группа писателей разсматриваетъ этотъ вопросъ съ чисто апріорной точки зрѣнія, довольствуясь чисто теоретическими разсужденіями о томъ, слѣдуетъ ли земледѣліе закону „увеличивающейся, постоянной или уменьшающейся продуктивности“ (increasing, constant or diminuishing returns). Подъ этой фразой подразумѣвается слѣдующее: каждый добавочный инкрементъ продукта стоитъ въ разныхъ индустріяхъ больше или меньше предыдущаго инкремента, или ровно столько же. Общепринятымъ мнѣніемъ въ наукѣ было, что желѣзная дорога можетъ перевозить каждаго добавочнаго пассажира, или каждый добавочный фунтъ груза дешевле, чѣмъ предыдущаго пассажира или предыдущій фунтъ груза, и что поэтому желѣзнодорожное дѣло повинуется закону „увеличивающейся продуктивности“; въ земледѣліи же, напротивъ, требуется-де все большее количество труда, чтобы произвести добавочный бушель пшеницы, или другого зерна, съ того же земельнаго участка, и что земледѣліе поэтому повинуется закону „уменьшающейся продуктивности“, и что поэтому существуетъ извѣстный предѣлъ, дальше котораго увеличеніе земледѣльческаго предпріятія невыгодно. Профессоръ Джонъ Р. Соммонсъ доказалъ въ своемъ трудѣ „О распредѣленіи богатства“,

что даже съ этой точки зрѣнія земледѣліе не представляетъ исключенія изъ захона „увеличивающейся продуктивности“, который царствуетъ въ коммерческихъ и промышленныхъ предпріятіяхъ.

Въ связи съ этимъ не безынтересенъ тотъ фактъ, что ни одинъ изъ этихъ писателей не принялъ въ соображеніе, что „сельское хозяйство“ есть терминъ, включающій въ себѣ понятія о множествѣ различныхъ индустрій. Прежде, чѣмъ прійти къ извѣстному заключенію относительно той или другой особенности сельскаго хозяйства, — не мѣшало бы обозначить, какая именно отрасль его имѣется въ виду—разведеніе хлѣбныхъ растеній, хлопка, скотоводство, молочное хозяйство, пчеловодство или цвѣтоводство.

Прежде всего мы желали бы въ точности опредѣлить, что именно мы подразумѣваемъ подъ словомъ „концентрація“ въ какой-либо индустріи. По отношенію къ этому вопросу существуетъ такая путаница понятій, что это слово утратило почти всякій смыслъ, и намъ кажется, что если мы остановимся на нижеслѣдующемъ опредѣленіи, значеніе этого слова будетъ какъ нельзя лучше согласоваться съ тѣми соціальными и индустріальными понятіями, которыя оно должно выражать.

Концентрація есть движеніе, стремящееся передать въ руки постоянно уменьшающейся группы людей, занимающихся извѣстной индустріей, постоянно увеличивающійся контроль надъ этой индустріей и постоянно увеличивающуюся часть общей суммы доходовъ этой индустріи.

Запомнивъ это опредѣленіе, обратимся ко второй точкѣ зрѣнія, съ которой этотъ предметъ весьма пространно обсуждался: мы подразумѣваемъ вопросъ о томъ, увеличивается ли или уменьшается площадь средней фермы. То важное значеніе. которое обыкновенно придаютъ этому вопросу, служитъ яснымъ доказательствомъ, что политико-экономы не имѣютъ никакого понятія о практическомъ земледѣліи. Стоитъ только на короткое время остановиться на этой сторонѣ вопроса, чтобы убѣдиться, что статистическія данныя о величинѣ фермъ не даютъ ни малѣйшаго понятія о процессѣ концентраціи съ политико-экономической точки зрѣнія.

Существуютъ два вида фермъ, требующихъ наиболь-

шей затраты капитала и труда: это ранчъ скотовода, съ одной стороны, и оранжереи, крытыя стекломъ, съ паровымъ отопленіемъ, окружающія большіе города— съ другой. И та и другая форма представляютъ сильно выраженную степень концентраціи въ индустріи, но въ то же самое время представляютъ два противоположныхъ направленія эволюціи, будучи примѣромъ двухъ крайностей—наибольшей и наименьшей площади сельскохозяйственной единицы.

Перемѣна величины фермы иногда указываетъ на концентрацію, а иногда на совершенно обратное явленіе, и вполнѣ вѣроятно, что въ семидесяти пяти изъ ста случаевъ, такія перемѣны не указываютъ ясно ни на одно изъ этихъ явленій. Раздробленіе большого ранча, раздѣленіе старой южной плантаціи на фермы въ „сорокъ акровъ съ муломъ въ придачу“, образованіе „гомстедовъ“ изъ гигантскихъ западныхъ фермъ (bonanza farm), раздѣленіе пригородныхъ хлѣбныхъ полей на участки подъ огороды—вотъ наиболѣе важныя перемѣны въ величинѣ фермъ, происшедшія въ Соединенныхъ Штатахъ за послѣдніе двадцать пять лѣтъ. И все-таки, можно съ увѣренностью сказать, что ни одна изъ этихъ тенденцій къ раздѣленію фермы на меньшія части не указываетъ на децентрализацію въ сельскохозяйственной промышленности. Результатомъ этого необъяснимаго явленія явились изумительно противорѣчивыя заключенія, къ которымъ пришли различные писатели по сельскохозяйственнымъ вопросамъ.

Съ одной стороны, David A Wells [1]) и нѣкоторые энтузіасты-соціалисты заявляютъ, что гигантская bonanza farm уже и теперь поглощаетъ всѣ мелкія фермы и что недалеко то время, когда эти громадныя фермы окончательно поглотятъ своихъ болѣе слабыхъ конкурентовъ. Когда это время наступитъ, говорятъ они, эти громадныя фермы будутъ управляться, какъ гигантскія промышленныя учрежденія, при помощи организованныхъ армій наемныхъ рабочихъ, которые прежде были зажиточными владѣльцами исчезнувшихъ мелкихъ фермъ. Но когда такую доктрину проповѣдуютъ на-

[1]) «Recent Economic Changes» pp. 99, 461—64.

стоящему фермеру, онъ смѣется надъ невѣжествомъ проповѣдника: онъ по собственному опыту знаетъ, что вокругъ него такихъ перемѣнъ не происходитъ, и знаетъ, что если онѣ вообще происходятъ, это совершается съ такой „геологической“ медленностью, съ которой материки подымаются надъ уровнемъ моря или горы смываются дождями.

Съ другой стороны, мы имѣемъ такихъ наблюдателей, какъ Charles B. Spahr [1]), который, объѣхавъ Миннесоту и Дакоту, выразился слѣдующимъ образомъ по поводу извѣстной теоріи, что „въ земледѣліи, какъ и въ фабричной промышленности, крупныя рыбы пожираютъ мелкихъ“: „Съ того самаго времени, какъ я ступилъ на почву Миннесоты, до того времени, какъ я оставилъ сѣверную Дакоту,—а эти штаты считаются золотымъ дномъ для крупныхъ „пшеничныхъ“ фермъ—я не слышалъ ни объ одномъ фактѣ, который бы подтверждалъ излюбленную на востокѣ теорію. Обширныя „пшеничныя“ фермы не могутъ выдержать конкуренціи съ мелкими фермами, гдѣ примѣняется система „разнообразнаго хозяйства“. Въ сельскомъ хозяйствѣ крупныя рыбы служатъ пищей для мелкихъ“.

Считая мелкія фермы надежнымъ оплотомъ противъ соціализма, капиталисты особенно усердно стараются поддержать существованіе подобныхъ фермъ и вѣчно поютъ хвалебные гимны „независимому фермеру“, подразумѣвая подъ этимъ терминомъ фермера, владѣющаго такой крошечной фермой, что онъ находится въ абсолютной зависимости отъ крупныхъ денежныхъ интересовъ.

Наиболѣе проницательные и благорасположенные критики соціализа утверждаютъ, подобно Вернеру Зомбарту, что „въ этомъ отношеніи марксизмъ не выдерживаетъ критики, и выводы Маркса не могутъ быть примѣнены въ сферѣ сельскаго хозяйства безъ измѣненій. Онъ далъ намъ очень важныя указанія по аграрному вопросу, но его теорія развитія, которая основана на предполагаемомъ возникновеніи крупныхъ предпріятій и на пролетаризаціи массъ и которая не-

[1]) The Outlook, november, 1889.

избѣжно ведетъ къ соціализму,—приложима только въ сферѣ фабричной промышленности“ [1]).

Р. Т. Илай говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Даже если вѣрность положенія соціалистовъ можетъ быть доказана по отношенію къ фабричной прмышленности и внѣшней торговлѣ, она должна быть доказана и по отношенію къ сельскому хозяйству... Смѣло можно сказать, что до сихъ поръ не было предложено ни одного даже вѣроятнаго плана организаціи земледѣлія согласно требованіямъ соціализма. Даже тенденція къ производству въ болѣе широкихъ размѣрахъ далеко не установлена и не подтверждена была до сихъ поръ ни съ исторической, ни съ статистической точки зрѣнія... И если допустить все это (т. е. средній размѣръ фермъ не увеличивается), то соціалистическая точка зрѣнія совершенно не примѣнима къ земледѣлію [2]). Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, капиталистъ находитъ себѣ вѣрнаго союзника въ анархистѣ; такъ, напримѣръ, Крапоткинъ заявляетъ, что „мощь „американской конкуренціи“ заключается не въ гигантскихъ фермахъ, а въ безчисленныхъ мелкихъ фермахъ“ [3]).

Послѣ тщательнаго изученія условій и существующаго матеріала по этому вопросу N. I. Stone въ своей превосходной статьѣ (American Statis'ical Association, Iune 1889) вынужденъ былъ прійти къ слѣдующему выводу,—хотя онъ, какъ соціалистъ, склоненъ вѣрить въ концентрацію: „суммируя все вышеизложенное, мы можемъ сказать, что во всѣхъ мѣстностяхъ Соединенныхъ Штатовъ замѣчается одна и та же тенденція — ростъ фермы средней величины на счетъ двухъ крайностей“. Это заключеніе противоположно тому, къ которому пришелъ Вандервельдъ въ Бельгіи [4]) и Карлъ Каутскій въ Германіи [5]): оба они, послѣ добросовѣстныхъ и тщательныхъ изслѣдованій, заявили, что фермы средней величины исчезаютъ, потому что ихъ, съ одной стороны, поглощаютъ крупныя помѣстья, а съ другой —

---

[1]) Sombart—Socialism and the Social Movement in the XIX Century, p. 139.
[2]) Socialism and Social Reform, pp. 218–222.
[3]) Kropotkin—«Field, Factory and Workshop», p. 97.
[4]) «La propriété Fonciere en Belgique (см. третью часть).
[5]) «Agrarfrage» p. 174.

дробятъ микроскопическіе участки фабричныхъ рабочихъ. Мы не будемъ разбирать здѣсь вопроса о томъ, являются ли эти различныя мнѣнія результатомъ различныхъ условій экономическаго развитія этихъ двухъ странъ (а это весьма вѣроятно), или просто результатомъ разницы въ данныхъ, изъ которыхъ были сдѣланы выводы,—но мы увѣрены только въ одномъ: если эта двоякая перемѣна дѣйствительно происходитъ, то она происходитъ такъ медленно, что походитъ больше на какое-нибудь астрономическое бѣдствіе, которое интересуетъ только математиковъ, чѣмъ на соціальный переворотъ, побуждающій людей къ революціи.

Это кажущееся исключеніе изъ общаго правила — стремленія къ концентраціи — вопросъ очень важный, и объясненія слѣдуетъ искать въ характерныхъ особенностяхъ, присущихъ сельскому хозяйству.

Если купецъ или фабрикантъ не въ состояніи уплачивать своихъ долговъ, онъ объявляетъ себя несостоятельнымъ должникомъ и умираетъ для торговаго или промышленнаго міра. Его покупатели, а иногда и его контора, земля и заводъ переходятъ къ его болѣе успѣшному конкуренту. Фермеръ же можетъ долгіе годы продолжать свое дѣло, доходъ съ котораго не будетъ покрывать всѣхъ расходовъ, какъ, напримѣръ, проценты на капиталъ, жалованье всѣмъ работникамъ и ремонтъ машинъ и построекъ,—но не объявитъ себя несостоятельнымъ; вполнѣ вѣроятно, что многіе никогда и не слыхивали о несостоятельномъ фермерѣ.

Когда фермеру приходится очень трудно, онъ уменьшаетъ плату за свой трудъ и трудъ своей семьи, т. е. уменьшаетъ расходы на пищу и одежду. Потомъ онъ начинаетъ брать въ долгъ у мѣстнаго лавочника, начинаетъ понемногу продавать лишній скотъ, работаетъ дольше, отрываетъ своихъ дѣтей отъ школы и свою жену отъ дома и посылаетъ ихъ на полевыя работы, и долгіе годы работаетъ такъ, живя хуже, чѣмъ банкротъ, въ то время, какъ число фермъ и средняя величина ихъ остаются прежнія. Даже, если онъ продаетъ нѣсколько акровъ своему сосѣду, статистическія данныя о средней величинѣ фермы остаются тѣ же; даже если ферму продаютъ, благодаря просроченной закладной, прежній собственникъ очень часто арендуетъ ее,

но статистики ничего не знаетъ о подобныхъ перемѣнахъ.

Въ связи съ этимъ слѣдуетъ снова напомнить, что сельское хозяйство — это только общее названіе множества различныхъ индустрій, и если фермеру не везетъ въ одной, напримѣръ, въ хлѣбопашествѣ, онъ можетъ сдѣлаться огородникомъ или заняться пчеловодствомъ или птицеводствомъ.

Трудная задача уничтоженія класса мелкихъ фермеровъ, даже когда они доведены до разоренія, имѣетъ еще и другую сторону. Ростъ какого-либо торговаго дѣла или фабрики не затрудняется самымъ фактомъ существованія конкурентовъ: для того, чтобы расширить дѣла громаднаго склада, вовсе не надо покупать помѣщеній, въ которыхъ находятся склады мелкихъ деревенскихъ купцовъ. Вполнѣ возможно — и на дѣлѣ часто такъ бываетъ,—что дѣла крупной фирмы расширяются именно благодаря появленію новыхъ магазиновъ; а съ другой стороны, возможно, что крупная фирма доводитъ своихъ мелкихъ конкурентовъ почти до банкротства, и они влачатъ такое же жалкое существованіе, какъ и мелкія фермы. Что касается крупной фермы, то здѣсь дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Если ферма растетъ и расширяется, это значитъ, что *самая земля* была пріобрѣтена у кого-нибудь другого. Для роста фермы необходимо не только довести почти до полнаго разоренія конкурентовъ вообще, но необходимо еще вытѣснить въ особенности тѣхъ конкурентовъ, владѣнія которыхъ граничатъ съ этой фермой, которые пользуются тѣми же выгодами почвы, климата, рынка, и которыя въ силу всего этого могутъ дольше выдерживать борьбу и выйти побѣдителями. Кромѣ того, слухи о желаніи владѣльца крупной фермы расширить ея предѣлы, придаютъ цѣнамъ на окружающую землю чисто спекулятивный характеръ, независимо отъ ея дѣйствительной продуктивной цѣнности, и такимъ образомъ мѣшаютъ ея расширенію,

Хотя право наслѣдованія не играетъ такой важной роли въ Америкѣ, какъ въ другихъ странахъ, въ особенности во Франціи, оно все-таки заслуживаетъ вниманія, какъ одинъ изъ факторовъ, съ которыми должно считаться при капиталистической системѣ. Унаслѣдо-

ваніе фабричнаго или торговаго предпріятія нѣсколькими лицами очень рѣдко ведетъ къ дѣйствительному раздѣлу этого предпріятія, и такое раздробленіе въ особенности излишне тамъ, гдѣ это предпріятіе представляетъ собой корпорацію. Если же нѣсколько человѣкъ получаютъ въ наслѣдство ферму, то одинъ наслѣдникъ долженъ купить части всѣхъ остальныхъ, или ферма должна быть продана постороннему лицу или, наконецъ, самая ферма должна быть раздѣлена между всѣми наслѣдниками. При всѣхъ этихъ обстоятельствахъ нормальное теченіе дѣлъ нарушается, что очень часто ведетъ къ дизинтеграціи, совершенно независимо отъ вопроса о большихъ или меньшихъ выгодахъ концентраціи.

Эта трудность устраненія экономически безсильныхъ фермъ имѣетъ важное экономическое значеніе. Одинъ изъ наиболѣе твердо установленныхъ законовъ политической экономіи гласитъ, что цѣна всякаго товара опредѣляется стоимостью производства наиболѣе дорогого инкремента, который необходимъ для удержанія нормальнаго предложенія на рынкѣ. Это значитъ, что въ нормальной промышленности цѣна извѣстной вещи не можетъ быть ниже стоимости ея производства, включая сюда заработную плату, стоимость сырого матеріала, проценты на капиталъ, ремонтъ машинъ, т. е. всѣ издержки фабрики или завода, гдѣ стоимость производства *наивысшая*, и которые являются активными факторами на рынкѣ. Если цѣна падаетъ ниже этого предѣла, то эта фабрика съ наивысшей стоимостью производства должна прекратить работу, и тогда предложеніе уменьшается, до тѣхъ поръ, пока цѣны снова начинаютъ возростать. Но расходы фермера, какъ заработная плата, ремонтъ и т. д, такъ эластичны и неопредѣленны, что ферма съ наивысшей стоимостью производства продолжаетъ существовать и и увеличивать предложеніе на рынкѣ даже послѣ того, какъ цѣна продукта упала гораздо ниже того предѣла, когда производство оплачивается. Въ подобныхъ случаяхъ цѣна обыкновенно устанавливается такой фермой, гдѣ употребляются усовершенствованныя машины и гдѣ расходы меньше, но владѣлецъ такой фермы знаетъ стоимость производства и готовъ ликвидировать дѣла,

если бы цѣна упала ниже стоимости производства. Такое положеніе дѣлъ бываетъ иногда и въ промышленныхъ кругахъ, какъ доказалъ извѣстный случай съ United States Steel Company: когда компанія была организована, то оказалось, что нѣкоторыя фирмы предлагали свои продукты по гораздо низшимъ цѣнамъ, чѣмъ самая стоимость производства, согласно книгамъ компаніи. Но дѣло въ томъ, что въ сферѣ фабричной промышленности такое положеніе дѣлъ скоро кончается банкротствомъ, а въ сферѣ сельскаго хозяйства иногда тянется неопредѣленно долгое время.

Обширная ферма требуетъ большого штата наемныхъ рабочихъ, но разнится отъ фабрики или магазина тѣмъ, что находится въ тѣсной связи съ климатическими условіями и смѣной временъ года, и даетъ занятіе рабочимъ только въ извѣстные, неправильные періоды. Въ періоды наибольшаго спроса на рабочія руки, фермеръ долженъ полагаться на временный наплывъ рабочихъ изъ города, а это вноситъ элементъ неопредѣленности и неувѣренности во всѣ процессы работы. Въ противоположность другимъ индустріямъ, въ сельскомъ хозяйствѣ эта неправильность и неопредѣленность усилилась съ введеніемъ машинъ. Благодаря паровой жнѣе-сноповязалкѣ, періодъ уборки хлѣба равняется всего 8—10 днямъ; паровая молотилка исполняетъ въ нѣсколько часовъ ту работу, которой въ былое время люди занимались нѣсколько мѣсяцевъ. Такая непостоянная и неправильная работа не можетъ привлечь искусныхъ работниковъ или удержать дома сыновей фермеровъ [1]).

Въ обыкновенное время фермеръ можетъ получить рабочихъ только изъ низшихъ слоевъ промышленнаго населенія, какъ, напр., бродягъ и другихъ отбросовъ города; конкуренція же вынуждаетъ его ставить ихъ въ такія условія, которыя нисколько не привлекаютъ другихъ работниковъ на это поприще. Очень многіе публицисты, особенно соціалисты, отождествляютъ де-

---

[1]) «Разнообразное сельское хозяйство» представляетъ противоположную тенденцію, стремящуюся дать рабочимъ постоянное занятіе, но вліяніе этой тенденціи недостаточно сильно, чтобы противодѣйствовать вышеописанному явленію.

ревенскаго батрака съ городскимъ наемнымъ рабочимъ, и склонны думать, что всякая перемѣна соціальныхъ условій среди земледѣльцевъ должна опираться только на него, но болѣе близкое знакомство съ положеніемъ дѣлъ разрушаетъ эту иллюзію. Обыкновенный фермеръ нанимаетъ батрака только на время посѣва и на время уборки, т. е. на три-четыре недѣли; что касается остального времени, то и самъ фермеръ въ теченіе многихъ недѣль лежитъ на боку. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть на батрака, какъ на человѣка, добывающаго „прибавочную стоимость“ для фермера, который его нанимаетъ, принуждая его работать сверхъ силъ, — гораздо справедливѣй будетъ считать самого фермера только посредникомъ-нанимателемъ и постояннымъ надсмотрщикомъ для того эксплуатирующаго класса, который въ дѣйствительности выжимаетъ „прибавочную стоимость“ и изъ фермера, и изъ его батрака [1]).

Если наемныхъ рабочихъ трудно достать и если физическія условія (погода, перемѣна временъ года и т. п.) дѣлаютъ невозможной такую организацію ихъ, которая была бы прибыльной (для нанимателя), то эти обстоятельства представляютъ крупное препятствіе къ централизаціи и капитализаціи сельскаго хозяйства. Въ „Orange Judd Farmer“ за мартъ 1901 г. имѣется длинная статья о недостаткѣ рабочихъ рукъ на фермахъ, изъ которой мы приведемъ слѣдующія строки: „Изслѣдованія показываютъ, что вопросъ о наемныхъ рабочихъ на фермахъ дѣлается все болѣе серьезнымъ въ среднезападныхъ штатахъ. Извѣстія изъ Іовы, Иллинойса, Миннесоты, Канзаса, Небраски, Индіаны и Мичигана почти безъ исключенія указываютъ на то, что число батраковъ гораздо ниже требуемаго... Почти всѣ фермеры жалуются, что теперь труднѣе достать хорошихъ рабочихъ, чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ, да и тѣ гораздо менѣе свѣдущи, чѣмъ прежде. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ сыновья фермеровъ работали у своихъ сосѣдей и исполняли работу гораздо лучше, чѣмъ теперешніе батраки, являющіеся неизвѣстно откуда“.

---

[1]) По этому вопросу см. «Report of the Industrial Commission» Vol XI, part III, также свидѣтельскія показанія по этому вопросу (Vol. X), а въ особенности Kautsky «Die Agrarfrage» p. 155—168.

Въ то самое время, когда общій уровень людей, которые дѣлаются сельскохозяйственными наемными рабочими, все понижается,—фермеры требуютъ все болѣе и болѣе способныхъ и свѣдущихъ работниковъ. Каутскій по этому поводу говоритъ слѣдующее (Agrarfxage p. 89): „Въ фабричной индустріи машинное производство обыкновенно не требуетъ болѣе способнаго и искуснаго работника, чѣмъ требовала ручная работа... Работникъ, который работаетъ весь годъ на одной и той же машинѣ, пріобрѣтаетъ необыкновенный навыкъ и ловкость въ управленіи этой машиной. Съ земледѣльческими же машинами дѣло обстоитъ иначе: машины эти часто весьма сложны и для управленія ими требуется большое умѣнье... Сельскохозяйственный рабочій не работаетъ цѣлый годъ на одной и той же машинѣ и, слѣдовательно, не можетъ пріобрѣсть опыта фабричнаго рабочаго".

До тѣхъ поръ, пока не измѣнятся настоящія условія—т. е. долгій рабочій день, неопредѣленная и нерегулярная работа, изолированность, мѣшающая общенію съ людьми, невозможность пріобрѣсти свой домашній очагъ (home),—которыя являются теперь неизбѣжной участью сельскохозяйственнаго рабочаго, люди всячески будутъ избѣгать должности „наемника" въ деревнѣ, такъ же какъ избѣгаютъ работы „наемницы"—т. е. домашней прислуги—въ городѣ. Вопросъ „о домашней прислугѣ" и вопросъ о „батракахъ" будутъ разрѣшены только тогда, когда исчезнутъ полуфеодальныя условія, среди которыхъ теперь приходится жить и тѣмъ и другимъ. Писатели съ капиталистическими взглядами совершенно напрасно морализируютъ о великихъ преимуществахъ этихъ работъ передъ другими видами труда. „Намъ приходится имѣть дѣло съ условіями, а не съ теоріями", и до тѣхъ поръ, пока не исчезнутъ причины, порождающія эти условія,—не будетъ возможности получить рабочую силу, необходимую для капитализаціи и концентраціи сельскохозяйственной индустріи и для примѣненія тѣхъ же методовъ, которые примѣняются въ промышленныхъ сферахъ,—на фабрикахъ, на заводахъ и въ рудникахъ. Для того, чтобы устранить эти причины и привлечь рабочія руки, необходимыя для веденія дѣла въ широкихъ

размѣрахъ, существуетъ два способа, и оба они обусловливаютъ совершенное или частичное уничтоженіе конкурентной системы; одинъ изъ нихъ — это возвращеніе къ феодализму и основаніе громадныхъ помѣстій съ цѣлой группой „крѣпостныхъ", владѣющихъ небольшимъ участкомъ земли, достаточнымъ только для жилища, и получающихъ только часть средствъ, необходимыхъ для содержанія ихъ семей. При такихъ условіяхъ эти работники будутъ вынуждены отдавать владѣльцу помѣстья все то время, которое будетъ у нихъ оставаться послѣ обработки ихъ собственныхъ крошечныхъ участковъ земли. Такое положеніе дѣлъ существуетъ во многихъ мѣстностяхъ Европы, и многіе писатели-соціалисты находили въ этомъ сходство съ промышленной капиталистической концентраціей и ошибочно считали это положеніе дѣлъ шагомъ къ кооперації. Зародыши подобныхъ условій можно найти даже въ южныхъ штатахъ Америки, хотя они не успѣли еще упрочиться. Эволюція американскихъ условій ведетъ скорѣй къ уничтоженію всей системы конкуренціи и замѣнѣ ея системой кооперації, съ свободными рабочими, которые будутъ владѣть землей и орудіями труда и пользоваться *всѣми* плодами своихъ трудовъ.

Помимо этого, многія другія особенности исторіи настоящаго положенія сельскаго хозяйства въ Америкѣ затрудняютъ тѣ проявленія процесса концентрацій, которыя выражаются въ увеличеніи средней площади фермъ. Одна изъ этихъ особенностей — это способъ распредѣленія общественныхъ земель. Въ одной журнальной статьѣ недавно указывалось, что одинъ законъ объ „гомстэдахъ" создалъ около 3.000.000 мелкихъ фермъ; слѣдовательно, число среднихъ фермъ увеличилось именно настолько уже благодаря этому закону. Кромѣ того, около 750.000.000 акровъ земли было предоставлено въ пользованіе желѣзныхъ дорогъ и для школьныхъ цѣлей, и хотя гигантскія фермы запада обязаны своимъ происхожденіемъ именно такимъ земельнымъ концессіямъ, на каждую такую ферму приходится множество мелкихъ и средней величины фермъ, возникшихъ благодаря этимъ же концессіямъ, и понижающихъ среднюю величину площади фермъ. Такое распредѣленіе земельныхъ участковъ между мелкими собствен-

никами еще болѣе упрочило эксплуатацію населенія желѣзнодорожными компаніями. Новые законы объ ирригаціи стремятся къ той же цѣли и вѣроятно создадутъ множество новыхъ мелкихъ фермъ.

Раздѣленіе большихъ рабовладѣльческихъ плантацій на Югѣ, по окончаніи междоусобной войны, также увеличило число мелкихъ фермъ и уменьшило среднюю величину площади фермы. Это раздѣленіе не можетъ служить доказательствомъ за или противъ стремленія къ концентраціи, или желательности концентраціи, сельскаго хозяйства при капиталистической системѣ. Этотъ процессъ раздѣленія происходилъ не въ эпоху капитализма, но былъ скорѣй характерной чертой того переходнаго времени, когда на смѣну полуфеодальной системы явилась капиталистическая.

За десятилѣтній періодъ по окончаніи междоусобной войны, съ 1870 по 1880 г., число фермъ въ бывшихъ рабовладѣльческихъ штатахъ увеличилось на 84%. За десятилѣтній періодъ, съ 1850 по 1860 г., когда тѣ же самые штаты начали плотнѣе заселяться, когда собственность была въ безопасности и промышленность считалась цвѣтущей, число фермъ увеличилось всего на 35%. Эти факты могутъ послужить окончательнымъ отвѣтомъ тѣмъ защитникамъ капитализма, которые приходятъ въ экстазъ отъ устойчивости мелкихъ фермъ, якобы указывающей на цѣлыя поколѣнія „независимыхъ фермеровъ“. Въ исторіи Америки никогда не было такого періода, когда населеніе цѣлой части страны жило бы въ большей бѣдности, когда земледѣліе находилось бы въ большемъ упадкѣ и общее положеніе было бы болѣе бѣдственнымъ, чѣмъ въ южныхъ штатахъ за пятнадцатилѣтній періодъ по окончаніи междоусобной войны. Знакомство съ этими фактами приводитъ насъ къ тому заключенію, къ которому неизбѣжно приведетъ насъ и изученіе другихъ фактовъ, а именно, что одни только статистическія данныя о средней площади фермы не даютъ ровно никакого понятія объ условіяхъ и внутреннихъ перемѣнахъ сельскаго хозяйства.

Многіе писатели, въ особенности соціалисты и популисты, пытались доказать ростъ числа арендаторовъ и закладныхъ на счетъ числа мелкихъ собственниковъ фермъ. Перепись 1890 года обнаружила поразившій

многихъ фактъ, что всего около 47% американскихъ фермеровъ владѣли свободными отъ долговъ фермами. Этотъ фактъ очень важенъ потому, что указываетъ на существованіе въ настоящее время большой группы заложенныхъ и арендованныхъ фермъ, и если мы примемъ во вниманіе, что по переписи 1890 г. общая сумма долга по закладнымъ достигала 1.085.995.960 долл., т. е. почти равнялась стоимости всего урожая маиса или пшеницы въ Соединенныхъ Штатахъ, — то будетъ очевидно, что это явленіе—одинъ изъ фазисовъ концентраціи контроля, имѣющій очень важное значеніе. Но тѣмъ не менѣе, мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, что все фермерское сословіе превращается изъ собственниковъ въ арендаторовъ или должниковъ, и данныя переписи 1900 г. доказываютъ, что въ этомъ отношеніи не произошло никакихъ важныхъ перемѣнъ: въ то время, какъ число арендованныхъ и заложенныхъ фермъ увеличилось гораздо быстрѣе, чѣмъ въ какой-либо періодъ нашей исторіи, число фермъ, обрабатываемыхъ собственниками, увеличилось больше, чѣмъ на 400.000. Слѣдуетъ также отмѣтить, что число собственниковъ увеличилось въ восточныхъ и центральныхъ штатахъ, гдѣ сельское хозяйство развилось раньше. Слѣдующая таблица показываетъ статистическія данныя, касающіяся землевладѣнія, согласно переписи: (См. табл. стр. 88 и 89).

Возрастаніе числа арендаторовъ объясняется тѣмъ, что новыя лица начинаютъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, и изъ приведенныхъ статистическихъ данныхъ невозможно доказать существованіе тенденціи къ превращенію собственниковъ въ арендаторовъ. Будетъ ли продолжаться такое положеніе дѣлъ, когда свободной земли больше не будетъ—невозможно сказать, но несомнѣнно, что въ теченіе всего того періода, пока будетъ замѣчаться вліяніе настоящихъ соціальныхъ и экономическихъ условій, намъ придется считаться съ мелкими собственниками въ американскомъ сельскомъ хозяйствѣ.

Помимо этого, мелкая собственность все еще составляетъ одну изъ существенныхъ сторонъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Во многихъ отрасляхъ индустріи, гдѣ уже замѣчается сильная концентрація, мелкіе производи-

тели все же продолжаютъ существовать, хотя ихъ нельзя считать главными производителями [1]).

Въ сферѣ промышленности владычествуютъ на рынкѣ и устанавливаютъ цѣны крупные тресты, а не мелкія фирмы, которымъ удается кое-какъ существовать; то же самое справедливо и по отношенію къ универсальнымъ магазинамъ и большимъ складамъ въ торговомъ мірѣ. Но въ сельскохозяйственной сферѣ крупная ферма играетъ еще сравнительно незначительную роль и ни въ коемъ случаѣ не даетъ тона всей промышленности.

Мы опредѣлили концентрацію, какъ „движеніе, стремящееся передать въ руки постоянно уменьшающейся группы людей, занимающихся извѣстной индустріей, постоянно увеличивающійся контроль надъ этой индустріей и постоянно увеличивающуюся часть общей суммы доходовъ этой индустріи".

Въ связи съ этимъ опредѣленіемъ мы постараемся нѣсколько подробнѣй разсмотрѣть сущность сельскохозяйственной индустріи. Болѣе близкое знакомство укажетъ намъ, что значеніе термина „сельское хозяйство" постоянно мѣняется, но мѣняется только въ

---

[1]) Нѣкоторые критики соціализма склонны придавать большое значеніе этой живучести мелкихъ производителей, разоренныхъ и почти вытѣсненныхъ съ рынка. На дѣлѣ же оказывается, что это скорѣе доказываетъ вѣрность соціалистической теоріи концентраціи, чѣмъ ея ошибочность. Въ то время, какъ статистическія данныя о числѣ индустріальныхъ единицъ и среднемъ количествѣ продукта почти не измѣняются, въ самомъ производствѣ могутъ произойти крупныя перемѣны, указывающія на концентрацію. Этотъ именно фактъ и затруднялись объяснить многіе писатели, какъ Кропоткинъ и Бернштейнъ, которые усердно старались доказать, что, напр., число розничныхъ торговцевъ не уменьшается. Но при болѣе тщательномъ изслѣдованіи мы находимъ не только множество пустыхъ магазиновъ, указывающихъ на разореніе и банкротство, но и тысячи мелкихъ лавокъ, весь товаръ которыхъ состоитъ изъ мыла и еще кое-какихъ мелочей; лавки эти устроены въ жилыхъ помѣщеніяхъ, занятыхъ цѣлой семьей, и торговлю ведетъ жена или дѣти, чтобы помочь главѣ семьи платить за квартиру. Въ другихъ жилыхъ помѣщеніяхъ устроены цырюльни, молочныя и т. д., указывающія, что когда-то тамъ существовала цвѣтущая торговля. Чѣмъ ближе мы знакомимся съ положеніемъ дѣлъ, тѣмъ яснѣе становится, что эти факты нисколько не опровергаютъ соціалистической теоріи концентраціи; наоборотъ, за ними кроется концентрація, принявшая такіе размѣры, которыхъ не ожидали даже самые пылкіе и увлекающіеся соціалисты.

Г О Д Ы.	Число всѣхъ фермъ.	Число собственниками.
Соединенные Штаты.		
1900	5.739.657	3.713.371
1890	4.564.641	3.269 728
1880	4.008.907	2.984.306
Сѣверно-Атлант. Штаты.		
1900	677.506	536.724
1890	658.569	537.376
1880	696.139	584.817
Южно-Атлант. Штаты.		
1900	962.225	536.627
1890	749.600	461.057
1880	644.429	411.673
Сѣв.-Центр. Штаты.		
1900	2.196.567	1.583.811
1890	1.923.822	1.474.086
1880	1.679.968	1.350.225
Южно-Центр. Штаты.		
1900	1.658.166	852.620
1890	1.086.722	668.972
1880	886.648	565.556
Западные Штаты.		
1900	242.908	202.596
1890	145.878	128.237
1880	83.723	72.005
Аляска и Гавайи.		
1900	2.285	963

рмъ, обрабатываемыхъ.		% фермъ, обрабатываемыхъ.		
Арендующими.		Собственниками.	Арендующими.	
За плату.	За часть урожая.		За плату.	За часть урожая.
752.920	1.273.366	64,7	13,1	22,2
454.659	840.254	71,6	10,0	18,4
322.357	702.244	74,5	8,0	17,5
66.361	74.421	79,2	9,8	11,0
52.120	69.073	81,6	7,9	10,5
49.011	62.281	84,0	7,0	9,0
172.699	252.899	55,8	17,9	26,3
96.098	192 445	61,5	12,8	25,7
74.946	157.810	63,9	11,6	24,5
207.732	404.994	72,1	7,5	18,4
147.238	302.488	76,6	9,7	15,7
88.743	259.000	79,5	5,2	15,3
286.091	519.455	51,4	17,3	31,3
151.901	265.899	61,5	14,0	24,5
105.092	216.000	63,8	11,8	24,4
18.782	21.530	83,4	7,7	8,9
7.292	13.349	87,9	5,0	7,1
4.565	7.153	86,0	5,5	8,5
1.255	67	42,1	54,9	3,0

номъ направленіи. Два-три десятилѣтія тому назадъ то понятіе включало гораздо больше, чѣмъ теперь. Подобно лэндлорду Генри, фермеръ долженъ „довольствоваться тѣмъ, что остается". Сельское хозяйство подобно большому корневищу, изъ котораго, какъ вѣтви, выросли многочисленныя индустріи, и такъ же, какъ многочисленныя побочныя индустріи совершенно затмили сельское хозяйство.

Мы уже указывали, что очистка хлопка изъ домашней работы, исполнявшейся въ часы досуга, превратилась въ крупную самостоятельную фабричную индустрію. Шелушеніе рису, молотьба, производство сельскохозяйственныхъ орудій, такъ же какъ и чёска шерсти, тканье, пряденіе, вязаніе—все это примѣры той же самой тенденціи. Всѣ эти ремесла перешли съ фермы въ городъ, и этотъ переходъ представляетъ часть могучаго процесса концентраціи, совершенно незамѣчаемую при обсужденіи вопроса о промышленной концентраціи въ сельскомъ хозяйствѣ.

Убой скота и приготовленіе мяса — это еще одинъ примѣръ индустріи, которой занимался цѣлый классъ людей, стоявшихъ близко къ сельскому хозяйству, но которая теперь достигла самой высшей степени капиталистической концентраціи. На глазахъ теперешняго поколѣнія эта индустрія превратилась изъ побочнаго занятія фермеровъ въ классическій примѣръ техническаго совершенства и экономической консолидаціи.

Перевозка и храненіе зерна представляютъ еще одинъ примѣръ; но самымъ лучшимъ примѣромъ служитъ одна отрасль индустріи, которая теперь находится въ переходной стадіи и всѣ перемѣны которой такъ подробно описаны въ переписи за 1900 (Bulletin № 189, p. 3), что лучше всего будетъ привести часть этого описанія. „Одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей исторіи молочнаго хозяйства въ Соединенныхъ Штатахъ служитъ перемѣщеніе этой индустріи,—по крайней мѣрѣ, значительной ея части—съ фермы на фабрику. Коровы и молоко попрежнему остаются на фермахъ и считаются сельско-хозяйственными продуктами, но что касается процесса превращенія молока въ болѣе пригодные для рынка продукты, то большая часть

его происходитъ на сыроварняхъ и фабрикахъ для изготовленія масла и сгущенія молока. Продукты этихъ фабрикъ подходятъ подъ рубрику „промышленныхъ продуктовъ“.

„Эта перемѣна произошла въ теченіе послѣдней половины столѣтія, которая обнимаетъ собой періодъ развитія кооперативнаго молочнаго хозяйства въ Америкѣ. Когда молоко, добытое на нѣсколькихъ фермахъ, или сливки съ него, свозятся въ одно мѣсто, гдѣ превращаются въ масло, сыръ или сгущенное молоко,— это значитъ, что домашнее производство прекратилось, что это мѣсто превратилось въ фабрику, а продукты— въ фабричные продукты. По переписи 1850 г. въ Соединенныхъ Штатахъ было восемь сыроваренъ; до 1860 г. число ихъ возростало очень медленно, но въ 1870 г. уже насчитывалось 1.313 фабрикъ, гдѣ выдѣлывалось масло и сыръ; по даннымъ переписи 1880 г. ихъ было 3.932, а по даннымъ 1890 г.—4.712, включая только тѣ фабрики, которыя прислали отчеты. Кромѣ этихъ, еще около 2.500, бывшихъ въ полномъ ходу, не прислали отчетовъ, и если мы будемъ сравнивать данныя за 1890 г. съ данными за 1900 г., мы не должны забывать этого факта Согласно переписи 1900 г. въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывалось 9.242 фабрикъ, съ 2.050 „станціями“, гдѣ установлены сепараторы, и 747 другими отдѣленіями“.

Изъ того же самаго источника (Bulletin 189, p. 5) мы узнаемъ, что процессъ концентраціи еще не законченъ, и всѣ попытки фермеровъ остановить этотъ процессъ посредствомъ кооперації были безуспѣшны. „Крупныя компаніи... поглотили множество мелкихъ самостоятельныхъ фабрикъ, и благодаря этому мы имѣемъ такъ много отдѣленій и „станцій“. Штатъ Вермонтъ представляетъ яркій примѣръ возрастанія производства, совершенно непропорціональнаго числу новыхъ фабрикъ; въ то время, какъ число послѣднихъ удвоилось, количество продукта учетверилось. Этотъ фактъ также объясняется консолидаціей и существованіемъ громадныхъ компаній, имѣющихъ отдѣленія. Согласно отчету, въ Вермонтѣ имѣлось 184 „станціи“ (куда доставляются сливки) и 382 сепаратора на сыроварняхъ и фабрикахъ для приготовленія масла“.

„Распредѣлить всѣ эти заведенія по рубрикамъ, согласно всѣмъ видоизмѣненіямъ владѣнія и управленія, оказалось невозможнымъ; но всѣ они были раздѣлены на четыре группы: частныхъ — 4.509, фирмъ — 1.340, акціонерныхъ предпріятій — 1.628, кооперативныхъ — 1.913, итого—9.242. Такимъ образомъ мы видимъ, что частныя предпріятія значительно превосходятъ число кооперативныхъ учрежденій, и эта тенденція существуетъ уже много лѣтъ. Около двадцати лѣтъ тому назадъ всѣ фабрики молочныхъ продуктовъ были кооперативныя; теперь большинство кооперативныхъ фабрикъ находится только въ Массачусеттсѣ. Въ Айовѣ прежде сильно преобладало кооперативное устройство, теперь же оно сохранилось только на одной трети фабрикъ. Въ Миннесотѣ долгое время всѣ подобныя фабрики были кооперативныя, теперь же — всего 60%. Какъ на крайніе примѣры, укажемъ на Калифорнію, гдѣ изъ 178 фабрикъ только 7 кооперативныхъ, на Канзасъ, гдѣ изъ 171 — только 12 кооперативныхъ, и Висконсинъ, гдѣ изъ 2.018 — только 377 кооперативныхъ“.

Самымъ важнымъ результатомъ этихъ перемѣнъ было то, что съ исчезновеніемъ этихъ индустрій изъ предѣловъ фермы, вліяніе ихъ на фермера сохранилось, и онѣ ничуть не утратили своей связи съ сельскимъ хозяйствомъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Общество—это органическое цѣлое, и невозможно раздѣлить его на совершенно самостоятельныя, изолированныя другъ отъ друга части. Производство какого-либо продукта не можетъ считаться законченнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не достигаетъ самого потребителя, а это включаетъ процессъ перевозки и храненія и всякія перемѣны, которымъ онъ подвергается во время самой обработки. Желѣзныя дороги и пароходы, элеваторы и холодильники составляютъ такія же необходимыя приспособленія въ сельскохозяйственномъ производствѣ, какъ и повозки, лошади, сараи и закромы, и не принять этого обстоятельства въ соображеніе—значитъ упустить изъ виду факторъ первостепенной важности.

Мы ничуть не забываемъ того факта, что такое расширеніе понятія о сельскомъ хозяйствѣ можетъ по-

вести къ смѣшенію понятій при разборѣ экономическихъ вопросовъ; но въ настоящемъ случаѣ, когда приходится разсматривать соціальныя отношенія и результаты, синтезъ важнѣе анализа, и намъ слѣдуетъ обращать больше вниманія на взаимную связь, чѣмъ на подраздѣленія. Съ исторической точки зрѣнія, такъ же какъ и по отношенію къ настоящимъ экономическимъ условіямъ, такой взглядъ необходимъ [1]).

Общество, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, слѣдуетъ считать органическимъ цѣлымъ, хотя нельзя считать организмомъ похожимъ на человѣческій, какъ хочетъ насъ увѣрить Спенсеръ. Если мы будемъ сравнивать общество съ организмомъ, его можно будетъ сравнить скорѣе съ какимъ-нибудь низшимъ организмомъ, а не съ млекопитающимъ. Диференціація и координація функцій въ обществѣ скорѣе допускаютъ аналогію.

Тѣмъ не менѣе общество все-таки есть организмъ и какъ таковой развивается *весь* въ томъ или другомъ направленіи. Въ томъ, что общее направленіе развитія соціальнаго организма ведетъ къ концентраціи,—никто не сомнѣвается, кромѣ тѣхъ, которые, подобно анархистамъ, не видятъ дѣйствительныхъ фактовъ изъ-за предвзятыхъ теорій. Мы видимъ, что съ каждымъ днемъ все общество, *включая и земледѣльческіе классы*, все больше и больше подпадаетъ подъ власть все меньшаго и меньшаго числа людей. *Вся индустрія, включая и сельское хозяйство*, подпадаетъ все больше и больше подъ доминирующее вліяніе нѣсколькихъ отраслей индустріи, какъ, напр., перевозка грузовъ, добываніе желѣза и каменнаго угля и, за послѣднее время, передача движущей силы. Мы должны разсматривать, какъ нѣчто цѣлое, весь процессъ превращенія

---

[1]) Kautsky «Die Agrarfrage» p. 5—6. «Несомнѣнно, что развитіе сельскаго хозяйства не идетъ тѣмъ же путемъ, какъ промышленность: у него есть свои собственные законы. Но это вовсе не значитъ, что развитіе сельскаго хозяйства противоположно развитію промышленности и несовмѣстимо съ нимъ. Наоборотъ, мы твердо увѣрены, что обѣ эти индустріи будутъ приближаться къ одной и той же цѣли, какъ только исчезнетъ разобщенность между ними, и обѣ онѣ будутъ считаться двумя разновидностями одного и того же процесса.

сырыхъ продуктовъ въ другіе, которые по своей формѣ наиболѣе удобны для удовлетворенія потребностей человѣка, т. е. весь процессъ производства товаровъ. По отношенію къ общей соціальной эволюціи всѣ различные процессы производства должны считаться частями одного органическаго цѣлаго. Отсюда ясно, что для того, чтобы „постоянно уменьшающаяся группа людей, занимающихся извѣстной индустріей, могла упрочить за собой постоянно увеличивающуюся власть“ надъ индустріей, ей необходимо только захватить въ свои руки власть надъ главными, доминирующими отраслями индустріи. Если мы будемъ разсматривать процессъ созиданія богатствъ, какъ нѣчто органически цѣлое, мы увидимъ, что нѣсколько видовъ индустріи особенно важны и необходимы для всего этого процесса. Въ современной сложной и сильно развитой индустріальной жизни каменный уголь, желѣзо и пути сообщенія такъ необходимы для всѣхъ процессовъ производства, что если эти три отрасли индустріи сосредоточены въ рукахъ немногихъ лицъ, эти лица могутъ управлять всей индустріальной жизнью, всѣми жизненными процессами общества, если можно такъ выразиться. Людямъ, захватившимъ власть надъ этими отраслями индустріи, такъ же легко управлять и другими, какъ легко человѣку, подчинившему себѣ умъ и волю другого, завладѣть всѣмъ тѣмъ, что создали руки этого другого человѣка.

Если мы будемъ разсматривать ту часть сельскаго хозяйства, которая сохранила прямую и тѣсную связь съ землей и которая опредѣляется терминомъ „земледѣліе“, мы увидимъ, что при капиталистической системѣ крупная индустріальная единица ничуть не прибыльнѣе, чѣмъ мелкая. Это, конечно, не доказываетъ, что прямая централизація не была бы экономически желательной и осуществленіе ея не было бы возможно, если бы принципъ кооперації и разумное веденіе дѣлъ повсемѣстно смѣнили эксплуатацію и конкуренцію въ индустріальномъ мірѣ. Для человѣка, изучающаго соціальные вопросы, концентрація индустріи имѣетъ двоякое значеніе: во-первыхъ, — какъ система, ставящая небольшое меньшинство въ положеніе соціальныхъ владыкъ, а во-вторыхъ, — какъ подготови-

тельная степень и предвѣстница кооперативной стадіи соціальнаго развитія, которая наступитъ за теперешней системой конкуренціи и частной монополіи. Первое вытекаетъ изъ финансовой стороны концентраціи, второе—изъ технической, и во многихъ отрасляхъ индустріи объ эти стороны уже приняли форму монополіи; но предполагать, что капитализмъ добьется того же самаго во всѣхъ отрасляхъ индустріи, — значило бы слишкомъ льстить капитализму.

Очень многіе писатели, обсуждавшіе этотъ вопросъ, совершенно упускали изъ виду тотъ фактъ, что система конкуренціи далеко не всегда ведетъ за собой распространеніе болѣе экономныхъ методовъ производства. Она всегда слишкомъ нерасчетливо тратитъ человѣческія жизни, ибо изъ всѣхъ цѣнностей именно эта — человѣческая жизнь, меньше всего принимается въ расчетъ на столбцахъ приходо-расходной книги капиталиста. „Потогонная“ система, существующая въ большихъ городахъ, служитъ яркой иллюстраціей этого факта. Какъ мы уже не разъ отмѣчали, между „потогонной“ системой и земледѣльческой работой существуетъ сильное сходство, въ особенности по отношенію къ концентраціи. И въ томъ и въ другомъ случаѣ размѣры индустріальной единицы—мастерской или фермы—почти не увеличились, и въ обоихъ случаяхъ причина этого явленія заключается не въ томъ, что децентрализація даетъ возможность болѣе экономно управлять дѣлами, а въ томъ, что она даетъ возможность легче эксплуатировать рабочаго, въ особенности дѣтскій и женскій трудъ. Charles Spahr, обсуждая вопросъ о раздробленіи крупныхъ фермъ, говоритъ слѣдующее (Outlook, november 1889): „Когда я спросилъ фермера, почему крупныя фермы разбиваются на мелкія, онъ охарактеризовалъ положеніе дѣлъ одной мѣткой фразой. „Въ Америкѣ, - сказалъ онъ,—не бываетъ неурожая только на ледъ да на дѣтей, а у мелкаго фермера есть дѣти“. Другими словами, мелкій фермеръ, только номинально владѣющій фермой, величина которой достаточна для того только, чтобы дать ему возможность прокормиться, при чемъ жена и дѣти тоже работаютъ, — можетъ конкурировать на міровыхъ рынкахъ съ владѣльцемъ крупной фермы только тогда,

когда его дѣти и ихъ мать работаютъ такъ, какъ отказался бы работать здоровый батракъ.

Наконецъ, капитализмъ еще не сказалъ послѣдняго слова, и вполнѣ возможно, что онъ еще достигнетъ такихъ степеней развитія, которыя поведутъ къ такому же сліянію индустріальныхъ единицъ въ сельскомъ хозяйствѣ, какое произошло въ промышленности и транспортномъ дѣлѣ. На возможность этого указываютъ нѣкоторыя новыя изобрѣтенія. Употребленіе небольшихъ двигателей въ сельскомъ хозяйствѣ представляетъ важный шагъ въ этомъ направленіи. Изобрѣтеніе круглаго плуга (disc-plow) въ первый разъ дало возможность примѣнить механическую, а не животную силу къ этому первоначальному процессу производства. Если движущая сила непосредственно передается дискамъ, то многія неудобства прежней системы примѣненія механической силы при вспахиваніи земли совершенно исчезаютъ. Если же когда-либо будетъ изобрѣтенъ двигатель, который можно будетъ легко соединить съ плугомъ, сѣялкой или косилкой и жнеей, „такъ что возможно будетъ употреблять одинъ и тотъ же двигатель для всѣхъ разнообразныхъ сельскохозяйственныхъ машинъ,—это вѣроятно въ значительной степени облегчитъ капиталистическую эксплуатацію сельскаго хозяйства.

Слѣдуетъ также отмѣтить еще одну тенденцію,—которая не имѣетъ ничего общаго съ изобрѣтеніями, но тѣмъ не менѣе ведетъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ,—сильно распространяющееся примѣненіе искусственной теплоты и стеклянныхъ крышъ въ нѣкоторыхъ видахъ земледѣлія; употребленіе тканей при разведеніи табаку, особенно въ Коннектикутѣ и Огайо, есть разновидность той же самой тенденціи. Всѣ эти въ высшей степени интенсивные методы земледѣлія стремятся сгладить тѣ климатическія перемѣны и колебанія, которыя составляютъ одно изъ главныхъ препятствій къ образованію крупныхъ индустріальныхъ единицъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Кромѣ того, непрерывный процессъ концентраціи въ другихъ отрасляхъ производства, сопровождаемый огромнымъ накопленіемъ прибавочной стоимости, достающейся на долю капитала, помѣщеннаго въ усовер-

шенствованныхъ, сокращающихъ человѣческій трудъ машинахъ,—оказываетъ сильное давленіе на капиталъ, ищущій новыхъ видовъ помѣщенія. Милліоны долларовъ, отнятыхъ у работниковъ на поприщѣ фабричной промышленности, торговли, транспортнаго дѣла,—должны найти себѣ какое-либо помѣщеніе. Такъ какъ эти поприща уже захвачены монополіей, и возможность дальнѣйшаго помѣщенія все уменьшается, то можно съ достовѣрностью сказать, что въ недалекомъ будущемъ будутъ сдѣланы попытки капитализировать сельское хозяйство, гораздо болѣе настойчивыя, чѣмъ были сдѣланы до сихъ поръ. Каковы будутъ результаты этихъ попытокъ—трудно предсказать. Съ другой точки зрѣнія, самый фактъ, что при капиталистическомъ строѣ конкуренція не исчезаетъ въ сельскомъ хозяйствѣ, вовсе не доказываетъ, что желательно ея увѣковѣченіе. Индустріальная эволюція и революція всегда вліяли сначала только на доминирующій индустріальный факторъ. Во времена феодализма только система землевладѣнія или земледѣлія носила на себѣ слѣды вліянія феодальныхъ идей,—или лучше сказать, система землевладѣнія была тѣмъ доминирующимъ, рѣшающимъ соціальнымъ факторомъ, вліяніе котораго отражалось, въ большей или меньшей степени, на всѣхъ соціальныхъ учрежденіяхъ. На всемъ протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ феодализма многочисленные остатки варварства и примитивнаго коммунизма все еще продолжали существовать, а съ другой стороны, феодализмъ вытѣснилъ многіе учрежденія и обычаи, которые существовали въ болѣе раннихъ стадіяхъ общественнаго развитія и которые могли бы быть весьма полезны для будущихъ поколѣній, если бы ихъ можно было сохранить не задерживая хода соціальной эволюціи. Капитализмъ еще сохранилъ въ себѣ многіе пережитки феодализма, которые сохранились почти безъ всякихъ перемѣнъ, потому что эти перемѣны не были существеннымъ условіемъ распространенія капитализма. Съ другой стороны, очень многое,—какъ, напримѣръ, искусство старыхъ рабочихъ гильдій, съ ихъ любовью къ созидающей, осмысленной работѣ,—что могло бы принести неоцѣненную пользу всякому обществу,—было окончательно уни-

чтожено, потому что мѣшало болѣе полному развитію наемнаго рабства. Точно такъ же, когда капитализмъ уступитъ мѣсто кооперативной индустріи, онъ оставитъ безъ всякихъ перемѣнъ очень многое, перешедшее со временъ варварства и сохранившееся въ періодъ феодализма и капитализма. Одно только будетъ отличать кооперативную систему отъ всѣхъ другихъ стадій соціальнаго развитія, а именно: когда исчезнутъ враждебные классовые интересы, общество будетъ въ состояніи сознательно направлять ходъ своей эволюціи, будетъ въ состояніи разумно и безпристрастно принимать или отвергать все то, что сочтетъ нужнымъ, не стѣсняясь соображеніями о частныхъ выгодахъ правящаго класса эксплуататоровъ. Тогда только будутъ возможны попытки удостовѣриться, насколько желательна концентрація въ сельскомъ хозяйствѣ, и тогда только будетъ возможность избрать именно такую форму концентраціи, которая будетъ болѣе выгодна для общества [1]).

ГЛАВА V.

Фермеръ и наемный рабочій.

Одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей капитализма является раздѣленіе промышленнаго населе-

---

[1]) Разсматривая вопросъ о концентраціи, мы не упомянули о громадныхъ фермахъ въ Калифорніи, потому что онѣ развились среди исключительныхъ условій. Вліяніе климатическихъ перемѣнъ и колебаній было въ сильной степени сглажено при помощи ирригаціи, и въ то же самое время особенности почвы, продуктовъ и рынка въ значительной степени упрощаютъ веденіе дѣла. Результатомъ всего этого явилась форма концентраціи, которая походитъ на концентрацію въ фабричной промышленности больше, чѣмъ всякая другая форма, которую можно найти въ цѣломъ свѣтѣ. Будетъ ли это устойчиво, увеличится это или уменьшится—теперь еще сказать невозможно, но интересно отмѣтить, что техническая сторона этого дѣла гораздо болѣе походитъ на то, чего слѣдуетъ ожидать при соціалистическомъ строѣ общества, чѣмъ все, что намъ извѣстно было до сихъ поръ.

нія на двѣ большія соціальныя группы: одна владѣетъ орудіями производства и распредѣленія богатствъ, но не употребляетъ ихъ, а другая употребляетъ ихъ, но не владѣетъ ими. Мелкіе производители, объединяющіе въ себѣ обѣ функціи, т. е. владѣющіе орудіями производства и употребляющіе ихъ, какъ, напр., сапожникъ, ткачъ на ручномъ станкѣ, мясникъ—постепенно исчезаютъ Интересы этихъ двухъ соціальныхъ классовъ діаметрально противоположны, поскольку дѣло касается распредѣленія продуктовъ. Владѣльцы орудій, или капиталисты, стараются получить какъ можно большую часть того, что производятъ люди, употребляющіе эти орудія, или рабочіе; а эти послѣдніе, вполнѣ естественно, стараются удержать за собой все, что они производятъ. Эта борьба должна неизбѣжно отразиться въ сферѣ политической борьбы,ь какъ и вездѣ, гдѣ только люди стараются измѣнить общественныя условія, среди которыхъ они живутъ. „Къ какому изъ этихъ двухъ классовъ слѣдуетъ причислить фермера?“—вотъ вопросъ, который очень важенъ не только для самого фермера или фабричнаго рабочаго, но и для всего общества. На первый взглядъ можетъ показаться, что опредѣленіе защитниковъ капитализма вполнѣ вѣрно, и что фермеръ есть въ одно и то же время капиталистъ, рабочій и управляющій. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что это опредѣленіе почти такъ же вѣрно или невѣрно по отношенію къ фермеру, какъ, напр., по отношенію къ столяру, который владѣетъ молоткомъ и пилой, или рудокопу, который владѣетъ киркой и лопатой. Есть много отраслей индустрій, гдѣ рабочіе владѣютъ непосредственными орудіями, которыми они работаютъ такъ же безраздѣльно, какъ фермеръ владѣетъ своими, но все-таки никто не допускаетъ, что этихъ рабочихъ можно назвать капиталистами и что они могутъ имѣть что-нибудь общее съ классомъ капиталистовъ. Это справедливо не только по отношенію къ столярамъ, но и ко всѣмъ рабочимъ на постройкахъ, къ плотникамъ, токарямъ, кирпичникамъ и рудокопамъ. Тѣмъ не менѣе, во всѣхъ этихъ отрасляхъ индустріи продуктъ не принадлежитъ производителю, котораго всякій, безспорно, назоветъ пролетаріемъ. Правда, фермеръ имѣетъ нѣсколько большую

возможность распоряжаться своимъ продуктомъ, но если вспомнить, что онъ производитъ не для потребленія, а для рынка, разница будетъ вовсе не такъ велика.

Экономическая классификація человѣка опредѣляется доминирующимъ, главнымъ факторомъ въ его жизни, а не побочными и второстепенными. Экономическое положеніе рудокопа, его заработная плата, образъ жизни, образъ мыслей и общественное положеніе зависятъ не отъ того факта, что онъ *владѣетъ киркой и лопатой*, а отъ того, что онъ *не владѣетъ рудникомъ*. Точно такъ же столяръ получаетъ свой доходъ не потому, что владѣетъ ящикомъ съ инструментами, а потому, что владѣетъ рабочей силой, необходимой для употребленія этихъ инструментовъ, которую онъ продаетъ за извѣстную плату. Съ этой же точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть и на фермера. Получаетъ ли онъ свой доходъ потому, что владѣетъ орудіями, которыя употребляетъ другой человѣкъ, или потому, что самъ трудится?

Что касается величины его дохода, то всѣ авторитеты единогласно признаютъ, что и фермеръ, и рабочій получаютъ немного больше, чѣмъ необходимо для поддержанія жизни.

Профессоръ C. S. Walker (Ч. С. Уокеръ) въ своемъ докладѣ, прочитанномъ въ американской экономической ассоціаціи, говоритъ слѣдующее: [1])

„Статистическія данныя уже не разъ ясно доказывали, что за вычетомъ ренты и дохода на капиталъ, американскій фермеръ получаетъ за свой трудъ гораздо меньше, чѣмъ рабочій на фабрикѣ или батракъ на фермѣ. Вслѣдствіе этого американскій фермеръ въ настоящее время проживаетъ, по большей части, свой капиталъ или доходы съ него, при чемъ капиталъ его помѣщенъ такъ, что фермеръ не можетъ употребить его ни для какихъ другихъ цѣлей безъ большихъ потерь. Въ одной изъ своихъ статей (Review of Reviews, September 1899) профессоръ земледѣльческаго факультета Корнельскаго университета L. B. Bailey“, Л. Б. Бейли, который считается однимъ изъ лучшихъ авторитетовъ по земледѣлію въ Америкѣ, заявилъ, что „доходъ въ

[1]) American Economic Association Studies, 1897, p. 56. «Is there a distinct Agricultural Question?»

200 дол. въ годъ представляетъ идеалъ американскаго фермера". Земледѣльческая статистика американскихъ переписей разработана такъ, что не даетъ возможности болѣе или менѣе точно опредѣлить средній доходъ фермера. George K. Holmes, помощникъ начальника статистическаго бюро въ департаментѣ земледѣлія, приходитъ къ слѣдующему заключенію, анализируя данныя 1890 г., въ своемъ докладѣ „Индустріальной комиссіи": „оказывается, что если считать проценты на капиталъ фермера, то онъ ничего не получаетъ за свой трудъ, если же не считать процентовъ, то заработокъ фермера равняется 22,61 долл. въ мѣсяцъ".

Edward Adams, въ своей книгѣ „Современный фермеръ"—говоритъ слѣдующее: „По моему мнѣнію, фермеру и его женѣ приходится работать по 12 часовъ въ сутки, хотя часть этого времени при очень легкой работѣ... По моему мнѣнію, фермеръ долженъ быть доволенъ, если у него есть комфортабельное, но скромное жилище, обильная, но простая пища, достаточно прочной рабочей одежды, одна хорошая пара воскреснаго платья, удобный экипажъ для поѣздки въ церковь съ семьей, возможность дать умѣренное образованіе умѣренному числу дѣтей, и вдобавокъ такой доходъ, какой дастъ ему право одолжить, въ молодости, половину необходимаго для покупки фермы капитала, въ надеждѣ, что онъ выплатитъ этотъ долгъ годамъ къ пятидесяти, и прекратитъ работу годамъ къ шестидесяти".

Но если мы обратимся къ статистическимъ даннымъ о смертности среди фермеровъ, мы увидимъ, что 21 % умираетъ раньше 25 лѣтъ, 57 % умираетъ раньше 45 лѣтъ и 86 %—раньше 65 лѣтъ [1]).

Такимъ образомъ оказывается, что даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ больше половины фермеровъ, проживъ жизнь, полную труда и лишенную почти всякихъ удовольствій, оставляетъ послѣ смерти обремененную долгами землю, которую они обрабатывали, и всего 14 % могутъ надѣяться отдохнуть отъ труда въ преклонномъ возрастѣ. Поневолѣ являются вопросы—

---

[1]) U. S. Census 1890.

стоитъ ли такъ жить? стоитъ ли этотъ идеалъ, чтобы къ нему стремиться?

Но, по справедливому замѣчанію Каутскаго [1]), фермера нельзя причислить къ тому же самому экономическому классу, что и фабричнаго рабочаго, только потому, что оба они, такъ сказать, товарищи по несчастію. Мелкому лавочнику и мелкому фабриканту очень часто приходится такъ же трудно, какъ и рабочему, но это не доказываетъ, что интересы ихъ тѣ же самые, т. е. ихъ классовые интересы. Какъ отдѣльныя лица, очень многіе могутъ желать уничтоженія современной системы эксплуатаціи, но ни одинъ классъ не можетъ желать своего собственнаго уничтоженія, а ходъ прогресса непремѣнно долженъ уничтожить классъ мелкихъ фабрикантовъ и мелкихъ лавочниковъ, и какъ вліятельный соціальный факторъ, этотъ классъ уже уничтоженъ. Его мѣсто въ обществѣ заняли крупные тресты и универсальные магазины, которые исполняютъ его функціи при капиталистической системѣ.

Что касается мелкаго фермера, никто не можетъ предсказать, что съ нимъ станется при иномъ соціальномъ строѣ; очевидно только то, на что мы указывали въ предыдущей главѣ о концентраціи, а именно,— что онъ вовсе не исчезаетъ, какъ соціальный факторъ, и есть основанія предполагать, что онъ переживетъ конкурентную систему. *Мелкій фермеръ такой же существенный экономическій факторъ въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ наемный рабочій—существенный экономическій факторъ въ капиталистической системѣ производства вообще.* Этотъ именно фактъ, а не тотъ, что они „товарищи по несчастію“, и дѣлаетъ его положеніе не только сходнымъ, но, какъ указалъ Каутскій, вполнѣ аналогичнымъ съ положеніемъ наемнаго рабочаго. „Пролетарій деревни—это фермеръ“,—говоритъ Каутскій дальше, и будущее рѣшеніе судебъ общества должно быть ос-

[1]) Agrarfrage, p. 305—306 «Нельзя отрицать, что «уровень жизни» фермера чисто пролетарскій, и очень часто еще ниже. Но это еще не доказываетъ, что его классовые интересы есть интересы пролетаріата. Характерная черта современнаго пролетарія—вовсе не его нищета. Бѣдность уже существуетъ нѣсколько тысячъ лѣтъ, но несмотря на это, соціальдемократическое пролетарское движеніе есть соціальный продуктъ послѣдняго столѣтія, продуктъ пролетаріата... который прежде не былъ извѣстенъ».

новано на общихъ интересахъ пролетаріата. Это пунктъ первостепенной важности, ибо если какой-нибудь элементъ общества *экономически* необходимъ, съ нимъ должно считаться и съ *соціальной и политической* точки зрѣнія.

Соціальное положеніе извѣстнаго класса опредѣляется не столько *величиной* дохода, получаемаго этимъ классомъ, сколько *источникомъ* его. Если фермеръ получаетъ свой доходъ съ капитала—его интересы одинаковы съ интересами капиталиста, если же онъ получаетъ его, потому что трудится,—его интересы одинаковы съ интересами тружениковъ. Фермеръ употребляетъ замѣчательно производительныя орудія, и рабочій день его очень длиненъ. Если онъ получаетъ столько, сколько его трудъ можетъ произвести при помощи этихъ орудій, у него нѣтъ никакихъ другихъ источниковъ дохода. Можно съ увѣренностью сказать, что производительная сила современнаго фермера,—даже если мы исключимъ тѣхъ, которые употребляютъ удивительныя, почти чудесныя, машины на пшеничныхъ фермахъ запада,—почти въ десять разъ больше производительности фермера 50-75 лѣтъ тому назадъ [1]).

Если даже фермеръ первой половины истекшаго столѣтія получалъ все, что онъ производилъ, и если бы современный фермеръ могъ получать все, что онъ производитъ, его доходъ былъ бы въ десять разъ больше дохода его предка, работавшаго при помощи серпа, деревяннаго плуга и цѣпа. Кто осмѣлится утверждать, что современный фермеръ получаетъ такой доходъ? Стоитъ только раздѣлить доходъ любого фермера на десять—не говоря уже о фермерѣ съ 200 дол. годового дохода, котораго, какъ насъ увѣряютъ, слѣдуетъ считать „типичнымъ американскимъ фермеромъ“,—чтобы убѣдиться, что этой суммы недостаточно для того, чтобы сохранить душу въ тѣлѣ, не говоря уже о томъ

---

[1]) Massachussets Agricultural Report, p.101. U. S. Agricultural Jear Book, p. 333. North American Review, February 1896. Mulhall —„Вырождается ли человѣчество“ (стр. 177): « Когда Мальтусъ писалъ, работы одного крестьянина достаточно было для того, чтобы посѣять хлѣбныхъ продуктовъ для прокормленія десяти человѣкъ; въ настоящее время въ Соед. Шт. взрослый мужчина можетъ добыть этихъ же продуктовъ для прокормленія ста двадцати человѣкъ»

довольствѣ и здоровьи, какими пользовался фермеръ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Мы не должны избѣгать подобныхъ аргументовъ. Здѣсь не можетъ быть споровъ о возрастаніи цѣны сырыхъ матеріаловъ, потому что фермеръ производитъ сырые матеріалы. Земля и ея плоды—сырой матеріалъ и готовый продуктъ—таковы, какими были цѣлыя столѣтія; вопросъ только въ томъ, куда дѣвается этотъ готовый, законченный продуктъ. Невозможно сравнивать фермера съ едва перебивающимся мелкимъ лавочникомъ или мелкимъ фабрикантомъ. Причина ихъ тяжелаго положенія заключается въ томъ, что они не могутъ употреблять усовершенствованныхъ орудій производства, благодаря ихъ высокой цѣнѣ, или въ томъ, что болѣе крупные конкуренты вытѣсняютъ ихъ съ рынка. Что касается мелкаго фермера, то онъ все еще является главнымъ производителемъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Можетъ ли крупный фермеръ продавать дешевле его, или нѣтъ—это еще вопросъ спорный, и можно съ увѣренностью сказать, что вліяніе ихъ еще не настолько велико, чтобы дать имъ возможность управлять рынкомъ, какъ тресты или большіе магазины. Полуголодный, обремененный долгами фермеръ западныхъ штатовъ очень часто употребляетъ почти такія же орудія, какъ и крупный фермеръ въ той же мѣстности, и хотя чудовищныя комбинаціи земледѣльческихъ орудій, которыя употребляются въ Калифорніи, могутъ оказаться въ ближайшемъ будущемъ весьма опасными для него, въ настоящее время онѣ вредятъ ему очень мало. Обыкновенный фермеръ въ настоящее время производитъ во много разъ больше, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ – этого заключенія мы не можемъ избѣжать.

Вопросъ, который теперь предстоитъ разрѣшить, заключается не въ томъ, какимъ образомъ фермеръ можетъ увеличить или удержать за собой свой доходъ, какъ капиталистъ, - потому что онъ не имѣетъ такого дохода,—а въ томъ, какимъ образомъ онъ, какъ работникъ, можетъ удержать за собой все, что онъ производитъ. Въ этомъ отношеніи вся разница между владѣльцемъ фермы и арендаторомъ заключается въ томъ, что послѣдній эксплуатируется немного больше; ни одинъ изъ нихъ не получаетъ всего, что онъ произ-

водитъ, не говоря уже о томъ, чтобы получать сколько-нибудь, какъ капиталистъ или управляющій. Владѣніе землей ничего не значитъ и не даетъ никакихъ преимуществъ, развѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда фермеръ производитъ для потребленія, а такой видъ производства въ сельскомъ хозяйствѣ безвозвратно исчезъ.

Если фермеръ въ настоящее время не получаетъ всѣхъ тѣхъ богатствъ, которыя онъ создаетъ,—является важный вопросъ—кто получаетъ эти богатства? Во времена піонеровъ-поселенцевъ, если фермеръ имѣлъ лучшій плугъ или топоръ, онъ могъ расчистить большій участокъ земли, посѣять больше зерна, и могъ имѣть болѣе обильную пищу и лучшую одежду въ слѣдующемъ году. Какимъ же образомъ случилось, что усовершенствованный плугъ, автоматическая сноповязалка и паровая молотилка, увеличивъ количество продукта фермера, почти не увеличили его дохода и его комфорта? Постараемся узнать, какими именно перемѣнами въ экономическомъ положеніи фермера можно будетъ объяснить это явленіе. Мы видѣли, что производство для потребленія превратилось въ производство для обмѣна — для рынка. Въ то же самое время, мы видѣли, что общій процессъ производства распался на множество отдѣльныхъ процессовъ, и многіе изъ этихъ процессовъ происходятъ вдали отъ фермы, внѣ надзора фермера.

Постараемся объяснить это подробнѣй. Профессоръ Колумбійскаго университета J. B. Clark, указалъ, что процессъ производства заключается въ прибавленіи различныхъ „полезностей“ къ частицамъ земельной коры [1]). Эти полезности суть факторы „времени, мѣста и формы“, и производство извѣстнаго продукта нельзя считать законченнымъ до тѣхъ поръ, пока этотъ продуктъ, въ надлежащей формѣ, не находится въ надлежащемъ мѣстѣ въ то время, когда онъ нуженъ для удовлетворенія человѣческой потребности. При прежней системѣ производства для потребленія, всѣ эти „полезности“ уже были прибавлены, когда хлѣбъ былъ сжатъ и убранъ, и, такимъ образомъ, процессъ производства

[1]) J. B. Clark,—The Philosophy of Wealth, p. 25.

былъ законченъ. Но когда началось производство для рынка и когда процессъ производства въ сельскомъ хозяйствѣ раздѣлился, „полезности“ времени и мѣста, а иногда и формы, прибавляются только послѣ цѣлаго ряда сложныхъ индустріальныхъ операцій, уже послѣ того, какъ фермеръ сдѣлалъ съ продуктомъ все, что возможно сдѣлать на фермѣ. Процессъ производства въ значительной степени расширился, и, что всего важнѣе, орудія послѣднихъ стадій производства не принадлежатъ фермеру. Кромѣ того, важное значеніе этихъ факторовъ времени, мѣста и орудій, употребляемыхъ въ послѣднихъ стадіяхъ производства, возрастаетъ съ каждымъ днемъ. По отношенію къ многимъ продуктамъ храненіе и доставка на рынокъ представляютъ болѣе сложный и продолжительный процессъ, чѣмъ обработка или уборка ихъ. Желѣзная дорога, элеваторъ и холодильникъ дѣлаются болѣе важными факторами въ производствѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, чѣмъ плуги, сѣялки или молотилки. Продуктъ не имѣетъ никакой цѣнности до тѣхъ поръ, пока эти „орудія“ не пущены въ ходъ. И точно такъ же, какъ кранъ для подъема груза и желѣзная дорога составляютъ необходимую часть „экипировки“ рудокопа и средство его порабощенія и эксплуатаціи,—такъ эти „орудія“ перевозки и храненія сельскохозяйственныхъ продуктовъ служатъ средствомъ порабощенія и эксплоатаціи фермера. Эти орудія, такъ же какъ подобныя орудія рудокопа, принадлежатъ не производителю цѣнностей, а классу, который ничего не производитъ. Въ силу этого, классъ этотъ имѣетъ возможность построить заставы на всѣхъ путяхъ индустріи и присваивать себѣ извѣстную часть стоимости продукта. Разсмотримъ подробнѣе тѣ способы, при помощи которыхъ онъ получаетъ эту часть.

Владѣльцы фабрикъ и мастерскихъ имѣютъ возможность,—благодаря тому, что владѣютъ этими орудіями производства, — присвоить весь продуктъ наемнаго рабочаго, кромѣ той части, которая необходима для поддержанія жизни. Капиталисты имѣютъ возможность дѣлать это въ силу того факта, что конкурентная система, по самой своей сущности, ведетъ къ возникновенію постоянной арміи безработныхъ; слѣдовательно, рабочіе

него, такъ же какъ и у своихъ рабочихъ, все, за исключеніемъ того, что необходимо для его существованія и продолженія рода производителей, для будущей эксплуатаціи. Поскольку дѣло идетъ объ этомъ условіи, нѣтъ никакой разницы въ томъ, какія машины употребляются и какія усовершенствованія вводятся въ сельскомъ хозяйствѣ. Если это машина, которую можно употреблять только на самой фермѣ, то количество продукта фермера увеличится, и, вслѣдствіе этого, борьба за возможность доставить продукты на ограниченный рынокъ будетъ гораздо напряженнѣе между этимъ фермеромъ и другимъ; слѣдовательно, увеличеніе производства умножаетъ только доходы тѣхъ, которые стоятъ между нимъ и рынкомъ. Если же дѣло идетъ объ улучшеніи въ цѣломъ процессѣ, который можно перенести съ фермы,—этотъ процессъ становится частью фабричной системы, что облегчаетъ дальнѣйшее порабощеніе настоящихъ тружениковъ земли. Всѣ выгоды улучшеній и новыхъ машинъ достанутся на долю тѣхъ, которые управляютъ этими послѣдними и самыми важными процессами производства.

Пока количество земли вообще неизмѣримо больше того количества, которое требуется для производства необходимыхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, то землевладѣніе не связано ни съ какими преимуществами. Пока возможно производить безчисленное множество пилъ и молотковъ, то плотникъ, владѣющій этими инструментами, не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что обладаніе ими доставитъ ему занятіе или дастъ возможность удержать за собой весь продуктъ. Пока необходимыя для него орудія производства и всякія другія орудія, которыя по своему характеру могутъ быть монополизированы небольшой группой капиталистовъ, — не находятся въ его распоряженіи, то онъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ рабомъ тѣхъ, которые владѣютъ этими монополизированными и необходимыми орудіями производства.

Такимъ образомъ, становится вполнѣ очевиднымъ, что способъ эксплуатаціи рабочаго на фабрикѣ, на заводѣ, въ рудникѣ, и способъ эксплуатаціи фермера — одинъ и тотъ же. И тотъ, и другой — представители класса, враждебнаго классу эксплуататоровъ; ни тотъ,

ни другой не владѣютъ главными орудіями производства, которыя такъ необходимы классу производителей. При такихъ условіяхъ оба они должны сражаться рядомъ, въ общей битвѣ за общую свободу. Фермеръ долженъ выступить на политическую арену какъ союзникъ рабочаго, а не капиталиста. Современное общество раздѣлено на двѣ великія арміи, и мѣсто фермера въ одной изъ этихъ армій—рядомъ съ тѣми, которые создаютъ богатства въ рудникахъ, на фабрикахъ и заводахъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Взглядъ на будущее.

ГЛАВА I.

Будущая эволюція.

Американскіе фермеры неоднократно дѣлали попытки облегчить свое тягостное положеніе. Вскорѣ послѣ революціи, давшей Соединеннымъ Штатамъ независимость, фермеры сдѣлали попытку съ оружіемъ въ рукахъ возстать противъ тираническаго господства приморскихъ городовъ и коммерческихъ классовъ. Но даже и въ то время, когда земледѣльческое населеніе было въ подавляющемъ большинствѣ, оно ничего не могло добиться въ борьбѣ противъ городского населенія, которое было гораздо лучше организовано. Съ того времени до начала междоусобной войны не происходило особенно сильныхъ аграрныхъ волненій. Фермерамъ сѣверныхъ штатовъ жилось тогда сравнительно хорошо, благодаря тому факту, что они, по большей части, были піонерами, „завоевывавшими“ новыя, нетронутыя области. Интересы ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, были до нѣкоторой степени сходны съ интересами правящихъ классовъ сѣвера, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ дѣло шло объ отмѣнѣ рабства. Что касается южныхъ фермеровъ, то они или принадлежали къ классу рабовладѣльцевъ-олигарховъ, или же были слишкомъ невѣжественны и угнетены, чтобы самостоятельно думать о чемъ бы то ни было.

Съ уничтоженіемъ рабства Америка вступила на новый путь индустріальнаго развитія. Феодализмъ безвозвратно сошелъ со сцены, и общество вступило

въ капиталистическую стадію развитія. То былъ золотой вѣкъ конкурентной системы въ Америкѣ, а пожалуй, и на всемъ свѣтѣ. Никогда теорія всеобщаго равенства и нигдѣ еще не была такъ близка къ истинѣ. Всякій имѣлъ одинаковую возможность свободно пользоваться благопріятнымъ случаемъ. Люди очень часто и быстро составляли себѣ состоянія, (очень скромныя, конечно, въ сравненіи съ теперешними). На сѣверѣ и западѣ всюду строились желѣзныя дороги, заводы и фабрики. Каждая новая фирма, такъ же какъ и старыя, производила, сколько могла, не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, что станется съ ихъ продуктами, и зная только то, что эти продукты какимъ-то таинственнымъ образомъ должны быть проданы странному покупателю, который назывался „рынкомъ". Но этотъ „рынокъ" состоялъ по большей части изъ людей, которые работали на фабрикахъ и заводахъ и которые производили эти несмѣтныя количества товаровъ, получая за это небольшую часть ихъ, называемую заработной платой и достаточную только для поддержанія жизни. Поэтому-то вдругъ оказалось, что наступило сильное „перепроизводство", и фермеры въ Канзасѣ жгли зерно вмѣсто топлива, въ то время, какъ рудокопы въ Пенсильваніи умирали съ голоду [1]).

Наступила „паника 1873 г." Этотъ періодъ паники ознаменовалъ собой конецъ конкурентной системы, какъ борьбы между отдѣльными лицами; вскорѣ послѣ этой паники доминирующимъ факторомъ въ индустріальной жизни Америки сдѣлалась „корпорація", т. е. акціонерное общество. Въ теченіе пятилѣтняго періода, съ 1880 по 1885 г., было организовано больше корпорацій, чѣмъ за какой-либо пятилѣтній періодъ до или послѣ этого. Начиная съ того времени „свобода конкуренціи" перестала существовать для отдѣльныхъ фирмъ.

Прямымъ результатомъ „труднаго времени" для сельскихъ хозяевъ, наступившаго за періодомъ паники, было такъ называемое „Грэнджерское движеніе". Фермеры, уже начавшіе употреблять усовершенствованныя

---

[1]) О паникахъ см. Энгельса „Socialism Utopian and Scientific", также Jones „Economic Crises" p. 81.

орудія, открыли тотъ фактъ, на который мы указывали въ предыдущей главѣ,—а именно, что весь излишекъ продукта, получаемый благодаря усовершенствованнымъ методамъ производства, поглощался при послѣднихъ стадіяхъ производства, какъ перевозка, храненіе и т. д. Благодаря, въ значительной степени, стараніямъ организаціи, извѣстной подъ названіемъ „Грэнджа“ или „Патроновъ Индустріи“, фермеры были организованы въ большинствѣ сѣверныхъ и западныхъ штатовъ.

Эта организація была основана еще въ 1867 г. шестью чиновниками и садовникомъ въ Вашингтонѣ [1]). Они усердно занимались пропагандой, но не пользовались большимъ успѣхомъ, до тѣхъ поръ, пока вслѣдъ за паникой 1873 г. не наступили „трудныя времена“. „Въ концѣ 1872 г. было организовано около 1900 „Грэнджей“; въ 1873—еще 8,668, а въ 1874—11,941, итого около 22 000 „Грэнджей“, въ каждомъ изъ которыхъ было среднимъ числомъ сорокъ членовъ. Насколько значительно было это движеніе, можно видѣть изъ того, что число масонскихъ ложъ и ложъ „Чудаковъ“ (Odd Fellows [2]) на всемъ свѣтѣ равняется приблизительно 20.000. Кассы Грэнджей были всегда полны. Въ 1873 и 1874 гг. членскіе взносы одного только Національнаго Грэнджа равнялись, по официальнымъ даннымъ, 348.532 долл. [3]).

Дѣятельность Грэнджа была двоякаго рода: во-первыхъ, прямая—т. е. производство и распредѣленіе товаровъ, въ которыхъ нуждался фермеръ, и во-вторыхъ, косвенная—т. е. участіе въ политической борьбѣ съ желѣзнодорожными компаніями. Грэнджеры съ ожесточеніемъ нападали на „посредниковъ“, которыхъ они считали своими злѣйшими врагами. Въ одной изъ книгъ, изданныхъ ими для распространенія своихъ идей и объясненія своихъ цѣлей, есть рисунокъ съ надписью „жизнь посредниковъ“, изображающій роскошно обставленную комнату, гдѣ слуги въ ливреѣ почтительно склоняются предъ богато одѣтыми людьми,

---

[1]) O. H. Kelley. „The History of the Patrons of Husbandry, Chap. I.

[2]) „The Rise and Fall of tue Granger Movement“ Charles W Pierson, Popular Science Monthly, December 1887, p. 200.

[3]) (Организація, сходная масонской.—Прим. перев.)

изображающими вышеупомянутыхъ посредниковъ“ [1]) Грэнджъ старался уничтожить этотъ классъ, покупая всѣ нужные для фермеровъ товары изъ первыхъ рукъ. Въ первое время члены Грэнджа дѣлали крупныя сбереженія, потому что товары покупались въ громадномъ количествѣ, но потомъ купцы догадались, что можно обойтись и безъ посредниковъ и безъ Грэнджа, и продавать товары прямо фермеру. Результатомъ этого было то, что единственнымъ „памятникомъ“ всѣхъ громадныхъ финансовыхъ и коммерческихъ сдѣлокъ Грэнджа, существующимъ еще и донынѣ,—осталась надпись на каталогахъ величайшаго въ мірѣ оптоваго универсальнаго склада (mailorder house): „Первые поставщики Грэнджа“. Попытка Грэнджа фабриковать сельскохозяйственныя машины кончилась позорной неудачей, не оставивъ даже слѣдовъ, но мукомольни, элеваторы, склады для храненія табаку и зерна были устроены повсюду, и въ 1874 г. двѣ трети всѣхъ элеваторовъ штата Іовы принадлежали Грэнджу. Затѣмъ были сдѣланы попытки отправлять товары прямо въ центры Южнаго Грэнджа, и въ 1876 г. Грэнджъ уже владѣлъ пятью пароходными линіями, тридцатью двумя элеваторами и двадцатью двумя складами. Но послѣ паденія Грэнджа въ концѣ семидесятыхъ годовъ остались только общества взаимнаго страхованія - главнымъ образомъ отъ огня,—да кооперативные магазины [2]).

Другой видъ дѣятельности Грэнджа, благодаря которому онъ и пріобрѣлъ свою извѣстность, заключался въ борьбѣ съ желѣзными дорогами. Хотя эта борьба не велась Грэнджемъ, какъ политической организаціей, тѣмъ не менѣе она представляетъ собой одинъ изъ фазисовъ того движенія, которое мы изучаемъ. Фермерамъ удалось пріобрѣсти преобладающее вліяніе въ законодательныхъ собраніяхъ нѣсколькихъ штатовъ—главнымъ образомъ въ Иллинойсѣ и Висконсинѣ,—и они всячески старались облегчить свое положеніе при помощи законовъ произвольно регулировавшихъ же-

[1]) E. W. Martin—„History of the Grange Movement“, p. 303.

[2]) О кооперативныхъ предпріятіяхъ Грэнджа см.—Warner—„Three Phases of Cooperation in the West“, American Economic Association, 1898 p. 11—48, а также Charles W Pierson. „The Outcome of the Granger Movement“. Popular Science Monthly, p. 371.

лѣзнодорожные тарифы и воспрещавшихъ комбинаціи желѣзныхъ дорогъ. Но эти законы рѣзко противорѣчили экономическимъ законамъ, которыхъ Грэнджеры не знали, потому не достигли своей цѣли. Въ концѣ концовъ, когда настоящее Грэнджерское движеніе, давшее первый толчекъ подобному законодательству, почти совсѣмъ прекратилось, все желѣзнодорожное законодательство свелось къ учрежденію пресловутой „Междуштатной Коммерческой Комиссіи“ (Interstate Commerce Commission), съ ея массой канцелярскихъ формальностей, съ безконечными изслѣдованіями, безполезными чиновниками, лживыми статистическими данными и отрицательными результатами.

Тѣмъ временемъ центръ недовольства мало-по-малу перемѣщался, и жалобы стали раздаваться уже изъ западныхъ и юго-западныхъ штатовъ. Обремененные закладными и закабаленные желѣзнодорожными компаніями, фермеры этихъ штатовъ имѣли больше причинъ жаловаться, чѣмъ какой бы то ни было классъ. Недовольство скоро приняло опредѣленную форму: былъ основанъ такъ называемый „Союзъ фермеровъ“, изъ котораго потомъ выросла популистическая („народная“) партія. Исторія роста и упадка этой партіи еще свѣжа въ памяти всѣхъ. Въ 1892 г. эта партія получила больше милліона голосовъ и довольно долгое время пользовалась сильнымъ вліяніемъ въ нѣсколькихъ штатахъ, но, несмотря на это, она не оставила послѣ себя почти никакихъ слѣдовъ и не добилась никакихъ преимуществъ для того класса, представительницей котораго она являлась и изъ котораго, главнымъ образомъ, вербовались ея приверженцы.

Внимательному наблюдателю соціальныхъ явленій, бросается въ глаза, что почти всѣ стремленія этой партіи, шли въ разрѣзъ съ направленіемъ соціальнаго прогресса. Они стремились обуздать и связать желѣзныя дороги и отнять у нихъ возможность дѣлать зло, вмѣсто того, чтобы стараться укрѣпить ихъ силу и воспользоваться ею для своего собственнаго блага. Они поступали точь въ точь, какъ фермеръ, который хотѣлъ бы укротить сильнаго непокорнаго коня и для этого началъ бы морить его голодомъ, заваливать его непосильной работой и привязывать его, вмѣсто того, чтобы

стараться подчинить его себѣ съ помощью человѣческаго ума и употребить его силу для своего собственнаго блага. Посредствомъ цѣлаго ряда фантастическихъ плановъ, отъ свободной чеканки серебра до законодательства противъ трестовъ,—популисты старались остановить могучій потокъ концентраціи и сохранить опустошительную систему конкуренціи, руководствуясь, очевидно, тѣмъ соображеніемъ, что фермеру легче будетъ справиться съ множествомъ мелкихъ воровъ, чѣмъ съ однимъ сильнымъ разбойникомъ. Они, очевидно, не считали возможнымъ или желательнымъ уничтоженіе всего класса воровъ [1]).

Чаще всего со стороны популистовъ раздавалось требованіе „дешевыхъ денегъ". Съ самаго основанія американскихъ колоній классъ піонеровъ-фермеровъ—классъ должниковъ, задыхавшійся въ тискахъ кредиторовъ—городскихъ капиталистовъ, искалъ спасенія въ уменьшеніи цѣнности денежной единицы. Бумажныя деньги, основаніе спекулятивныхъ банковъ, гринбэки (ассигнаціи) и проповѣдь свободнаго серебра—все это были различныя фазы одного движенія [2]) и все это только доказывало, что „дешевыя деньги"—средство совершенно безполезное для облегченія положенія эксплуатируемаго класса. Уменьшеніе цѣнности денежной единицы можетъ только облегчить положеніе отдѣльныхъ должниковъ, которымъ приходится платить

---

[1]) Несмотря на все это, фермерское движеніе не могло совсѣмъ избѣжать вліянія соціалистической философіи, и многіе пункты программы этого движенія были взяты изъ соціалистическихъ источниковъ. По этому поводу не безынтересно будетъ привести цитату изъ отчета, присланнаго въ газету «People» (12 апр. 1891 г.) Д. Де-Леономъ, который въ то время былъ организаторомъ «Соціалистической Рабочей Партіи». Онъ пишетъ слѣдующее изъ Дулута (штатъ Миннесота): «Вчера здѣсь была сформирована американская секція С.-Р.-П.; члены ея въ то же самое время состоятъ городскими членами «Союза фермеровъ». Американцы и уроженцы Скандинавіи, фабричный и земледѣльческій элементъ соединились въ одно политическое цѣлое; эти группы зависятъ другъ отъ друга, могутъ кое-чему научить другъ друга, и у обѣихъ—одна и та же цѣль. Если, какъ мнѣ передавали, фермеры Канзаса ушли гораздо дальше, чѣмъ ихъ собратья въ Миннесотѣ, то первые, вѣроятно, стоятъ на самомъ порогѣ соціализма, а послѣдніе, между которыми не мало соціалистовъ, стоятъ уже недалеко отъ этого порога.

[2]) Bullock „Monetary History of United States, part I.

свои долги въ то время, когда происходитъ это уменьшеніе цѣнности. Но эксплуатація отъ этого ничуть не уменьшается, и такъ какъ классъ кредиторовъ—капиталистическій классъ—представляетъ собой доминирующую силу въ современномъ строѣ, то они имѣютъ возможность сдѣлать условія слѣдующихъ займовъ еще болѣе тяжелыми для должниковъ. Цѣлое столѣтіе американскіе фермеры гнались по капиталистическому болоту за этимъ блуждающимъ огонькомъ—за „дешевыми деньгами“—и этотъ огонекъ только заводилъ ихъ все дальше и глубже въ ту самую тину, изъ которой они стремились выбраться. Нѣтъ надобности долго останавливаться на этомъ пунктѣ, потому что „денежный вопросъ“—въ формѣ требованія обезцѣненія средства обмѣна,—врядъ ли сдѣлается когда-нибудь важнымъ національнымъ вопросомъ. Профессоръ Чарльзъ Буллокъ, вѣроятно, вполнѣ правъ, суммируя слѣдующимъ образомъ факты въ своей книгѣ—„Исторія денежныхъ системъ Соединенныхъ Штатовъ“: „Если до сихъ поръ недостатокъ капитала въ мѣстностяхъ съ рѣдкимъ населеніемъ служилъ главной причиной настоятельныхъ требованій натуральныхъ средствъ обмѣна, бумажныхъ денегъ, и падающей въ цѣнѣ металлической валюты, то съ ростомъ населенія и богатствъ и развитіемъ различныхъ отраслей индустріи въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя теперь являются средоточіемъ партіи „свободной чеканки серебра“,—это движеніе должно постепенно заглохнуть. Въ сѣверо-атлантическихъ штатахъ это движеніе уже давно заглохло, и за послѣдніе двадцать пять лѣтъ удалось искоренить его въ штатахъ верхней долины Миссисипи; съ каждымъ десятилѣтіемъ все усиливается стремленіе устранить причины, поддерживающія движеніе въ пользу серебряной валюты на крайнемъ Югѣ и Западѣ. ...Въ періоды крайняго индустріальнаго застоя, въ особенности въ періоды бѣдствій и недовольства среди земледѣльческихъ классовъ, это старое „цѣлебное средство“ будетъ снова выдвигаться впередъ, и снова долгое время будутъ раздаваться требованія: „больше денегъ“. Но безъ великаго индустріальнаго катаклизма область, гдѣ агитація за дешевыя деньги мо-

жетъ найти поддержку, должна будетъ постепенно суживаться" [1]).

Профессоръ не видитъ только одного: что во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ прямая эксплуатація фермера на поприщѣ индустріи вытѣснила косвенную эксплуатацію при помощи займовъ, и что поэтому форма сопротивленія должна будетъ измѣниться. Фабричные рабочіе никогда особенно живо не интересовались вопросомъ объ обезцѣненіи монетной единицы, потому что не принадлежали ни къ классу должниковъ, ни къ классу кредиторовъ. Ихъ такъ „чисто" эксплуатировали, что они не имѣли никакой возможности надѣлать значительныхъ долговъ, и поэтому-то среди нихъ всегда замѣчалось стремленіе обратить свои силы на борьбу противъ всей системы эксплуатаціи и, при помощи тредъ-юніоновъ или политической дѣятельности, добиваться немедленнаго увеличенія ихъ части продукта или окончательнаго уничтоженія эксплуатаціи.

Но грэнджерское и популистическое движенія имѣли еще и другую сторону дѣятельности, состоявшую въ борьбѣ противъ корпорацій и трестовъ. Американскіе фермеры всегда старались ослабить или уничтожить концентрацію капитала. Во всѣхъ формахъ жизни существуетъ законъ, что напрасная, непроизводительная трата энергіи не можетъ продолжаться всегда и что сохраняются только тѣ формы жизни, гдѣ эта напрасная трата энергіи уничтожена. Этотъ процессъ часто бываетъ очень медленный и трудный, и иногда можетъ показаться, что природа слишкомъ безразсудно разбрасываетъ свои дары. Но природа одна, безъ всякой помощи, дѣйствуетъ очень медленно, но неуклонно—какъ въ области біологіи, такъ и въ области соціологіи,—и разъ извѣстная форма жизни, при которой происходила безполезная трата энергіи, уступила мѣсто другому организму или методу, который достигаетъ тѣхъ же результатовъ при меньшей тратѣ энергіи,—эта старая форма осуждена на гибель. Тресты для всей индустріи то же самое, что машина для отдѣльной фабрики—средство сбереженія времени и силъ; слѣдовательно, они обладаютъ живучестью, и вопросъ заключается не

[1]) The Monetary History of the United Stales p. 120—1.

въ томъ, какъ ихъ уничтожить, а въ томъ, какъ ими лучше пользоваться. Такъ же, какъ паника 1873 г. ознаменовала собой исчезновеніе индивидуальности, какъ единицы американской индустріи,—такъ паника 1894—1895 гг. ознаменовала собой исчезновеніе самой конкуренціи, какъ руководящей силы американской индустріи. Это произошло благодаря тому, что индустріальной единицей вмѣсто корпораціи явился трестъ, а руководящей силой вмѣсто конкуренціи явилась монополія. Это факты съ которыми слѣдуетъ считаться, а не теоріи, которыя можно опровергнуть.

Съ извѣстной точки зрѣнія фермера нельзя осуждать за его борьбу противъ прогресса. Онъ меньше другихъ классовъ пользовался преимуществами этого прогресса. Увеличеніе производительныхъ силъ, явившееся результатомъ лучшей индустріальной организаціи и употребленія машинъ, не принесло почти никакой пользы отдѣльному производителю на фермѣ—такъ же какъ и въ мастерской —и даже вся сельскохозяйственная индустрія вообще представляетъ собой какую-то „запоздавшую индустрію“, такъ же какъ „потогонныя“ работы въ большихъ городахъ или домашняя работа [1]). Мы видѣли, какъ обширны были усовершенствованія въ сельскохозяйственныхъ машинахъ и какія удивительныя перемѣны произошли вслѣдствіе употребленія этихъ машинъ. Но если многое уже было сдѣлано, то остается сдѣлать еще гораздо больше. Стоитъ только ознакомиться съ статистикой сельскаго хозяйства въ Америкѣ, чтобы убѣдиться, что очень небольшая часть фермъ могла воспользоваться плодами этого техническаго прогресса. Во-первыхъ, многія наиболѣе выгодныя машины можно употреблять только на самыхъ обширныхъ фермахъ, съ гладкой и ровной поверхностью. Процентъ фермъ, употребляющихъ автоматическія сноповязалки и двухколесные плуги, очень малъ; мы уже не говоримъ о паровомъ плугѣ или жнеѣ-молотилкѣ, цѣлесообразность которыхъ представляетъ еще спорный вопросъ. Фактъ, что въ 1900 году было произведено 25.000 жатвенныхъ машинъ старой конструкціи, ясно указываетъ на устарѣвшіе

1) Jane Addams (The journal ot sociology, Vol I p. 536.)

методы уборки хлѣба, употребляемые фермерами [1]). Какъ это ни странно, въ особенности послѣ всѣхъ удивительныхъ перемѣнъ, на которыя мы указывали въ одной изъ предыдущихъ главъ,—но нѣтъ ни одной отрасли индустріи, гдѣ результаты техническаго прогресса примѣнялись бы такъ рѣдко, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ. „Отношеніе стоимости сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ къ стоимости земельной собственности фермы въ 1850 г. было нѣсколько выше, чѣмъ въ послѣдующіе переписные годы, но съ 1860 г. почти не измѣнилось; въ 1860 году оно равнялось 4,6%, въ 1870 г.—3,6%, въ 1880 г.—4% и въ 1890 г.—3,7% [2]). Это значитъ, что, несмотря на радикальныя перемѣны въ методахъ производства и машинахъ, необходимыхъ для болѣе экономнаго веденія дѣлъ въ сельскомъ хозяйствѣ, часть дохода, затраченная фермеромъ на покупку такихъ машинъ, осталась все время одинаковой. Если мы возьмемъ абсолютныя цифры, результатъ будетъ тотъ же самый. Стоимость орудій каждой фермы, среднимъ числомъ, равнялась 111 дол. въ 1870 г., 101 дол. въ 1880 г. и 108 дол. въ 1890 г. [3]): въ 1900 г., когда въ число „орудій“ были впервые включены повозки и другіе экипажи, эта сумма равнялась всего 133 долл. Это нѣсколько больше. чѣмъ цѣна автоматической сноповязалки или усовершенствованнаго плуга, и, конечно, слишкомъ мало даже для маленькой фермы. Все вышеизложенное ярко иллюстрируетъ тотъ фактъ, что большая часть фермеровъ вынуждена обрабатывать землю самымъ примитивнымъ способомъ, и, кстати, даетъ нѣкоторое понятіе о тѣхъ безчисленныхъ выгодахъ возможнаго увеличенія производства въ сельскомъ хозяйствѣ, если бы вся земля обрабатывалась по усовершенствованнымъ методамъ [4]).

---

[1]) Iear Book of Department of Agriculture, 1897. George K. Holmes «Agricultural production and priees» p. 590

[2]) Ibid, p. 589.

[3]) Ibid, p. 589.

[4]) См. перепись 1890 г. (Statistics of Agriculture, Vol 5, part 10, page 41). «Несмотря на необычайный ростъ маслобоенъ и сыроваренъ, приготовленіе масла на фермахъ увеличилось въ большей пропорціи, чѣмъ населеніе. По даннымъ переписи 1850 г. оказалось, что въ 1849 г. на фермахъ было приготовлено 313.845.306 фунтовъ

Мы уже отмѣтили одну изъ причинъ, объясняющихъ, почему фермеръ тратитъ такъ мало на машины. Во многихъ случаяхъ фермеръ просто не имѣетъ возможности пріобрѣсти усовершенствованныя орудія: сепараторъ для сливокъ, автоматическая маслобойка, паровая машина для очистки хлопка отъ сѣмянъ, машины для приготовленія сыру, такъ же какъ и новѣйшія усовершенствованія для перевозки и храненія продуктовъ, не принадлежатъ больше отдѣльнымъ производителямъ. Укажемъ кстати и на то, что въ большинствѣ южныхъ и западныхъ штатовъ даже многія другія орудія принадлежатъ фермеру только номинально. Машины продаются въ кредитъ, подъ векселя, по которымъ взимаются такіе большіе проценты, что фермеръ всегда въ долгу у купца, до тѣхъ поръ, пока машина становится старой и негодной, и тогда ему снова приходится подписывать документы, отдающіе его въ рабство купцу, чтобы получить другую машину.

Но въ большинствѣ случаевъ фермеръ не имѣетъ абсолютно никакой возможности пользоваться усовершенствованными методами, и для того, чтобы возмѣстить этотъ недостатокъ, онъ долженъ работать тяжелѣе и дольше и жить бѣднѣе. Машины распространены въ достаточномъ количествѣ для того, чтобы владѣльцы ихъ могли устанавливать цѣны, а продукты фермы безъ машинъ должны быть проданы по той же самой цѣнѣ, какъ и продукты той фермы, гдѣ употребляются самые новѣйшіе методы производства.

Фермеръ и въ другихъ отношеніяхъ лишенъ возможности пользоваться плодами техническаго и соціальнаго прогресса; всѣ лучшіе плоды прогресса въ настоящее время сосредоточены въ большихъ городахъ. Въ такое время, когда все человѣчество находится въ такомъ тѣсномъ общеніи, о которомъ никто даже не

масла, т. е. по 13,51 ф. на каждаго жителя. По переписи 1870 г. оказалось, что въ 1869 г. было приготовлено 514,092.683 фунт. или, среднимъ числомъ, по 13,33 ф. на жителя; въ 1879 г. количество масла, приготовленнаго на фермахъ, равнялось 15,5 ф. на каждаго жителя; а согласно переписи 1890 г., производство масла на фермахъ равнялось 16,36 ф. на жителя". За десять лѣтъ, съ 1890 г. по 1900 г., производство масла на фермахъ увеличилось на 4,6%, а на фабрикахъ—131,7%.

могъ мечтать въ прежніе вѣка, фермеръ живетъ изолированно. Онъ читаетъ о великихъ соціальныхъ перемѣнахъ, которыя совершаются кругомъ, о подвигахъ людей, объ ихъ рѣчахъ и поступкахъ, но самъ онъ не можетъ принять активнаго участія въ этой жизни. Его изолированность отъ сосѣдей и долгій рабочій день исключаютъ всякую возможность постояннаго общенія съ людьми. Тѣ исключительные случаи, когда фермеръ имѣетъ въ своемъ распоряженіи телефонъ и другія новѣйшія удобства, такъ рѣдки, что только подчеркиваютъ отсутствіе этихъ удобствъ въ жизни большинства.

Итакъ, если фермеръ не могъ извлечь такихъ прямыхъ выгодъ изъ экономическаго прогресса, какъ другіе классы, если этотъ прогрессъ не коснулся его въ такой же степени, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ иногда старался воздвигать препятствія на пути прогресса, вмѣсто того, чтобы изучить его законы и направленіе и обратить ихъ на свою пользу. Въ этомъ отношеніи онъ ничутъ не хуже другихъ, которые живутъ въ большихъ городахъ и имѣютъ большую возможность наблюдать ходъ соціальнаго прогресса.

Прежде чѣмъ приступить къ анализу законовъ и направленія соціальной эволюціи и индустріальнаго развитія, укажемъ еще на одну безполезную попытку фермеровъ облегчить свое положеніе, которая заслуживаетъ нашего вниманія. Всѣ ихъ попытки до сихъ поръ были чисто фермерскія движенія. Правда, „Союзъ фермеровъ“ старался присоединиться къ „Рыцарямъ труда“, а популисты старались заручиться содѣйствіемъ городскихъ рабочихъ, но все это были попытки упрочить за собой помощь наемныхъ рабочихъ для блага однихъ только фермеровъ. Если въ программахъ этихъ политическихъ партій и были какіе либо пункты, касавшіеся рабочихъ,—это были только уступки городскимъ рабочимъ, а иногда просто приманки, съ помощью которыхъ можно было ввести рабочихъ въ заблужденіе и заставить ихъ вытаскивать для фермеровъ каштаны изъ огня [1]). Въ самомъ лучшемъ случаѣ

[1]) Frank L. Mac Vey—„The Populist Movement“ (Economic Studies of American. Economic Association, August 1896, p 148) „Признаніе настоящихъ законовъ, касающихся контрактовъ и

это была просто-напросто строго разсчитанная и уравновѣшенная система, съ помощью которой всякій пунктъ, касавшійся рабочихъ, вставлялся въ политическую платформу только съ тѣмъ условіемъ, что они будутъ поддерживать другой пунктъ, касавшійся улучшенія быта фермеровъ. Ни въ какомъ случаѣ не было сдѣлано попытки найти общіе интересы, выработать общій опредѣленный планъ, всѣ пункты котораго затрогивали бы интересы фабричныхъ рабочихъ и фермеровъ.

Укажемъ здѣсь на одинъ фактъ, который слѣдуетъ признать неоспоримымъ, а именно, что всякое движеніе, стремящееся облегчить жизнь фермера, всякая попытка облегчить его положеніе и дать ему возможность пользоваться благами соціальнаго прогресса — могутъ быть успѣшны только тогда, если будутъ касаться не одного только класса фермеровъ. Это особенно вѣрно въ томъ случаѣ, когда приходится добиваться этихъ улучшеній при помощи баллота. Даже если бъ было возможно убѣдить всѣхъ людей, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, дѣйствовать сообща, то численность ихъ равнялась бы всего 40% мужского населенія страны. Кромѣ того, относительное значеніе деревенскаго населенія при конкурентной системѣ съ каждымъ годомъ уменьшается, какъ видно изъ слѣдующей таблицы, указывающей на процентъ городского населенія со времени основанія Соединенныхъ Штатовъ, при чемъ принимаются въ расчетъ города съ населеніемъ свыше 8.000.

иммиграціи, непригодными и требованія уничтоженія этихъ законовъ—это, безъ сомнѣнія, были уступки рабочимъ союзамъ, делегаты которыхъ присутствовали на конвенціи. Вполнѣ естественно, что фермеръ ничего не имѣетъ противъ иммиграціи, потому что онъ самъ работодатель, а наплывъ иммигрантовъ въ рѣдко заселенныя и глухія Юга и Запада даетъ ему возможность скорѣе убирать хлѣбъ и расширять свои дѣла .. Фермерскій элементъ выступилъ также противъ пункта, устанавливающаго восьмичасовой рабочій день для рабочаго, въ то время, какъ фермеръ бываетъ вынужденъ работать отъ десяти до шестнадцати часовъ. Но для того, чтобы расположить въ свою пользу рабочій элементъ, рѣшено было принять пунктъ, устанавливающій восьмичасовой рабочій день".

Городское и деревенское населеніе.

Годы.	Городское населеніе.	Деревенск. населеніе.	% городск. населенія.
1790 . . .	131.472	3.797.742	3.35
1800 . . .	210.873	5.09 .610	3.97
1810 . . .	356.720	6.882.961	4.93
1820 . . .	475.135	9.158.687	4.93
1830 . . .	864.509	12.001.511	6.72
1840 . . .	1.453.994	15.615.459	8.52
1850 . . .	2.897.586	20.294.290	12.49
1860 . . .	5.072.256	26.371.065	16.13
1870 . . .	8.071.875	30.486.496	20.93
1880 . . .	11.318.547	38.837.236	22.57
1890 . . .	18.284.385	44.337.865	29.20
1900 . . .	24.992.199	50.475.840	33.12

Въ связи съ этимъ слѣдуетъ помнить, что современные городскіе жители имѣютъ въ своемъ исключительномъ распоряженіи главный способъ распространенія извѣстій — прессу, и, въ значительной степени, всѣ образовательныя учрежденія. Они представляютъ собой доминирующую силу въ современномъ обществѣ, потому что владѣютъ всѣмъ, что необходимо въ современной жизни.

Съ каждымъ днемъ продукты индустріальныхъ центровъ пріобрѣтаютъ все большее и большее значеніе въ жизни общества. Въ 1860 г. сумма вывоза сельскохозяйственныхъ продуктовъ равнялась 256.560.972 дол. и составляла 81.13% общей суммы вывоза; въ 1900 г. вывозъ ихъ понизился до 60.98% общей суммы вывоза, потому что ихъ стали вытѣснять фабричные товары, сумма вывоза которыхъ въ 1860 г. равнялась всего 40.345.892 дол. или 12.76% общей суммы вывоза, а въ 1900 г. достигла 433.851.756 долл. или 31.65%, при чемъ это возрастаніе было особенно замѣтно въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ [1]). Съ тѣхъ поръ это движеніе увеличивается все быстрѣе и быстрѣе. И особенно многозначительно то, что производство фабричныхъ то-

[1]) Statistical Abstract of the United States for 1900, p. 187.

варовъ, которые играютъ такую важную роль въ нашей экономической жизни, находится подъ контролемъ небольшой группы населенія, которая, въ силу этого, имѣетъ возможность подчинить своему вліянію правительство и всю общественную жизнь.

Мы располагаемъ теперь достаточнымъ матеріаломъ, чтобы попытаться рѣшить, каковъ долженъ быть характеръ и направленіе движенія, стремящагося облегчить участь фермера. Прежде всего, было бы неразумно, и безполезно дѣлать какія-либо попытки къ достиженію этой цѣли, которыя идутъ въ разрѣзъ съ направленіемъ соціальнаго развитія, съ которымъ мы теперь уже достаточно знакомы. Съ каждымъ днемъ употребленіе машинъ все больше и больше распространяется; человѣческій трудъ во всѣхъ его видахъ становится болѣе и болѣе продуктивнымъ, и, въ то-же самое время, процессы производства становятся болѣе и болѣе сложными, т. е. отдѣльный производитель, работающій самостоятельно, не имѣетъ почти никакой возможности произвести что нибудь для рынка. Деревенская кузница уступила мѣсто большому машиностроительному заводу. Въ прежнія времена вся работа по приготовленію мяса для кухни исполнялась однимъ мясникомъ: въ настоящее время для этой цѣли требуется совмѣстная работа тысячъ людей, на фермѣ, на желѣзной дорогѣ, на скотопригонномъ дворѣ, на бойнѣ и въ холодильникѣ, снова на желѣзной дорогѣ, пока продуктъ возвращается, быть можетъ, въ ту самую деревню, откуда было взято животное. Ни одинъ изъ этихъ людей не въ состояніи былъ бы исполнить этой работы безъ посторонней помощи Для производства каждой отдѣльной вещи приходится пускать въ ходъ всю сложную кооперативную систему соціальной организаціи, и съ каждымъ днемъ система эта становится болѣе сложной и взаимная зависимость все болѣе тѣсной. Причину этого нетрудно найти: благодаря спеціализаціи каждаго работника въ извѣстной части работы и объединенію общей энергіи для достиженія одной и той же цѣли, продуктивная сила каждаго въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ въ значительной степени увеличивается. Всякая непроизводительная трата энергіи исчезаетъ, время выигрывается, и трудъ вообще

становится болѣе производительнымъ. Очевидно, что всякія попытки соціальныхъ реформъ, противорѣчащія этой тенденціи, будутъ безплодны. Задача тѣхъ, кто желаетъ улучшить настоящія условія жизни, состоитъ не въ томъ, чтобы уничтожить эту сложную соціальную организацію, не въ томъ даже, чтобы упростить ее, а въ томъ, чтобы дать возможность всѣмъ работникамъ пользоваться благами этой новой и удивительно выгодной системы совмѣстной, дружной работы.

Съ этой точки зрѣнія современная тенденція къ организаціи трестовъ представляетъ собой только дальнѣйшій шагъ къ усовершенствованію производства и устраненію всякой безполезной траты. При конкурентной системѣ требуется множество одинаковыхъ заводовъ или фабрикъ и повтореніе одного и того же процесса; производство не регулируется, и человѣческая энергія, естественныя богатства и механическая сила тратятся самымъ безразсуднымъ и нерасчетливымъ образомъ, благодаря стараніямъ продавать товары одной, а не другой фирмы. Трестъ вноситъ порядокъ въ этотъ хаосъ, употребляя всѣ силы для того, чтобы ввести наиболѣе экономный способъ производства, и не дѣлая никакихъ безполезныхъ тратъ для того, чтобы заставить потребителя покупать его товары, вмѣсто товаровъ его конкурента, ибо, когда организація треста закончена — конкурентовъ больше не существуетъ. Что касается злоупотребленій трестовъ, то они такъ явны и извѣстны, что о нихъ не приходится даже упоминать здѣсь; всякій знаетъ, что въ рукахъ ихъ теперешнихъ владѣльцевъ они обращаются въ орудіе порабощенія и эксплуатаціи всѣхъ созидателей богатствъ. Но не слѣдуетъ забывать, что переходъ отъ системы конкуренціи къ системѣ трестовъ въ индустріи представляетъ громадный шагъ впередъ на пути общественнаго развитія, и всякія попытки противиться этому движенію, всякое стремленіе вернуться „назадъ“ къ конкуренціи будутъ тщетны и гибельны. Дѣло идетъ не о томъ, какъ уничтожить тресты, а о томъ, какъ ими пользоваться. Намъ предстоитъ разрѣшить вопросъ о томъ, какъ сохранить всѣ выгодныя стороны концентрированнаго, направленнаго къ общей цѣли механическаго производства, и въ то же самое время дать

возможность всѣмъ производителямъ пользоваться всѣми благами подобной системы усовершенствованнаго производства; слѣдуетъ найти какой нибудь способъ, благодаря которому всѣ участвующіе въ этомъ процессѣ производства могли бы получить весь продуктъ, количество котораго за послѣднее время такъ увеличилось.

Уяснивъ себѣ направленіе соціальной эволюціи, мы должны допустить, что если общество хочетъ принять какія-либо активныя мѣры для того, чтобы способствовать извѣстному соціальному движенію,—всѣ производители цѣнностей должны соединиться въ одну группу. Тѣ люди, которые въ настоящее время пользуются всѣми благами усовершенствованныхъ методовъ производства безъ всякихъ усилій съ своей стороны, не выказываютъ особенной готовности отказаться отъ своего привилегированнаго положенія. Въ ихъ рукахъ находится государственный механизмъ; они подчинили своей власти прессу, трибуну и всѣ другіе факторы, создающіе „общественное мнѣніе“; они занимаютъ господствующее положеніе въ нашей политической и соціальной жизни; крупныя политическія партіи, со всей ихъ сложной и запутанной системой для управленія волей народа, суть не что иное, какъ маріонетки въ рукахъ тѣхъ, которые распоряжаются нашими экономическими условіями. Политическимъ партіямъ вмѣняется въ обязанность раздѣлять рабочій классъ на враждебныя группы и сѣять между ними раздоры изъ-за ничего не значущихъ „вопросовъ“ для того, чтобы отвлечь ихъ вниманіе отъ единственно важнаго вопроса—объ эксплуатаціи производителей. Классъ эксплуататоровъ имѣетъ на своей сторонѣ унаслѣдованныя традиціи, уваженіе къ освященнымъ временемъ учрежденіямъ, преклоненіе предъ извѣстными политическими и соціальными формами, и все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ могучій оплотъ противъ всѣхъ тѣхъ, кто борется противъ экономическихъ привилегій за благо производителей цѣнностей.

Противъ этихъ земныхъ силъ консерватизма, привилегіи и эксплуатаціи должны выступить въ боевомъ порядкѣ всѣ тѣ, чей трудъ способствовалъ созиданію богатствъ, ибо всѣ эти люди образуютъ армію эксплуа-

тируемыхъ, и всѣ они должны стремиться къ уничтоженію эксплуатаціи. Въ этой борьбѣ фермеръ и фабричный рабочій должны бороться за общее дѣло; всякая другая комбинація, всякое подраздѣленіе рядовъ работниковъ должны непремѣнно помѣшать успѣху. Въ странѣ, гдѣ важнѣйшія перемѣны въ государственной жизни совершаются при помощи баллота, нельзя ничего добиться безъ дружнаго содѣйствія всѣхъ группъ работниковъ.

Какъ мы уже видѣли, число всѣхъ рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ, въ торговыхъ учрежденіяхъ, въ горнозаводскомъ дѣлѣ и другихъ отрасляхъ индустріи, равняется всего 25% вотирующаго населенія; число людей, занятыхъ въ сельскохозяйственной индустріи, равняется 40% вотирующаго населенія. Очевидно, что ни одна изъ этихъ группъ въ отдѣльности не въ состояніи будетъ добиться чего-нибудь, и что имъ нужны всѣ соединенныя силы, которыя имѣются въ ихъ распоряженіи, для того, чтобъ достигнуть своей цѣли. Если вспомнить, что большой процентъ работниковъ въ обѣихъ группахъ будетъ всегда пассивнымъ зрителемъ или даже открытымъ врагомъ своихъ собственныхъ интересовъ, то станетъ вполнѣ ясно, что всѣ труженики на землѣ или въ фабрикѣ должны не только имѣть общую программу, но должны еще при подачѣ голосовъ заручиться содѣйствіемъ другихъ группъ тружениковъ. Всякій расколъ въ средѣ работниковъ сдѣлаетъ всѣ ихъ усилія улучшить свое положеніе безплодными и безполезными.

Указанія фермеровъ на то, что они болѣе независимы и самостоятельны, чѣмъ городскіе рабочіе, не приносятъ никакой пользы, а скорѣе вредятъ дѣлу; этотъ фактъ доказываетъ только, что они находятся на низшей степени экономическаго развитія, потому что направленіе соціальной эволюціи стремится создать все большую взаимную зависимость. Кромѣ того, мы уже видѣли, что зависимость фермера отъ городского населенія увеличивается съ каждымъ днемъ. Съ каждымъ годомъ городъ все больше растетъ на счетъ деревни, а ея богатство, знанія, культура и могущество пропорціонально все уменьшаются. Когда фермеръ говоритъ о независимой отъ города жизни, онъ просто-напросто пропо-

вѣдуетъ возвращеніе къ болѣе примитивнымъ формамъ жизни.

Съ другой стороны, лучшая организація городскихъ рабочихъ, которой они обязаны своему положенію въ болѣе концентрированной индустріи, среди высшихъ формъ капитализма, вовсе не доказываетъ, что они вполнѣ независимы отъ деревенскихъ работниковъ. До тѣхъ поръ, пока классъ рабочихъ не сдѣлается настолько многочисленнымъ, чтобы побѣдить, онъ будетъ совершенно безпомощенъ, потому что меньшинство, даже очень большое, не можетъ пользоваться никакимъ вліяніемъ. Что интересы фермера, и городского рабочаго совершенно одинаковы, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о сопротивленіи классу эксплуататоровъ— казалось бы, фактъ вполнѣ очевидный и не требующій доказательства, если бы не то обстоятельство, что обѣ стороны долго и упорно отказывались видѣть этотъ общій интересъ. Среди фермеровъ въ большомъ употребленіе фраза, что фермеръ такой же владѣлецъ своей фермы, какъ городской рабочій.—владѣлецъ своего „мѣста". Средній фермеръ посмѣялся бы надъ всякимъ, кто сказалъ бы ему, что онъ долженъ получать проценты съ капитала, вложеннаго въ орудія и улучшенія на фермѣ, однако же при всѣхъ своихъ прежнихъ попыткахъ улучшить свое положеніе, онъ выступалъ съ точки зрѣнія капиталиста [1]). Всѣ усилія фермеровъ

---

[1]) Профессоръ Т. Вебленъ въ своей статьѣ. Industrial and Pecuniary Emplvyrueuls (Proceeding of Jhcrtecnth Annual Meeting of Economic Associatuy p. 232) говоритъ: „Собственность или владѣніе не кажется неизбѣжнымъ или естественнымъ соціалисту. Но критикъ соціализма считаетъ собственность абсолютно необходимой. Сравните соціалиста въ этомъ отношеніи съ другими классами, которыхъ страданія или чувство недовольства (все равно, обоснованное или нѣтъ) заставили критиковать современный строй или требовать радикальныхъ экономическихъ мѣръ, какъ напр., американскіе фермеры съ ихъ движеніями, какъ грэнджерство, популизмъ и т. д. Но жалобы и заявленія были достаточно крикливы, и за ихъ требованія перераспредѣленія богатствъ ихъ обвиняли въ соціализмѣ. Но они не признавали справедливости этого обвиненія: и дѣйствительно слѣдуетъ отмѣтить, что ихъ требованія съ строгой послѣдовательностью направлены были къ возстановленію права собственности, согласно какому-нибудь новому процессу распредѣленія. Эти требованія всегда предъявлялись съ цѣлью улучшить положеніе фермеровъ съ точки зрѣнія собственности. Владѣніе,—имущество

были направлены на то, чтобы сохранить классъ мелкихъ капиталистовъ, къ которому фермеръ наивно причисляетъ себя. Онъ храбро выступалъ, съ одной стороны противъ крупныхъ капиталистовъ, а съ другой—противъ рабочихъ, и безъ всякой помощи отважно пытался задержать могучее стремленіе прогресса; но до сихъ поръ всѣ его старанія въ этомъ отношеніи имѣли такой же успѣхъ, какъ старанія вычерпать ведромъ Атлантическій океанъ.

Что касается городского рабочаго, то онъ также всегда исходилъ изъ той точки зрѣнія, что фермеръ—его врагъ. Въ его глазахъ мелкій фермеръ былъ то же самое, что мелкій фабрикантъ или лавочникъ, которыхъ теперь съ такой быстротой уничтожаютъ крупныя корпораціи. По мнѣнію даже наиболѣе интеллигентныхъ рабочихъ, большія западныя фермы соотвѣтствуютъ большимъ трестамъ, и, благодаря этому, мелкіе фермеры должны будутъ превратиться въ наемныхъ рабочихъ на этихъ гигантскихъ фермахъ. Когда эволюція эта будетъ закончена, наступитъ ожесточенная классовая борьба, въ которой владѣльцы крупныхъ фермъ и трестовъ выступятъ противъ наемныхъ рабочихъ города и деревни, и результатомъ этой борьбы будетъ переходъ политической власти въ руки рабочихъ и экспропріація капиталистовъ. Все это основано на предположеніи, что въ деревнѣ эволюція пойдетъ тѣмъ же путемъ, какъ въ городѣ, на городскихъ фабрикахъ и заводахъ. Хотя вполнѣ возможно, что движеніе въ такомъ направленіи существуетъ, оно происходитъ такъ медленно, что нельзя привести никакихъ доказательствъ его существованія въ деревнѣ, и пока сельское хозяйство достигло бы той степени развитія, которая характеризуется возникновеніемъ трестовъ, прошли бы, вѣроятно, многіе вѣка. Какъ мы уже указывали въ одной изъ предыдущихъ главъ, методъ концентраціи въ сельскомъ хозяйствѣ нѣсколько отличается отъ того метода, который мы замѣчаемъ въ другихъ отрасляхъ индустріи;

„честно“ пріобрѣтенное, было свято для недовольныхъ въ деревнѣ, здѣсь, какъ и вездѣ, они стремились лишь уничтожить существующія съ ихъ точки зрѣнія злоупотребленія противъ этого учрежденія, но не пытались даже критиковать самого института.

но тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ эксплоатаціи производителя, результаты обоихъ методовъ вполнѣ одинаковы. Въ обоихъ случаяхъ имущій классъ владѣетъ главными орудіями производства и распредѣленія цѣнности, занимая, такъ сказать, важнѣйшій стратегическій пунктъ въ мірѣ индустріи. Благодаря этому, владѣльцы этихъ орудій имѣютъ возможность удѣлять дѣйствительному производителю нѣсколько больше или меньше того, что необходимо для существованія, въ то время, какъ сами они пользуются почти всѣми выгодами усовершенствованныхъ методовъ производства. Здѣсь, очевидно, существуетъ антагонизмъ интересовъ, который, по своимъ практическимъ результатамъ, если не по формѣ, близко подходитъ къ антагонизму, съ которымъ знакомъ городской рабочій. Съ одной стороны—капиталистическій классъ, состоящій изъ людей, получающихъ средства къ жизни, благодаря обладанію орудіями производства. Своимъ доходомъ они обязаны законному владѣнію рудниками, заводами, закладными, сельскохозяйственными машинами, желѣзными дорогами, элеваторами, фабриками и т. д., а не тому, что сами трудятся. Благодаря этому праву собственности, они имѣютъ возможность отнимать у производителя, который, при той или другой стадіи производства, долженъ пользоваться орудіями, принадлежащими капиталисту,—почти все, что онъ производитъ, оставляя ему, какъ вѣковому рабу, столько, сколько надо, чтобы не умереть съ голоду. По другую сторону этой великой соціальной пропасти мы находимъ всѣхъ созидателей богатствъ, работающихъ руками или головами,—на поляхъ и въ рудникахъ, на фабрикахъ и въ конторахъ,—всѣхъ тружениковъ, у которыхъ отнимаютъ все, что они производятъ, потому что они не владѣютъ тѣми орудіями, которыми работаютъ.

Въ такомъ случаѣ, не ясно ли, что политическое раздѣленіе на группы должно соотвѣтствовать этому экономическому расколу? Интересы фермера и рабочаго требуютъ, чтобы товары производились съ наименьшей затратой труда; ни одинъ изъ нихъ не желалъ бы исполнять ненужную работу; слѣдовательно, имъ обоимъ нужны наиболѣе усовершенствованныя орудія и наилучше организованная система индустріи. Въ то же самое время ихъ интересы требуютъ, чтобы

имъ принадлежало все, что они въ состояніи произвести при усовершенствованныхъ методахъ производства.

Постараемся теперь связно и логично суммировать все вышеизложенное. Если фермеры или рабочіе хотятъ добиться какого-нибудь облегченія или улучшенія своей участи посредствомъ политической борьбы, они должны соединиться и дѣйствовать сообразно законамъ соціальной эволюціи. Соціальная эволюція стремится къ постепенному уничтоженію всякихъ излишнихъ, непроизводительныхъ затратъ, съ помощью большей концентраціи въ индустріи и болѣе сложныхъ, усовершенствованныхъ машинъ. Это стремленіе сопровождается развитіемъ большей взаимной зависимости въ индустріи. Въ то же самое время плоды этого прогрессивнаго движенія монополизируются небольшой группой людей, которые владѣютъ необходимыми орудіями производства и распредѣленія богатствъ. Цѣль, которую должны себѣ поставить рабочіе и фермеры, заключается въ томъ, чтобы упрочить за собою обладаніе тѣми богатствами, которыя они создаютъ. Возвратъ къ индивидуальному методу производства, когда каждый работникъ владѣлъ всѣми орудіями для производства извѣстной вещи, невозможенъ. Единственной альтернативой является перемѣна формы владѣнія орудіями, и разъ процессъ производства—кооперативный, слѣдуетъ сдѣлать и орудія производства кооперативной собственностью. Это не только наиболѣе желательный, но единственно возможный исходъ. Общество должно итти или назадъ — къ конкуренціи, или впередъ — къ кооперації. Но такъ какъ всякое ретроградное движеніе въ этомъ отношеніи фактически невозможно, то кооперативное владѣніе орудіями труда является единственнымъ возможнымъ шагомъ. Такъ же, какъ варварское состояніе уступило мѣсто феодализму, феодализмъ смѣнился капиталистической конкуренціей, а конкуренція перешла въ монополію, такъ монополія неизбѣжно ведетъ къ кооперативной формѣ общества— т. е. *къ соціализму*.

Карлъ Каутскій, одинъ изъ величайшихъ авторитетовъ по вопросамъ теоріи сельскаго хозяйства, характеризуетъ вышеописанное явленіе слѣдующимъ образомъ (Agrarfrage, стр. 295): „Человѣческое общество

это была просто-напросто строго разсчитанная и уравновѣшенная система, съ помощью которой всякій пунктъ, касавшійся рабочихъ, вставлялся въ политическую „платформу“ только съ тѣмъ условіемъ, что они будутъ поддерживать другой пунктъ, касавшійся улучшенія быта фермеровъ. Ни въ какомъ случаѣ не было сдѣлано попытки найти общіе интересы, выработать общій опредѣленный планъ, всѣ пункты котораго защищали бы интересы фабричныхъ рабочихъ и фермеровъ.

Укажемъ здѣсь на одинъ фактъ, который слѣдуетъ признать неоспоримымъ, а именно, что всякое движеніе, стремящееся облегчить жизнь фермера, всякая попытка облегчить его положеніе и дать ему возможность пользоваться благами соціальнаго прогресса – могутъ быть успѣшны только тогда, если будутъ касаться не одного только класса фермеровъ. Это особенно вѣрно въ томъ случаѣ, когда приходится добиваться этихъ улучшеній при помощи баллота. Даже если бъ было возможно убѣдить всѣхъ людей, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, дѣйствовать сообща, то численность ихъ равнялась бы всего 40% мужского населенія страны. Кромѣ того, относительное значеніе деревенскаго населенія при конкурентной системѣ съ каждымъ годомъ уменьшается, какъ видно изъ слѣдующей таблицы, указывающей на процентъ городского населенія со времени основанія Соединенныхъ Штатовъ, при чемъ принимаются въ расчетъ города съ населеніемъ свыше 8.000.

иммиграціи, непригодными и требованія уничтоженія этихъ законовъ—это, безъ сомнѣнія, были уступки рабочимъ союзамъ, делегаты которыхъ присутствовали на конвенціи. Вполнѣ естественно, что фермеръ ничего не имѣетъ противъ иммиграціи, потому что онъ самъ работодатель, а наплывъ иммигрантовъ въ рѣдко заселенныя мѣстности Юга и Запада даетъ ему возможность скорѣе убирать хлѣбъ и расширять свои дѣла .. Фермерскій элементъ выступилъ также противъ пункта, устанавливающаго восьмичасовой рабочій день для рабочаго, въ то время, какъ фермеръ бываетъ вынужденъ работать отъ десяти до шестнадцати часовъ Но для того, чтобы расположить въ свою пользу рабочій элементъ, рѣшено было принять пунктъ, устанавливающій восьмичасовой рабочій день“.

Городское и деревенское населеніе.

Годы.	Городское населеніе.	Деревенск. населеніе.	% городск. населенія.
1790 . . .	131.472	3.797.742	3.35
1800 . . .	210.873	5.09 .610	3.97
1810 . . .	356.720	6.882.961	4.93
1820 . . .	475.135	9.158.687	4.93
1830 . . .	864.509	12.001.511	6.72
1840 . . .	1.453.994	15.615.459	8.52
1850 . . .	2.897.586	20.294.290	12.49
1860 . . .	5.072.256	26.371.065	16.13
1870 . . .	8.071.875	30.486.496	20.93
1880 . . .	11.318.547	38.837.236	22.57
1890 . . .	18.284.385	44.337.865	29.20
1900 . . .	24.992.199	50.475.840	33.12

Въ связи съ этимъ слѣдуетъ помнить, что современные городскіе жители имѣютъ въ своемъ исключительномъ распоряженіи главный способъ распространенія извѣстій — прессу, и, въ значительной степени, всѣ образовательныя учрежденія. Они представляютъ собой доминирующую силу въ современномъ обществѣ, потому что владѣютъ всѣмъ, что необходимо въ современной жизни.

Съ каждымъ днемъ продукты индустріальныхъ центровъ пріобрѣтаютъ все большее и большее значеніе въ жизни общества. Въ 1860 г. сумма вывоза сельскохозяйственныхъ продуктовъ равнялась 256.560.972 дол. и составляла 81.13% общей суммы вывоза; въ 1900 г. вывозъ ихъ понизился до 60.98% общей суммы вывоза, потому что ихъ стали вытѣснять фабричные товары, сумма вывоза которыхъ въ 1860 г. равнялась всего 40.345.892 дол. или 12.76% общей суммы вывоза, а въ 1900 г. достигла 433.851.756 долл. или 31.65%, при чемъ это возрастаніе было особенно замѣтно въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ [1]). Съ тѣхъ поръ это движеніе увеличивается все быстрѣе и быстрѣе. И особенно многозначительно то, что производство фабричныхъ то-

[1]) Statistical Abstract of the United States for 1900, p. 187.

варовъ, которые играютъ такую важную роль въ нашей экономической жизни, находится подъ контролемъ небольшой группы населенія, которая, въ силу этого, имѣетъ возможность подчинить своему вліянію правительство и всю общественную жизнь.

Мы располагаемъ теперь достаточнымъ матеріаломъ, чтобы попытаться рѣшить, каковъ долженъ быть характеръ и направленіе движенія, стремящагося облегчить участь фермера. Прежде всего, было бы неразумно, и безполезно дѣлать какія-либо попытки къ достиженію этой цѣли, которыя идутъ въ разрѣзъ съ направленіемъ соціальнаго развитія, съ которымъ мы теперь уже достаточно знакомы. Съ каждымъ днемъ употребленіе машинъ все больше и больше распространяется; человѣческій трудъ во всѣхъ его видахъ становится болѣе и болѣе продуктивнымъ, и, въ то-же самое время, процессы производства становятся болѣе и болѣе сложными, т. е. отдѣльный производитель, работающій самостоятельно, не имѣетъ почти никакой возможности произвести что нибудь для рынка. Деревенская кузница уступила мѣсто большому машиностроительному заводу. Въ прежнія времена вся работа по приготовленію мяса для кухни исполнялась однимъ мясникомъ: въ настоящее время для этой цѣли требуется совмѣстная работа тысячъ людей, на фермѣ, на желѣзной дорогѣ, на скотопригонномъ дворѣ, на бойнѣ и въ холодильникѣ, снова на желѣзной дорогѣ, пока продуктъ возвращается, быть можетъ, въ ту самую деревню, откуда было взято животное. Ни одинъ изъ этихъ людей не въ состояніи былъ бы исполнить этой работы безъ посторонней помощи Для производства каждой отдѣльной вещи приходится пускать въ ходъ всю сложную кооперативную систему соціальной организаціи, и съ каждымъ днемъ система эта становится болѣе сложной и взаимная зависимость все болѣе тѣсной. Причину этого нетрудно найти: благодаря спеціализаціи каждаго работника въ извѣстной части работы и объединенію общей энергіи для достиженія одной и той же цѣли, продуктивная сила каждаго въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ въ значительной степени увеличивается. Всякая непроизводительная трата энергіи исчезаетъ, время выигрывается, и трудъ вообще

становится болѣе производительнымъ. Очевидно, что всякія попытки соціальныхъ реформъ, противорѣчащія этой тенденціи, будутъ безплодны. Задача тѣхъ, кто желаетъ улучшить настоящія условія жизни, состоитъ не въ томъ, чтобы уничтожить эту сложную соціальную организацію, не въ томъ даже, чтобы упростить ее, а въ томъ, чтобы дать возможность всѣмъ работникамъ пользоваться благами этой новой и удивительно выгодной системы совмѣстной, дружной работы.

Съ этой точки зрѣнія современная тенденція къ организаціи трестовъ представляетъ собой только дальнѣйшій шагъ къ усовершенствованію производства и устраненію всякой безполезной траты. При конкурентной системѣ требуется множество одинаковыхъ заводовъ или фабрикъ и повтореніе одного и того же процесса; производство не регулируется, и человѣческая энергія, естественныя богатства и механическая сила тратятся самымъ безразсуднымъ и нерасчетливымъ образомъ, благодаря стараніямъ продавать товары одной, а не другой фирмы. Трестъ вноситъ порядокъ въ этотъ хаосъ, употребляя всѣ силы для того, чтобы ввести наиболѣе экономный способъ производства, и не дѣлая никакихъ безполезныхъ тратъ для того, чтобы заставить потребителя покупать его товары, вмѣсто товаровъ его конкурента, ибо, когда организація треста закончена — конкурентовъ больше не существуетъ. Что касается злоупотребленій трестовъ, то они такъ явны и извѣстны, что о нихъ не приходится даже упоминать здѣсь; всякій знаетъ, что въ рукахъ ихъ теперешнихъ владѣльцевъ они обращаются въ орудіе порабощенія и эксплуатаціи всѣхъ созидателей богатствъ. Но не слѣдуетъ забывать, что переходъ отъ системы конкуренціи къ системѣ трестовъ въ индустріи представляетъ громадный шагъ впередъ на пути общественнаго развитія, и всякія попытки противиться этому движенію, всякое стремленіе вернуться „назадъ“ къ конкуренціи будутъ тщетны и гибельны. Дѣло идетъ не о томъ, какъ уничтожить тресты, а о томъ, какъ ими пользоваться. Намъ предстоитъ разрѣшить вопросъ о томъ, какъ сохранить всѣ выгодныя стороны концентрированнаго, направленнаго къ общей цѣли механическаго производства, и въ то же самое время дать

возможность всѣмъ производителямъ пользоваться всѣми благами подобной системы усовершенствованнаго производства; слѣдуетъ найти какой нибудь способъ, благодаря которому всѣ участвующіе въ этомъ процессѣ производства могли бы получить весь продуктъ, количество котораго за послѣднее время такъ увеличилось.

Уяснивъ себѣ направленіе соціальной эволюціи, мы должны допустить, что если общество хочетъ принять какія-либо активныя мѣры для того, чтобы способствовать извѣстному соціальному движенію,—всѣ производители цѣнностей должны соединиться въ одну группу. Тѣ люди, которые въ настоящее время пользуются всѣми благами усовершенствованныхъ методовъ производства безъ всякихъ усилій съ своей стороны, не выказываютъ особенной готовности отказаться отъ своего привилегированнаго положенія. Въ ихъ рукахъ находится государственный механизмъ; они подчинили своей власти прессу, трибуну и всѣ другіе факторы, создающіе „общественное мнѣніе“; они занимаютъ господствующее положеніе въ нашей политической и соціальной жизни; крупныя политическія партіи, со всей ихъ сложной и запутанной системой для управленія волей народа, суть не что иное, какъ маріонетки въ рукахъ тѣхъ, которые распоряжаются нашими экономическими условіями. Политическимъ партіямъ вмѣняется въ обязанность раздѣлять рабочій классъ на враждебныя группы и сѣять между ними раздоры изъ-за ничего не значущихъ „вопросовъ“ для того, чтобы отвлечь ихъ вниманіе отъ единственно важнаго вопроса—объ эксплуатаціи производителей. Классъ эксплуататоровъ имѣетъ на своей сторонѣ унаслѣдованныя традиціи, уваженіе къ освященнымъ временемъ учрежденіямъ, преклоненіе предъ извѣстными политическими и соціальными формами, и все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ могучій оплотъ противъ всѣхъ тѣхъ, кто борется противъ экономическихъ привилегій за благо производителей цѣнностей.

Противъ этихъ земныхъ силъ консерватизма, привилегіи и эксплуатаціи должны выступить въ боевомъ порядкѣ всѣ тѣ, чей трудъ способствовалъ созиданію богатствъ, ибо всѣ эти люди образуютъ армію эксплуа-

тируемыхъ, и всѣ они должны стремиться къ уничтоженію эксплуатаціи. Въ этой борьбѣ фермеръ и фабричный рабочій должны бороться за общее дѣло; всякая другая комбинація, всякое подраздѣленіе рядовъ работниковъ должны непремѣнно помѣшать успѣху. Въ странѣ, гдѣ важнѣйшія перемѣны въ государственной жизни совершаются при помощи баллота, нельзя ничего добиться безъ дружнаго содѣйствія всѣхъ группъ работниковъ.

Какъ мы уже видѣли, число всѣхъ рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ, въ торговыхъ учрежденіяхъ, въ горнозаводскомъ дѣлѣ и другихъ отрасляхъ индустріи, равняется всего 25% вотирующаго населенія; число людей, занятыхъ въ сельскохозяйственной индустріи, равняется 40% вотирующаго населенія. Очевидно, что ни одна изъ этихъ группъ въ отдѣльности не въ состояніи будетъ добиться чего-нибудь, и что имъ нужны всѣ соединенныя силы, которыя имѣются въ ихъ распоряженіи, для того, чтобъ достигнуть своей цѣли. Если вспомнить, что большой процентъ работниковъ въ обѣихъ группахъ будетъ всегда пассивнымъ зрителемъ или даже открытымъ врагомъ своихъ собственныхъ интересовъ, то станетъ вполнѣ ясно, что всѣ труженики на землѣ или въ фабрикѣ должны не только имѣть общую программу, но должны еще при подачѣ голосовъ заручиться содѣйствіемъ другихъ группъ тружениковъ. Всякій расколъ въ средѣ работниковъ сдѣлаетъ всѣ ихъ усилія улучшить свое положеніе безплодными и безполезными.

Указанія фермеровъ на то, что они болѣе независимы и самостоятельны, чѣмъ городскіе рабочіе, не приносятъ никакой пользы, а скорѣе вредятъ дѣлу; этотъ фактъ доказываетъ только, что они находятся на низшей степени экономическаго развитія, потому что направленіе соціальной эволюціи стремится создать все большую взаимную зависимость. Кромѣ того, мы уже видѣли, что зависимость фермера отъ городского населенія увеличивается съ каждымъ днемъ. Съ каждымъ годомъ городъ все больше растетъ на счетъ деревни, а ея богатство, знанія, культура и могущество пропорціонально все уменьшаются. Когда фермеръ говоритъ о независимой отъ города жизни, онъ просто-напросто пропо-

вѣдуетъ возвращеніе къ болѣе примитивнымъ формамъ жизни.

Съ другой стороны, лучшая организація городскихъ рабочихъ, которой они обязаны своему положенію въ болѣе концентрированной индустріи, среди высшихъ формъ капитализма, вовсе не доказываетъ, что они вполнѣ независимы отъ деревенскихъ работниковъ. До тѣхъ поръ, пока классъ рабочихъ не сдѣлается настолько многочисленнымъ, чтобы побѣдить, онъ будетъ совершенно безпомощенъ, потому что меньшинство, даже очень большое, не можетъ пользоваться никакимъ вліяніемъ. Что интересы фермера, и городского рабочаго совершенно одинаковы, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о сопротивленіи классу эксплуататоровъ— казалось бы, фактъ вполнѣ очевидный и не требующій доказательства, если бы не то обстоятельство, что обѣ стороны долго и упорно отказывались видѣть этотъ общій интересъ. Среди фермеровъ въ большомъ употребленіе фраза, что фермеръ такой же владѣлецъ своей фермы, какъ городской рабочій.—владѣлецъ своего „мѣста". Средній фермеръ посмѣялся бы надъ всякимъ, кто сказалъ бы ему, что онъ долженъ получать проценты съ капитала, вложеннаго въ орудія и улучшенія на фермѣ, однако же при всѣхъ своихъ прежнихъ попыткахъ улучшить свое положеніе, онъ выступалъ съ точки зрѣнія капиталиста [1]). Всѣ усилія фермеровъ

---

[1]) Профессоръ Т. Вебленъ въ своей статьѣ. Industrial and Pecuniary Emplvyrueuls (Procecding of Jhcrtecnth Annual Meeting of Economic Associatuy p. 232) говоритъ: „Собственность или владѣніе не кажется неизбѣжнымъ или естественнымъ соціалисту. Но критикъ соціализма считаетъ собственность абсолютно необходимой. Сравните соціалиста въ этомъ отношеніи съ другими классами, которыхъ страданія или чувство недовольства (все равно, обоснованное или нѣтъ) заставили критиковать современный строй или требовать радикальныхъ экономическихъ мѣръ, какъ напр., американскіе фермеры съ ихъ движеніями, какъ грэнджерство, популизмъ и т. д. Но жалобы и заявленія были достаточно крикливы, и за ихъ требованія перераспредѣленія богатствъ ихъ обвиняли въ соціализмѣ. Но они не признавали справедливости этого обвиненія: и дѣйствительно слѣдуетъ отмѣтить, что ихъ требованія съ строгой послѣдовательностью направлены были къ возстановленію права собственности, согласно какому-нибудь новому процессу распредѣленія. Эти требованія всегда предъявлялись съ цѣлью улучшить положеніе фермеровъ съ точки зрѣнія собственности. Владѣніе,—имущество

были направлены на то, чтобы сохранить классъ мелкихъ капиталистовъ, къ которому фермеръ наивно причисляетъ себя. Онъ храбро выступалъ, съ одной стороны противъ крупныхъ капиталистовъ, а съ другой—противъ рабочихъ, и безъ всякой помощи отважно пытался задержать могучее стремленіе прогресса; но до сихъ поръ всѣ его старанія въ этомъ отношеніи имѣли такой же успѣхъ, какъ старанія вычерпать ведромъ Атлантическій океанъ.

Что касается городского рабочаго, то онъ также всегда исходилъ изъ той точки зрѣнія, что фермеръ—его врагъ. Въ его глазахъ мелкій фермеръ былъ то же самое, что мелкій фабрикантъ или лавочникъ, которыхъ теперь съ такой быстротой уничтожаютъ крупныя корпораціи. По мнѣнію даже наиболѣе интеллигентныхъ рабочихъ, большія западныя фермы соотвѣтствуютъ большимъ трестамъ, и, благодаря этому, мелкіе фермеры должны будутъ превратиться въ наемныхъ рабочихъ на этихъ гигантскихъ фермахъ. Когда эволюція эта будетъ закончена, наступитъ ожесточенная классовая борьба, въ которой владѣльцы крупныхъ фермъ и трестовъ выступятъ противъ наемныхъ рабочихъ города и деревни, и результатомъ этой борьбы будетъ переходъ политической власти въ руки рабочихъ и экспропріація капиталистовъ. Все это основано на предположеніи, что въ деревнѣ эволюція пойдетъ тѣмъ же путемъ, какъ въ городѣ, на городскихъ фабрикахъ и заводахъ. Хотя вполнѣ возможно, что движеніе въ такомъ направленіи существуетъ, оно происходитъ такъ медленно, что нельзя привести никакихъ доказательствъ его существованія въ деревнѣ, и пока сельское хозяйство достигло бы той степени развитія, которая характеризуется возникновеніемъ трестовъ, прошли бы, вѣроятно, многіе вѣка. Какъ мы уже указывали въ одной изъ предыдущихъ главъ, методъ концентраціи въ сельскомъ хозяйствѣ нѣсколько отличается отъ того метода, который мы замѣчаемъ въ другихъ отрасляхъ индустріи;

„честно“ пріобрѣтенное, было свято для недовольныхъ въ деревнѣ, здѣсь, какъ и вездѣ, они стремились лишь уничтожить существующія съ ихъ точки зрѣнія злоупотребленія противъ этого учрежденія, но не пытались даже критиковать самого института.

но тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ эксплоатаціи производителя, результаты обоихъ методовъ вполнѣ одинаковы. Въ обоихъ случаяхъ имущій классъ владѣетъ главными орудіями производства и распредѣленія цѣнности, занимая, такъ сказать, важнѣйшій стратегическій пунктъ въ мірѣ индустріи. Благодаря этому, владѣльцы этихъ орудій имѣютъ возможность удѣлять дѣйствительному производителю нѣсколько больше или меньше того, что необходимо для существованія, въ то время, какъ сами они пользуются почти всѣми выгодами усовершенствованныхъ методовъ производства. Здѣсь, очевидно, существуетъ антагонизмъ интересовъ, который, по своимъ практическимъ результатамъ, если не по формѣ, близко подходитъ къ антагонизму, съ которымъ знакомъ городской рабочій. Съ одной стороны—капиталистическій классъ, состоящій изъ людей, получающихъ средства къ жизни, благодаря обладанію орудіями производства. Своимъ доходомъ они обязаны законному владѣнію рудниками, заводами, закладными, сельскохозяйственными машинами, желѣзными дорогами, элеваторами, фабриками и т. д., а не тому, что сами трудятся. Благодаря этому праву собственности, они имѣютъ возможность отнимать у производителя, который, при той или другой стадіи производства, долженъ пользоваться орудіями, принадлежащими капиталисту,—почти все, что онъ производитъ, оставляя ему, какъ вѣковому рабу, столько, сколько надо, чтобы не умереть съ голоду. По другую сторону этой великой соціальной пропасти мы находимъ всѣхъ созидателей богатствъ, работающихъ руками или головами,—на поляхъ и въ рудникахъ, на фабрикахъ и въ конторахъ,—всѣхъ тружениковъ, у которыхъ отнимаютъ все, что они производятъ, потому что они не владѣютъ тѣми орудіями, которыми работаютъ.

Въ такомъ случаѣ, не ясно ли, что политическое раздѣленіе на группы должно соотвѣтствовать этому экономическому расколу? Интересы фермера и рабочаго требуютъ, чтобы товары производились съ наименьшей затратой труда; ни одинъ изъ нихъ не желалъ бы исполнять ненужную работу; слѣдовательно, имъ обоимъ нужны наиболѣе усовершенствованныя орудія и наилучше организованная система индустріи. Въ то же самое время ихъ интересы требуютъ, чтобы

имъ принадлежало все, что они въ состояніи произвести при усовершенствованныхъ методахъ производства.

Постараемся теперь связно и логично суммировать все вышеизложенное. Если фермеры или рабочіе хотятъ добиться какого-нибудь облегченія или улучшенія своей участи посредствомъ политической борьбы, они должны соединиться и дѣйствовать сообразно законамъ соціальной эволюціи. Соціальная эволюція стремится къ постепенному уничтоженію всякихъ излишнихъ, непроизводительныхъ затратъ, съ помощью большей концентраціи въ индустріи и болѣе сложныхъ, усовершенствованныхъ машинъ. Это стремленіе сопровождается развитіемъ большей взаимной зависимости въ индустріи. Въ то же самое время плоды этого прогрессивнаго движенія монополизируются небольшой группой людей, которые владѣютъ необходимыми орудіями производства и распредѣленія богатствъ. Цѣль, которую должны себѣ поставить рабочіе и фермеры, заключается въ томъ, чтобы упрочить за собою обладаніе тѣми богатствами, которыя они создаютъ. Возвратъ къ индивидуальному методу производства, когда каждый работникъ владѣлъ всѣми орудіями для производства извѣстной вещи, невозможенъ. Единственной альтернативой является перемѣна формы владѣнія орудіями, и разъ процессъ производства—кооперативный, слѣдуетъ сдѣлать и орудія производства кооперативной собственностью. Это не только наиболѣе желательный, но единственно возможный исходъ. Общество должно итти или назадъ — къ конкуренціи, или впередъ — къ кооперації. Но такъ какъ всякое ретроградное движеніе въ этомъ отношеніи фактически невозможно, то кооперативное владѣніе орудіями труда является единственнымъ возможнымъ шагомъ. Такъ же, какъ варварское состояніе уступило мѣсто феодализму, феодализмъ смѣнился капиталистической конкуренціей, а конкуренція перешла въ монополію, такъ монополія неизбѣжно ведетъ къ кооперативной формѣ общества— т. е. *къ соціализму.*

Карлъ Каутскій, одинъ изъ величайшихъ авторитетовъ по вопросамъ теоріи сельскаго хозяйства, характеризуетъ вышеописанное явленіе слѣдующимъ образомъ (Agrarfrage, стр. 295): „Человѣческое общество

есть организмъ, не животный или растительный, но обладающій особенными свойствами. Тѣмъ не менѣе, это организмъ, а не просто совокупность отдѣльныхъ личностей, и, какъ таковой, долженъ быть правильно и стройно организованъ. Нелѣпо будетъ предполагать, что одна часть общества можетъ развиваться въ одномъ направленіи, а другая, не менѣе важная, въ противоположномъ направленіи. Но это вовсе не значитъ, что каждая часть организма въ отдѣльности должна находить въ себѣ самой движущую силу, необходимую для ея собственнаго развитія. Вполнѣ достаточно, если одна часть организма обладаетъ силой, необходимой для всего организма".

„Если развитіе крупной промышленности ведетъ къ соціализму, и если эта промышленность представляетъ собой господствующій факторъ въ современномъ обществѣ, то она склонитъ и всѣ другія сферы на сторону соціализма".

„Она должна будетъ сдѣлать это ради ея собственныхъ интересовъ, ради интересовъ самого общества и его гармоничнаго развитія".

„Нельзя сдѣлать болѣе ошибочнаго діагноза о развитіи современнаго общества, чѣмъ діагнозъ, поставленный буржуазными политико-экономами, которые съ торжествомъ заявляютъ: путь развитія индустріи, быть можетъ, ведетъ къ соціализму, но путь развитія сельскаго хозяйства ведетъ къ „индивидуализму". Если бы это было вѣрно, и если бы сельскохозяйственная промышленность не оказалась достаточно сильной, чтобы бороться противъ соціализма, и въ то же время не была бы въ состояніи толкнуть индустрію на путь „индивидуализма," это значило бы, что близится не спасеніе, а паденіе общества, потому что тогда наступила бы безконечная борьба между городомъ и деревней".

ГЛАВА II.

Соціалистическое движеніе.

Въ настоящее время отъ тридцати до пятидесяти милліоновъ людей, живущихъ въ различныхъ странахъ

камнемъ соціализма и величайшимъ вкладомъ въ сокровищницу человѣческихъ знаній со стороны писателей-соціалистовъ является указаніе на то, что будущая стадія развитія индустріи будетъ кооперативная. Изученіе исторіи показало имъ, какъ въ то время, когда орудія человѣческаго труда стали слишкомъ сложны и дороги для того, чтобы каждый отдѣльный производитель могъ владѣть и пользоваться ими, немногіе люди, которымъ удалось захватить въ свои руки обладаніе всѣми этими новыми и сложными орудіями, необходимыми для жизни и блага всѣхъ, фактически поработили всѣхъ остальныхъ людей, не раздѣлявшихъ съ ними этой власти. Такимъ образомъ, эти владѣльцы, или капиталисты, сдѣлались правящимъ классомъ, вмѣсто стараго феодальнаго дворянства. Эта перемѣна способа производства—переходъ отъ прежней домашней индустріи къ современной фабричной системѣ,—сопровождалась не менѣе важной перемѣной положенія работниковъ. Ихъ не надо было прикрѣплять, при помощи законовъ, къ извѣстному мѣсту или господину, какъ крѣпостныхъ или рабовъ. Разъ никто не могъ обойтись безъ машинъ, фабрикъ и т. п., вполнѣ достаточно было владѣть этими орудіями труда, чтобы имѣть возможность присвоить плоды производителя, а это есть единственная цѣль рабства во всѣхъ его видахъ. Въ то время, какъ старыя, грубыя орудія употреблялись каждымъ производителемъ въ отдѣльности, для производства каждаго предмета съ помощью новѣйшихъ машинъ требуется общая работа множества людей.

Число капиталистовъ постепенно уменьшается; число работниковъ безъ орудій постоянно увеличивается, и такимъ образомъ возникаютъ два враждебныхъ класса. Съ одной стороны — производители, самая жизнь которыхъ зависитъ отъ полученія большей части продукта; съ другой—немногіе гиганты-капиталисты, вынужденные, благодаря конкуренціи другъ съ другомъ, добиваться уменьшенія доли производителя, называемой заработной платой. Тредъ-юніоны, грэнджи и т. п. представляютъ собой коллективную силу одной враждующей партіи, тресты и синдикаты—общія силы другой. Забастовки, промышленныя паники, международныя столкновенія, новыя изобрѣтенія и новые методы инду-

стріальной организаціи расшатываютъ еще болѣе и безъ того неустойчивое положеніе массъ. Подобная комбинація должна безпрерывно мѣняться, и весь періодъ ея существованія неизбѣжно долженъ быть короче другихъ эпохъ индустріальнаго развитія.

Такъ какъ современное соціальное устройство носитъ такой временный характеръ, то возникаетъ весьма важный вопросъ: какова будетъ слѣдующая стадія общественнаго развитія? Какъ мы уже указывали раньше, соціалисты блестяще доказали, что стадія общественнаго развитія, которая смѣнитъ настоящую, будетъ „кооперативной республикой". Съ того времени, когда Платонъ писалъ свою „Республику", до „Утопіи" Томаса Мора и произведеній писателей періода, предшествовавшаго французской революціи, люди всегда рисовали въ своемъ воображеніи картины такой жизни, когда борьба человѣка съ человѣкомъ уступитъ мѣсто дружной общей работѣ всего человѣчества, направленной къ добыванію всевозможныхъ даровъ природы для общаго пользованія. Но въ теченіе всего этого времени это оставалось только въ области мечтаній; люди иногда считали такой золотой вѣкъ давно и безвозвратно минувшимъ или просто прекрасной, но несбыточной мечтой. Въ настоящее же время единственной возможной и вѣроятной перемѣной считается осуществленіе основныхъ положеній этого общественнаго устройства, о которомъ люди такъ долго мечтали и которое должно будетъ притти на смѣну современному соціальному строю.

Исторія показываетъ намъ, что всякая великая экономическая борьба классовъ раньше или позже переносится на политическую арену. Когда рабочіе будутъ настолько дальновидны, чтобы понять и сдѣлать это, ихъ дѣло будетъ выиграно, ибо самая экономическая эволюція, которую мы старались прослѣдить, дѣлаетъ обѣ арміи слишкомъ неравными по силамъ. Какъ ни абсолютна власть капитализма въ настоящее время, какъ ни безпомощны рабочіе, чтобы проявить въ чемъ-нибудь свою волю, въ тотъ день, когда рабочіе поймутъ, что борьбу слѣдуетъ перенести въ область политики, гдѣ принимаются въ расчетъ не доллары, а избирательные голоса,— борьба будетъ кончена.

Что будутъ дѣлать труженики послѣ того, какъ побѣда будетъ одержана? Изученіе исторіи даетъ соціалисту возможность отвѣтить на этотъ вопросъ очень опредѣленно. Въ настоящее время непроизводительная трата естественныхъ богатствъ, безпорядочное производство, братоубійственная борьба и—что всего важнѣе—страшныя человѣческія страданія,—все это происходитъ отъ того, что машины, рудники, заводы, земля и все другое, что должно употребляться всѣмъ обществомъ въ совокупности, составляетъ частную собственность немногихъ отдѣльныхъ лицъ. Вернуться назадъ къ тому соціальному строю, когда каждый работникъ владѣлъ тѣми орудіями, которыя ему приходилось употреблять, невозможно безъ того, чтобъ не отказаться отъ всего, что есть лучшаго въ современной цивилизаціи; слѣдовательно, единственная альтернатива — это движеніе впередъ, къ тому строю, когда всѣ орудія труда, необходимыя работникамъ, будутъ ихъ общей собственностью. Такъ же, какъ, вмѣсто феодальнаго дворянства, правящимъ классомъ сдѣлались капиталисты, такъ эти послѣдніе будутъ вынуждены уступить свое владычество работникамъ; но при системѣ общаго владѣнія орудіями труда всѣ будутъ владѣльцами, слѣдовательно, „правящій классъ“ будетъ состоять изъ всѣхъ, и самая идея правленія, какъ его понимаютъ теперь, совершенно исчезнетъ.

Большая часть современнаго государственнаго механизма (если только не весь онъ цѣликомъ) исчезнетъ, потому что сдѣлается совершенно безполезной. Даже элементарный анализъ приводитъ къ неоспоримому заключенію, что главная функція современнаго государства, правительства, судовъ, чиновниковъ, законовъ,—есть защита собственности и разборъ споровъ между людьми, владѣющими собственностью. Можно съ увѣренностью сказать, что девять десятыхъ всего этого механизма пускаются въ ходъ для того, чтобы помочь капиталистамъ присвоить себѣ плоды труда рабочихъ, или же для того, чтобы рѣшать споры между капиталистами изъ-за обладанія тѣмъ, что уже было присвоено. Когда государственный механизмъ перейдетъ въ руки рабочихъ, они не будутъ вынуждены употреблять его для подобныхъ цѣлей; въ ихъ

рукахъ онъ превратится въ гигантское справочное бюро, которое будетъ собирать всѣ нужные факты, касающіеся количества всякаго продукта который нуженъ для населенія, наилучшей мѣстности и наилучшаго метода ихъ производства и т. д. Другой функціей его будетъ администрація болѣе крупныхъ и болѣе общихъ учрежденій, какъ почта, телеграфъ, телефонъ, желѣзныя дороги и, быть можетъ, производство такихъ важныхъ предметовъ промышленности, какъ сталь и желѣзо, гдѣ можно будетъ примѣнить наиболѣе экономные методы, если оно будетъ вестись въ очень крупныхъ размѣрахъ подъ контролемъ всей націи.

Министерство земледѣлія современнаго американскаго правительства, поскольку оно способствуетъ благу и выгодѣ фермеровъ, а не политикановъ и спекуляторовъ, даетъ хорошее понятіе о характерѣ всѣхъ правительственныхъ учрежденій при соціалистическомъ строѣ.

Остальныя отрасли промышленности будутъ, вѣроятно, принадлежать сообща тѣмъ общественнымъ группамъ, которыя будутъ ими пользоваться, при чемъ величина каждой группы будетъ, вѣроятно, зависѣть отъ наиболѣе выгодныхъ и экономныхъ размѣровъ производства. Вполнѣ вѣроятно, что такія предпріятія, какъ городское освѣщеніе, водоснабженіе, трамваи и т. д., будутъ принадлежать общинамъ, соотвѣтствующимъ приблизительно городамъ настоящей эпохи, хотя, какъ уже было указано, различіе между городомъ и деревней, какъ оно существуетъ теперь, отчасти исчезнетъ. Всякія другія предпріятія будутъ, вѣроятно, принадлежать группамъ населенія, величиной съ теперешній штатъ, или, пожалуй, съ графство (county) или округъ. Но какъ бы ни сложились дѣла въ этомъ отношеніи, правительство будетъ приспособляться къ индустріальнымъ нуждамъ общества и въ рукахъ всего кооперативнаго общества производителей превратится въ ихъ орудіе, которое они будутъ употреблять по своему собственному усмотрѣнію.

Различіе между такимъ правительствомъ и современнымъ вполнѣ очевидно. Это различіе сразу объясняетъ, почему фермеры, еще меньше, чѣмъ рабочіе, могутъ ожидать улучшенія своего положенія отъ перехода индустріи во владѣніе того правительства, кото-

рое существуетъ теперь. Въ настоящее время не только политическій механизмъ находится въ рукахъ капиталистовъ, но эти капиталисты суть въ то же самое время индустріальные владыки и жители городовъ, и передача желѣзныхъ дорогъ, напримѣръ, во владѣніе такого правительства, не доставила бы фермерамъ никакого облегченія.

Первымъ шагомъ къ достиженію этого идеала долженъ быть союзъ фермеровъ и городскихъ рабочихъ, съ цѣлью завоеванія политической власти для своего класса. Когда это будетъ сдѣлано, они будутъ контролировать свое собственное правительство и проводить законы для своихъ собственныхъ выгодъ. Это не значитъ, что тиранія одного класса смѣнится тираніей другого класса. Когда рабочіе упрочатъ за собой власть, тогда не будетъ „другихъ“, которые будутъ править ими, ибо всѣ будутъ принадлежать къ одному и тому же „правящему классу“, къ классу производителей, и всѣ классы сольются въ одно кооперативное общество.

ГЛАВА III.

Фермеры и соціализмъ.

Какъ отразится эта перемѣна на сельскомъ хозяйствѣ? Какъ отразится она на положеніи отдѣльнаго фермера? Какое положеніе будетъ занимать сельское хозяйство въ кооперативномъ обществѣ? Какія причины могутъ заставить современнаго фермера содѣйствовать ускоренію этого процесса соціальной эволюціи? Все это вопросы, отвѣты на которые служатъ главной цѣлью нашего изслѣдованія и поэтому они заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Во-первыхъ, всѣ индустріальныя, продуктивныя силы націи будутъ организованы болѣе разумно. Въ настоящее время въ этомъ отношеніи царитъ хаосъ. Во всѣхъ отрасляхъ индустріи, гдѣ еще сохранилась конкуренція, каждый фабрикантъ ведетъ свои дѣла, ничуть не принимая въ соображеніе другихъ фабрикантовъ, производящихъ то же самое. Каждый производитъ, сколько можетъ, пока существуетъ рынокъ для

сбыта его продуктовъ. Когда же рынокъ оказывается вдругъ переполненнымъ, всѣ фирмы должны пріостановить производство или же обанкротиться и ждать, пока пройдетъ періодъ „перепроизводства“ и голодовки. Нѣтъ даже попытки найти взаимное отношеніе между различными, связанными между собой отраслями индустріи, и нашимъ „генераламъ индустріи“, очевидно, никогда еще не пришло въ голову обратить вниманіе на то, какъ отражается извѣстная индустріальная операція на всемъ обществѣ или на будущихъ поколѣніяхъ. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ индустріи тресты вносятъ нѣкоторый порядокъ въ этотъ хаосъ, но это сопровождается еще большей эксплуатаціей рабочихъ.

И въ области сельскаго хозяйства нельзя надѣяться на упорядоченіе этого хаоса до тѣхъ поръ, пока существуетъ капитализмъ. Лѣса на холмахъ вырубаются, вслѣдствіе чего долины страдаютъ отъ засухъ или наводненій, и будущія поколѣнія лишаются всѣхъ сокровищъ лѣсовъ, которые, при разумномъ веденіи дѣлъ въ настоящее время, можно было бы сохранить для нихъ безъ всякаго вреда для настоящихъ поколѣній. Рѣки отравляются различными химическими отбросами, вслѣдствіе чего рыба умираетъ и растительность на берегахъ гибнетъ, и то, что было красотой природы и источникомъ здоровья и благоденствія, становится разсадникомъ заразы. Человѣческая энергія безумно и нерасчетливо тратится на то, чтобы производить вредные суррогаты пищевыхъ продуктовъ, отравляющіе взрослыхъ и дѣтей, въ то время, какъ чистые и здоровые пищевые продукты гніютъ на поляхъ фермеровъ за неимѣніемъ рынка. Города тратятъ милліоны на уничтоженіе матеріаловъ для удобренія, въ которомъ такъ нуждается истощенная земля, а фермеры вынуждены тратить за моремъ еще милліоны, чтобы получить, въ формѣ товара, то самое удобреніе, котораго лишаются ихъ поля. Короче, если взглянуть на все это съ широкой разумной точки зрѣнія, трудно представить себѣ что-нибудь болѣе нелѣпое и безумное, чѣмъ современный общественный строй. Самый фактъ, что многіе уже сознаютъ это, доказываетъ, что общественное сознаніе опередило формы общественной орга-

низаціи. Люди начинаютъ ясно видѣть и понимать, что если бы существовалъ разумный контроль въ соціальной организаціи, люди могли бы жить гораздо лучше. Но до сихъ поръ соціалисты—единственные люди, которые сознаютъ, что разумной организаціи соціальныхъ силъ мѣшаютъ лишь матеріальные интересы правящихъ классовъ, которые стремятся поддержать эту хаотическую безполезную трату энергіи, чтобы въ то же самое время поддержать сопровождающую ее эксплуатацію.

Во вторыхъ, слѣдуетъ отмѣтить, что при соціалистической организаціи общества управленіе индустріей будетъ въ рукахъ работниковъ, а не праздныхъ людей. Правительство, пресса и т. д. не будутъ находиться во власти класса, которому выгодно поддерживать эксплуатацію, потому что этотъ классъ перестанетъ существовать. Все это будетъ въ рукахъ производителей, и имъ же будутъ принадлежать всѣ продукты, которыми они будутъ распоряжаться по своему усмотрѣнію. Такъ какъ каждый работникъ будетъ участникомъ во владѣніи орудіями производства и въ то же самое время будетъ получать продуктъ этого производства, борьба между продавцемъ и покупателемъ будетъ невозможна; всѣ будутъ заинтересованы въ томъ, чтобы богатства производились наиболѣе экономнымъ способомъ. И если будетъ существовать солидарность интересовъ между всѣми тружениками цѣлаго народа, то сдѣлается возможной промышленная кооперація въ національныхъ размѣрахъ, гдѣ она желательна.

Это, конечно, не значитъ, что правительство превратится въ громадный индустріальный и политическій механизмъ, которымъ будетъ управлять большинство избирателей, съ неограниченной властью назначать каждаго человѣка въ извѣстный „полкъ“ „индустріальной арміи“. Правительствомъ, какъ было указано выше, будетъ просто комитетъ рабочихъ, уполномоченный всѣми рабочими дѣлать все то, что необходимо для общаго блага.

Когда въ настоящее время строится шоссейная дорога, которая принадлежитъ всѣмъ, всякій желаетъ, чтобы при этомъ употреблялись наилучшія машины и инструменты для того, чтобы работа всѣмъ была по

возможности легче. Никто не боится, что какая-нибудь новая машина лишитъ его работы. Послѣ окончанія постройки, если имѣются двѣ дороги, соединяющія одни и тѣ же мѣстности, народъ не тратитъ денегъ на рекламы, восхваляющія ту или другую изъ „конкурирующихъ“ дорогъ.

Ни въ одной отрасли человѣческой дѣятельности не чувствуется такой настоятельной потребности въ кооперації, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ и побочныхъ индустріяхъ. Что писатели-соціалисты сравнительно мало занимались этой стороной вопроса, объясняется тѣмъ уже указаннымъ нами фактомъ, что большинство этихъ писателей затрагивало эту тему исключительно съ точки зрѣнія фабричнаго производства и лишь мимоходомъ касалось сельскаго хозяйства. Многіе изъ нихъ замѣчали, что уничтоженіе конкуренціи можетъ повести за собою болѣе экономные методы производства на отдѣльныхъ фермахъ; они указывали на ту непроизводительную затрату труда, которая является слѣдствіемъ постройки ненужныхъ заборовъ, частичнаго употребленія машинъ, неудачной культуры, возможной при единичныхъ усиліяхъ и т. д. Но они рѣдко сознавали, какія неисчислимыя сбереженія и общественныя выгоды кроются въ толковомъ и разумномъ соотношеніи между всѣми различными индустріями, извѣстными подъ общимъ названіемъ сельскаго хозяйства.

Какъ громадны будутъ эти сбереженія, трудно себѣ сразу представить. Представимъ себѣ эту страну, какъ одну огромную индустріальную единицу, одно гигантское предпріятіе. Вполнѣ вѣроятно, что, какъ мы указывали прежде, это предпріятіе для извѣстныхъ цѣлей будетъ подраздѣлено на множество частей, но по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ дѣло касается собиранія и распространенія свѣдѣній, оно будетъ нѣчто цѣльное, единое. Соединенные Штаты больше, чѣмъ всякая другая страна на свѣтѣ, представляютъ плодородную почву для такого соотношенія и организаціи. Самое разнообразіе страны, на которое мы прежде обращали вниманіе читателя, дѣлаетъ возможной такую координацію, которая невозможна ни въ какой другой странѣ. Ея различные географическіе раіоны находятся въ такой особенной тѣсной зависимости другъ отъ друга,

что ихъ нельзя совершенно отдѣлить одинъ отъ другого безъ вреда для каждаго. Нѣкоторыя мѣстности лучше другихъ приспособлены для культуры извѣстныхъ растеній, и способъ обработки земли въ одной мѣстности или способъ производства въ извѣстной индустріи не только можетъ, но долженъ имѣть важное значеніе для сельскаго хозяйства или индустріи въ другой даже далекой мѣстности

Хотя замѣна конкуренціи монополіей, уже уничтожила большую часть крупныхъ непроизводительныхъ затратъ въ фабричной индустріи, только національная организація всѣхъ сельскохозяйственныхъ интересовъ Америки, при отсутствіи всякихъ соображеній относительно прибыли, можетъ установить надлежащее соотношеніе между производительными силами на этомъ поприщѣ.

Остановимся на нѣсколько минутъ и посмотримъ, какія громадныя сбереженія и безчисленныя выгоды, съ соціальной точки зрѣнія, принесла бы работникамъ Америки надлежащая координація лѣсоводства, ирригаціи, канализаціи и предохраненія отъ наводненій. Эти выгоды особенно очевидны въ Америкѣ, благодаря ея географическимъ особенностямъ. Въ западной части Америки находятся милліоны акровъ необыкновенно плодородной земли, которой недостаетъ только воды, чтобы давать баснословно обильные урожаи. Мимо этихъ безплодныхъ, выжженныхъ пустынь каждую весну проносится разрушительный потокъ, несущій смерть и опустошеніе жителямъ нижней долины Миссисипи, гдѣ тратятся милліоны долларовъ для того, чтобы избавиться и защитить населеніе отъ того, что могло бы дать жизнь и благоденствіе жителямъ равнинъ. По мѣрѣ того, какъ вырубаются лѣса на холмахъ долины Огайо, образуется другая пустыня, сходная съ той, которая находится на западной сторонѣ Миссисипи, въ то время какъ потокъ, затопляющій долину, становится все болѣе неукротимымъ. Возьмемъ каждый изъ вышеупомянутыхъ факторовъ въ отдѣльности и посмотримъ, какія перемѣны могли бы произойти, если бы мы устроили нашу индустріальную жизнь на болѣе разумныхъ началахъ.

Ирригація.

Повидимому, въ самомъ этомъ словѣ есть что-то такое, что возбуждаетъ энтузіазмъ всякаго писателя по этому вопросу. Даже страницы всегда сухихъ правительственныхъ отчетовъ начинаютъ пестрѣть прилагательными и нарѣчіями превосходной степени, когда рѣчь заходитъ объ ирригаціи; въ описаніяхъ этихъ „цвѣтущихъ, какъ розы, пустынь", которыя тянутся поперекъ почти всего континента,—есть что-то, напоминающее чудеса. „Болѣе чѣмъ $^2/_5$ поверхности Соединенныхъ Штатовъ, кромѣ Аляски, требуютъ ирригаціи, чтобы давать правильные урожаи, и $^4/_5$ этой территоріи требуютъ ирригаціи для обработки земли вообще. Эта безводная область равняется 1.200.000—1.300.000 квадратныхъ миль, будучи въ $1^1/_3$ раза больше Британской Индіи, на которую она очень похожа, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ" [1]). Всѣ писатели указывали на громадные урожаи, получаемые на этихъ искусственно орошаемыхъ земляхъ. „Свидѣтели единогласно заявляютъ, что съ помощью ирригаціи одинъ акръ земли въ Монтанѣ можетъ превзойти по своей продуктивности 3—5 акровъ земли въ другихъ штатахъ съ болѣе влажнымъ климатомъ. Свидѣтели эти были изъ разныхъ мѣстностей, отъ Вирджиніи до Новой Шотландіи и отъ Нью-Іорка до восточнаго Канзаса. Среднее количество продукта, получаемаго съ одного акра, приблизительно таково: пшеницы—35 бушелей; овса—50 буш.; ячменя—45 буш.; альфальфы—отъ 4 до 6 тоннъ" [2]).

Никакая другая мѣстность въ свѣтѣ такъ не благопріятна для употребленія сложныхъ и усовершенствованныхъ машинъ. Поверхность земли тамъ почти всегда ровная и гладкая, что даетъ возможность употреблять паровые плуги, культиваторы и сѣялки, которые невозможно употреблять въ другихъ мѣстахъ. Благодаря отсутствію дождя, зерно вполнѣ созрѣваетъ

---

[1]) Report of United States Senate Committee on Arid Lands.

[2]) Report of U. S. Senate Committee on Arid Lands, p. 34. Данныя средняго урожая, приведенныя въ текстѣ, равны, на русскія мѣры: пшеницы—200 пудовъ съ десятины; овса—285; ячменя—255; альфальфы (кормовая трава) 600 до 900 пудовъ. Прим. перев.

въ колосѣ, и это даетъ возможность употреблять машину, которая жнетъ и молотитъ въ одно и то же время.

Единственный ненадежный, измѣнчивый факторъ въ сельскохозяйственной индустріи—это состояніе погоды, и это обстоятельство, больше, чѣмъ что либо другое, отличаетъ сельское хозяйство отъ другой индустріи; но при земледѣліи съ помощью ирригаціи состояніе погоды находится во власти фермера. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возможно сѣять различные продукты одинъ за другимъ, и такимъ образомъ работать круглый годъ. Благодаря такимъ громаднымъ урожаямъ и употребленію усовершенствованныхъ машинъ, небольшая затрата труда вознаграждается очень щедро. Вполнѣ вѣроятно, что въ этихъ мѣстностяхъ, больше чѣмъ гдѣ бы то ни было на поприщѣ сельскаго хозяйства, законъ индустріальной концентраціи проявляется приблизительно въ тѣхъ же формахъ, какъ и въ другихъ отрасляхъ промышленности.

Но для того, чтобы сдѣлать эту землю плодородной, необходимо предпринять инженерныя работы въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какихъ свѣтъ еще никогда не видѣлъ. Въ сравненіи съ тѣми предпріятіями, которыхъ потребуетъ будущее, все, что было сдѣлано до сихъ поръ—очень незначительно. Но даже и теперь теченіе рѣкъ отводится въ сторону, строятся каналы и резервуары, и такимъ образомъ обширныя площади земли дѣлаются пригодными къ обработкѣ. Но когда все это будетъ предпринято въ такихъ размѣрахъ, которые будутъ соотвѣтствовать ожидаемымъ и возможнымъ результатамъ, все то, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи до сихъ поръ, покажется дѣтской забавой въ сравненіи съ тѣмъ, что должно еще быть сдѣлано.

Когда надлежащимъ образомъ будетъ предпринята работа съ цѣлью сохраненія и подчиненія волѣ человѣка водной системы половины континента, тогда сразу станетъ ясно, что эта задача неразрѣшима безъ объединенія энергіи всего народа.

До сихъ поръ работа эта исполнялась двоякимъ образомъ: во-первыхъ—при помощи мѣстныхъ кооперативныхъ обществъ, какъ, напримѣръ, въ Ютѣ и въ нѣкоторыхъ долинахъ Колорадо и Калифорніи, а во-вто-

рыхъ—крупными ирригаціонными компаніями, управляемыми частными акціонерами. Въ первомъ случаѣ, фермеры подвергаются такой же эксплуатаціи, какъ ихъ собратья въ болѣе влажныхъ мѣстностяхъ, но благодаря необыкновенно обильнымъ урожаямъ, пользуются нѣсколько большимъ временнымъ и мѣстнымъ благосостояніемъ. Но когда число фермеровъ извѣстной мѣстности увеличивается до такой степени, что количество ихъ продуктовъ вполнѣ удовлетворяетъ спросу на нихъ, тогда эти же самые обильные урожаи превращаются въ орудіе большей эксплуатаціи фермера. Благодаря обилію продукта, конкуренція усиливается, цѣны на продуктъ понижаются, желѣзнодорожные тарифы повышаются, и такимъ образомъ фермеръ тѣхъ мѣстностей, гдѣ существуетъ кооперативная система ирригаціи, получаетъ то же самое, что фермеръ болѣе влажныхъ мѣстностей или фабричный рабочій, т. е. столько, сколько надо для поддержанія жизни. Самой лучшей иллюстраціей этого служитъ плодоводство. Когда владѣльцы плодовыхъ фермъ очутились въ абсолютной власти комиссіонеровъ и компаніи Южной Тихоокеанской желѣзной дороги, они организовались, чтобы сообща предпринять ирригацію, продажу фруктовъ и многое другое, и на первыхъ порахъ имъ удалось значительно улучшить свое положеніе. Но въ очень непродолжительномъ времени оказалось, что они могутъ добыть гораздо больше фруктовъ, чѣмъ требовалось для рынка, состоящаго изъ эксплуатируемыхъ наемныхъ рабовъ; вслѣдствіе этого цѣны на фрукты такъ упали, что въ настоящее время тысячи бушелей апельсиновъ и другихъ фруктовъ гніютъ на деревьяхъ, въ то время, какъ въ большихъ городахъ больныя и слабыя женщины и дѣти гибнутъ вслѣдствіе недостатка въ подкрѣпляющей пищѣ, которой эти фрукты могутъ служить.

Во второмъ случаѣ,—когда воду доставляетъ ирригаціонная компанія, фермеры съ самаго начала находятся въ крѣпостной зависимости отъ людей, владѣющихъ тѣмъ, что необходимо для ихъ жизни. Плата за снабженіе водой регулируется такъ, что въ концѣ концовъ фермеръ получаетъ все то же рабское вознагражденіе за свой трудъ. Протестъ противъ ирригаціон-

ныхъ компаній—одинъ изъ самыхъ громкихъ, которые раздавались со стороны эксплуатируемыхъ западныхъ фермеровъ. Но очень немногіе изъ нихъ сознаютъ, что единственный выходъ изъ этого положенія ведетъ къ тому пути спасенія, на который должны будутъ вступить городскіе фабричные рабочіе,—къ общему владѣнію и распоряженію тѣмъ, что употребляется коллективно, въ данномъ случаѣ—водой.

Благодаря обильнымъ урожаямъ, фермеръ искусственно орошаемыхъ мѣстностей можетъ жить на небольшомъ участкѣ земли—всего въ нѣсколько акровъ. При современной системѣ, когда каждый ведетъ свои дѣла изолированно отъ другихъ, каждый такой участокъ отдѣленъ отъ другого изгородью и, кромѣ того, изрѣзанъ еще на меньшіе участки для посѣва различныхъ растеній. Вслѣдствіе этого теряются всѣ преимущества производства въ крупныхъ размѣрахъ и употребленія новѣйшихъ машинъ. Благодаря этой системѣ дробленія земельныхъ участковъ, каждый фермеръ обращается въ работника, получающаго поштучную плату, достаточную для поддержанія жизни, въ то время, какъ вся прибыль достается на долю компаній, владѣющихъ желѣзными дорогами, элеваторами и водой. Поэтому-то правящіе классы всегда хвалили систему мелкихъ фермъ, какъ одну изъ самыхъ привлекательныхъ особенностей искусственно орошаемыхъ областей. Сотни писателей указывали на то, что тамъ возможно соединеніе всѣхъ преимуществъ города и деревни. Одно изъ самыхъ лучшихъ описаній этой жизни, возможной даже и въ настоящее время, мы находимъ въ книгѣ Вилльяма Смайта — „Покореніе безводной Америки“ (William E. Smythe—„The Conquest of Arid America“); оно такъ подробно и краснорѣчиво, что мы приведемъ его цѣликомъ.

„Благодаря мелкимъ фермамъ, земледѣльцы имѣютъ возможность поселиться въ городѣ. Село, какъ общій центръ, служитъ одной изъ наиболѣе характерныхъ особенностей жизни въ безводныхъ областяхъ Америки, и этой особенности предстоитъ очень быстрое и широкое распространеніе. На каждыхъ 4—5 тыс. акровъ воздѣланной земли можетъ возникнуть цвѣтущее, красивое село, гдѣ фермеры могутъ жить близко другъ отъ

друга и пользоваться всѣми преимуществами общественной жизни и образованія, которыми пользуются жители лучшихъ городовъ восточныхъ штатовъ. Для дѣтей фермеровъ будутъ устроены дѣтскіе сады и школы, общественныя библіотеки, читальни и церкви. Село, освѣщаемое электричествомъ, имѣющее водопроводъ, почтовую контору и утреннія и вечернія газеты, издаваемыя въ селѣ же—вотъ та мечта, которую удалось осуществить въ безводныхъ мѣстностяхъ Америки. Большіе города нашихъ западныхъ долинъ не будутъ городами, въ строгомъ смыслѣ этого слова, но скорѣе цѣлымъ рядомъ живописныхъ селъ, соединенныхъ линіями электрическихъ трамваевъ, которые будутъ перевозить товары и людей съ одного мѣста на другое. Глядя на эту обработанную, цвѣтущую землю, на эти дома и башни, на зеленыя и золотистыя поля, ковромъ раскинувшіяся до самыхъ горъ, зритель затруднится сказать, гдѣ кончается городъ и начинается деревня".

Но неужели для того, чтобы пользоваться всѣми этими благами, необходимо дѣлить землю на мелкіе участки, принадлежащіе различнымъ владѣльцамъ? Не способствовало-ли бы общее управленіе кооперативной земельной собственностью еще большему распространенію всѣхъ этихъ благъ? Соціализмъ далъ бы намъ, по крайней мѣрѣ возможность испробовать обѣ эти системы, удостовѣриться, гдѣ правда, и затѣмъ избрать наиболѣе желательную изъ обѣихъ. Писатели съ капиталистическими взглядами, трактовавшіе вопросъ объ ирригаціи, всегда старались доказать, что такое дѣленіе земли на крошечные участки необыкновенно выгодно для фермера и что оно будетъ существовать, пока существуетъ капитализмъ. Факты не подтверждаютъ этихъ заявленій; справедливо только то, что благодаря раздѣленію земли на крошечные участки, фермеръ вмѣстѣ съ своей семьей вынужденъ работать до изнеможенія, и его можно эксплуатировать гораздо легче и полнѣе, чѣмъ если бы онъ владѣлъ большимъ участкомъ. Если каждый фермеръ владѣетъ такимъ небольшимъ участкомъ, съ котораго онъ можетъ получить ровно столько дохода. чтобы не умереть съ голоду, онъ превращается въ работающаго поштучно ба-

трака компаній, владѣющихъ желѣзными дорогами, элеваторами и системой ирригаціи. Онъ долженъ исполнять извѣстную, опредѣленную работу подъ страхомъ голодной смерти. Если урожай очень обиленъ, его хозяева будутъ съ нимъ „дѣлить барыши“ годъ или два; если уже обильный урожай—не случайное, а постоянное явленіе, они начинаютъ изобрѣтать всякіе способы для того, чтобы снова довести его до прежняго состоянія, т. е., выражаясь яснѣй, стараются „увеличить иммиграцію“, пока въ извѣстной мѣстности оказывается столько фермеровъ, что, благодаря конкуренціи, цѣны на продукты падаютъ, плата за пользованіе водой и желѣзнодорожные тарифы повышаются, и фермеръ снова попадаетъ въ положеніе наемнаго рабочаго.

Такъ же, какъ фабрикантъ старается имѣть у себя столько рабочихъ, сколько ему выгодно, такъ и корпораціи, ростовщики и т. д. стараются привлечь столько фермеровъ въ извѣстную мѣстность, сколько земля можетъ прокормить. Такимъ способомъ изъ извѣстной территоріи добывается весь продуктъ, какой только возможно добыть и эксплуатація становится болѣе интенсивной.

А такъ какъ всѣ способы распространенія свѣдѣній находятся во власти класса эксплуататоровъ, то имъ удалось увѣрить многихъ фермеровъ въ томъ, что ихъ собственные интересы требуютъ подраздѣленія обрабатываемой земли на мелкіе участки. Но нѣкоторые фермеры все-таки поняли въ чемъ дѣло, какъ видно изъ слѣдующаго извлеченія изъ отчета сенатской комиссіи (Senate Committee on Arid Lands, p. 81). Свидѣтели, о которыхъ упоминается въ отчетѣ, явились изъ Колорадо (Курсивъ нашъ):

„Свидѣтели-фермеры, дававшіе показанія предъ комиссіей, почти всѣ были сторонниками крупныхъ фермъ. Съ другой стороны, *промышленники, интересовавшіеся благосостояніемъ штата, люди, дающіе деньги въ долгъ подъ залогъ фермъ, владѣльцы* рвовъ, оросительныхъ каналовъ и другіе отстаивали подраздѣленіе земли на мелкіе участки. Одинъ изъ свидѣтелей въ очень энергичныхъ выраженіяхъ заявилъ, что законъ о гомстедахъ слѣдуетъ измѣнить такъ, чтобы одинъ человѣкъ могъ пріобрѣсти не больше сорока акровъ земли въ безводной области“.

Причины, объясняющія подобное мнѣніе свидѣтеля, весьма интересны. Владѣлецъ „гомстеда“ [1])—говоритъ онъ—обыкновенно человѣкъ бѣдный. Ему приходится брать деньги взаймы и платить большіе проценты для того, чтобы имѣть возможность обрабатывать свою землю, поселиться на ней и пріобрѣсти необходимыя земледѣльческія орудія. Онъ долженъ войти въ долги, чтобы получить воду, и ждать, пока наступитъ время жатвы, чтобы получить какое-нибудь вознагражденіе за свой трудъ и издержки“. Далѣе въ отчетѣ говорится, что такія же „весьма ясныя и убѣдительныя“ показанія далъ и другой свидѣтель, Томасъ Донбаръ, „который занимается ссудой денегъ и оцѣнкой закладываемыхъ земель“.

Здѣсь мы находимъ яркое и рѣзкое проявленіе „классовой борьбы“; какъ всегда, имущій классъ оказывается правымъ предъ судомъ общественнаго мнѣнія, и всякія усилія употребляются для того, чтобы ограничить величину фермъ. Въ то же самое время тѣ люди, которые утверждаютъ, что дѣйствіе закона индустріальной концентраціи не проявляется въ сферѣ сельскаго хозяйства, указываютъ на эти искусственно созданныя условія, какъ на доказательство живучести мелкаго фермера, и даже выводятъ заключеніе, что именно эта живучесть есть доказательство экономическаго превосходства мелкой фермы надъ крупной. Но когда сами крупныя корпораціи забираются въ сферу „ирригаціоннаго“ земледѣлія,—что становится съ каждымъ днемъ все болѣе обыкновеннымъ явленіемъ,—имъ нисколько не мѣшаютъ тѣ доктрины, касающіяся мелкой собственности, которыя онѣ такъ усердно проповѣдуютъ. Эти абстрактныя экономическія теоріи касаются ихъ столько же, сколько абстрактныя моральныя теоріи, которыя представители корпораціи проповѣдуютъ съ тысячъ кафедръ въ Америкѣ. Всѣ эти теоріи предназначаются только для рабочихъ, но не имѣютъ никакого значенія тамъ, гдѣ дѣло идетъ о сдѣлкахъ между крупными корпораціями.

---

[1]) Гомстедъ—участокъ земли въ 160 акровъ (60 десятинъ), который поселенецъ могъ получить отъ правительства въ незаселенныхъ раіонахъ. *Прим. пер.*

Итакъ, мы видимъ, что фермы безводныхъ областей проходятъ по пути эволюціи, которая походитъ на эволюцію въ фабричной промышленности больше, чѣмъ какая-либо другая отрасль сельскаго хозяйства. Согласно даннымъ переписи 1890 г., средняя площадь фермы безводной области равнялась 67 акрамъ, т. е. была почти вдвое меньше средней площади фермы влажныхъ мѣстностей; но одна десятая всего числа фермъ занимала половину всей площади искусственно орошаемой земли, при чемъ площадь каждой фермы равнялась среднимъ числомъ 392 акрамъ; другую же половину занимали остальныя девять десятыхъ всего числа фермъ, при чемъ площадь каждой равнялась, среднимъ числомъ, всего 37 акрамъ; наконецъ, всего 411 человѣкъ, т. е. 0,75% всего числа фермеровъ, владѣли 19,94% всей площади земли [1]).

Вся эта концентрація—сравнительно недавно свершившійся фактъ. Первыя „ирригаціонныя“ общины возникли въ Ютѣ и Колорадо и состояли изъ группъ небольшихъ фермъ, организованныхъ на кооперативныхъ началахъ. Но теперь крупныя ирригаціонныя и земельныя компаніи, особенно въ Калифорніи, захватываютъ тысячи акровъ земли въ мѣстностяхъ съ искусственнымъ орошеніемъ, и на этихъ-то фермахъ стоимость пшеницы равняется всего тремъ центамъ за бушель, или даже меньше, согласно отчету „бюро труда“ о ручномъ и машинномъ трудѣ (United States Bureau of Labor Report on Hand and Machine Labor). Тамъ имѣется достаточно такой земли, чтобы снабжать пшеницей весь міръ, если только примѣнять интенсивные методы обработки [2]). Если эта земля будетъ воздѣлана, то, при

---

[1]) United States Census, 1890, Vol 40, „Agriculture by Irrigation“ p. 6—7.

[2]) „Agriculture Gear Book 1898 г.“, The public doncain of the United States“, Max West, p. 328. „Количество земли, которую возможно будетъ оросить, различными авторитетами опредѣлялось разно; крупнѣйшими авторитетами по безводному раіону является маіоръ Д. В. Поуэлъ, бывшій директоръ геологическаго бюро и г. Ф. Х. Д. Ньюэлъ, главный гидрографъ этого бюро. Маіоръ Поуэлъ дѣлаетъ предположеніе, что пространство въ 150.000 кв. миль, или 96.000.000 акровъ можетъ быть завоевано для земледѣльческихъ цѣлей теперешнимъ поколѣніемъ. Передъ комиссіей конгресса онъ заявилъ, что при помощи однихъ постоянныхъ потоковъ можно

современной конкурентной системѣ, фермеры, сѣющіе пшеницу при менѣе благопріятныхъ условіяхъ, неизбѣжно разорятся. Фермеры, сѣющіе пшеницу въ Иллинойсѣ и центрально-западныхъ штатахъ, будутъ такъ же безпомощны въ этой борьбѣ, какъ безпомощны были ново-англійскіе фермеры, сѣявшіе пшеницу, въ борьбѣ съ фермерами прерій. Съ другой стороны, если бы труженики (подъ этимъ терминомъ мы подразумѣваемъ всѣхъ, кто способствуетъ созиданію богатствъ, работая физически или умственно, въ полѣ, на фабрикѣ или въ конторѣ), дѣйствительно, распоряжались государственнымъ механизмомъ и владѣли землей, каналами, резервуарами и земледѣльческими машинами, и земля эта была бы воздѣлана при такихъ условіяхъ— это значило бы, что люди, воздѣлывающіе пшеницу, овесъ, ячмень и другіе необходимые продукты, могли бы пользоваться самой лучшей землей и наиболѣе усовершенствованными машинами; такимъ образомъ, столько же рабочихъ, сколько занято теперь производствомъ этихъ продуктовъ, могли бы произвести то же самое количество продукта, что и теперь, но работая всего часъ въ день, т. е. работая пятьдесятъ дней въ году—во время посѣва и жатвы—по шести часовъ въ день, они могли бы отдыхать остальное время и все-таки производить столько продукта, сколько потребляется теперь.

Постараемся избѣжать всякихъ недоразумѣній и объяснить положеніе дѣлъ. Эти необыкновенно плодо-

---

оросить 100.000.000 акровъ. Г. Ньюэлъ опредѣляетъ, допускающее ирригаціи пространство въ 74.000.000, или 7,6% всей поверхности 16 западныхъ штатовъ и территорій, имѣющихъ государственныя земли. Эта оцѣнка очень осторожна и въ ней приняты въ соображеніе какъ финансовые, такъ и техническіе разсчеты; она сдѣлана съ разсчетомъ не на отдаленное будущее, а только на то, что можетъ быть выгодно, и потому практично въ жизни настоящаго поколѣнія". Выше показано было, что другіе авторитеты увеличиваютъ эту оцѣнку въ 10 разъ; но если мы вспомнимъ, что вся площадь посѣва подъ пшеницей въ 1900 г. въ Соединенныхъ Штатахъ была 42.495.385 акровъ, и средній урожай всего лишь 12,3 бушелей съ акра, въ то время, какъ орошенная земля давала въ среднемъ 35 бушелей съ акра, то огромное значеніе этой добавочной площади станетъ яснымъ, даже если мы примемъ наименьшую оцѣнку размѣровъ этой площади.

родныя, но безводныя мѣстности во всякомъ случаѣ будутъ открыты поселенцамъ.

Мелкіе фермеры этихъ мѣстностей цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ посылали петиціи въ конгрессъ, прося правительство построить резервуары и прорыть канавы, но оно оставалось глухо къ ихъ мольбамъ. Затѣмъ, какъ мы знаемъ, образовались крупныя земельныя компаніи; онѣ обратились къ своему правительству, находящемуся подъ контролемъ представителей ихъ класса, съ просьбой о національной помощи; въ настоящее время достовѣрно извѣстно, что эта помощь имъ будетъ оказана [1]).

Если же земли будутъ воздѣланы при капиталистической, конкурентной системѣ, что теперь стало весьма вѣроятно, каждый шагъ этого процесса будетъ сопровождаться человѣческими страданіями, и когда этотъ процессъ будетъ вполнѣ законченъ, фермеры этой территоріи будутъ фактически вассалами владѣльцевъ воды и путей сообщенія; кромѣ того, этотъ процессъ будетъ совершаться нерасчетливо, неразумно, съ различными колебаніями, если только этого будутъ требовать частные интересы.

При кооперативной организаціи индустріи, когда власть будетъ находиться въ рукахъ производителей, національное правительство возьметъ на себя задачу постройки большихъ резервуаровъ въ горахъ и главныхъ каналовъ; земля же, меньшіе каналы и болѣе дорогія машины будутъ, вѣроятно, принадлежать болѣе мелкимъ индустріальнымъ группамъ, которыя будутъ наблюдать за тѣмъ, чтобы обработка земли производилась по самымъ усовершенствованнымъ методамъ, съ помощью самыхъ лучшихъ машинъ, и, что всего важ-

---

[1]) Мы не измѣнили текста, оставивъ все такъ, какъ было напечатано въ первомъ изданіи книги; но съ тѣхъ поръ федеральное правительство стало проявлять свою дѣятельность на этомъ поприщѣ въ очень большихъ размѣрахъ. Соціалисты будутъ привѣтствовать это движеніе, какъ подготовительную степень къ тому времени, когда правительство будетъ подъ контролемъ рабочихъ, которые будутъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что теперь устраивается для своихъ собственныхъ выгодъ. Но до тѣхъ поръ всѣми выгодами этихъ „новыхъ“ земель будутъ пользоваться только владѣльцы желѣзныхъ дорогъ, элеваторовъ и складовъ и другіе капиталисты, которымъ случайно достанется часть „добычи“.

нѣе, весь продуктъ *будетъ принадлежать тѣмъ, кто созидаетъ богатства.* Населеніе будетъ распредѣляться небольшими группами, которыя будутъ пользоваться еще бо́льшими удобствами, чѣмъ тѣ, которыя мы описывали раньше и которыми теперь пользуется только населеніе наиболѣе цвѣтущихъ округовъ. Короче говоря, разумъ и знанія будутъ примѣняться въ такихъ размѣрахъ, которые будутъ соотвѣтствовать размѣрамъ самаго предпріятія, и само оно будетъ считаться только частью одной громадной индустріальной системы, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ дѣло будетъ касаться распространенія свѣдѣній и указаній.

Единственная земля, которая можетъ сравниться съ безводной областью по своему плодородію и легкости обработки, это—земля „наноснаго“ пояса, въ особенности около устья Миссисипи. Жители этой территоріи въ настоящее время постоянно подвергаются опасности, отъ наводненій и лихорадокъ. Когда вешнія воды будутъ задержаны въ верховьяхъ рѣкъ, и будутъ постепенно утилизироваться въ цѣляхъ ирригаціи, тогда станетъ возможнымъ примѣненіе разумныхъ кооперативныхъ методовъ и къ этимъ мѣстностямъ [1]).

Свыше 100.000.000 долларовъ было затрачено въ нижней долинѣ Миссисипи на постройку плотинъ и дамбъ и на всякія другія попытки предотвратить наводненія [1]). Если бы эта сумма была затрачена на резервуары, облѣсеніе и ирригаціонныя работы, долины

---

[1]) Журналъ „Irrigation Age“, за май 1901 г., обсуждая въ передовой статьѣ штаты Миссисипской долины, говоритъ: „Раіонъ, подверженный наводненіямъ и нуждающійся въ предохранительныхъ постройкахъ, обнимаетъ 20.000.000 акровъ. Если бы половина суммы, истраченной на то, чтобы предупредить наводненія, была использована на ирригаціонныя работы, 20.000.000 акровъ, представляющихъ теперь незаселенные пустыри, превратились бы въ плодородныя поля съ процвѣтающимъ населеніемъ“.

[2]) См. въ томъ же журналѣ статью генерала Н. А. Майлоса. Федеральное правительство до 30 іюня 1900 г. уже ассигновало на нужды комиссіи, завѣдующей рѣкой Миссисипи—37.640.780 долларовъ—изъ которой суммы 15.403.901 долларъ было истрачено на молы. Къ этой суммѣ нужно прибавить 15.000.000 долларовъ, истраченныхъ отдѣльными штатами. Въ общемъ, слѣдовательно, 31.000.000 долларовъ было истрачено на то, чтобы удержать въ границахъ массу живительной жидкости, текущей съ горы, пока она не теряется, безъ всякой пользы, въ великомъ океанѣ.

были бы гораздо лучше защищены, и огромная пустыня превратилась бы въ цвѣтущій садъ. Но конгрессъ, какъ всегда, руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ интересами крупныхъ капиталистовъ, представителями которыхъ въ это время были торговцы хлопкомъ, владѣльцы закладныхъ и пароходныя компаніи Юга. Въ настоящее время крупныя ирригаціонныя компаніи и западныя желѣзныя дороги начинаютъ захватывать земли, которыя нуждаются въ ирригаціи, и конгрессъ начинаетъ обращать на это вниманіе. Но до тѣхъ поръ, пока конгрессъ не будетъ состоять изъ представителей рабочаго класса, онъ всегда будетъ дѣйствовать въ интересахъ крупныхъ собственниковъ и нисколько не облегчитъ положенія фермеровъ, батраковъ и какихъ бы то ни было производителей.

Компетентные люди заявляютъ, что весь хлопокъ, нужный для мірового рынка, можетъ быть культивированъ въ дельтѣ Язу рѣки Миссисипи, и тамъ, такъ же какъ и въ безводныхъ областяхъ, возможно выгодное употребленіе паровыхъ плуговъ и примѣненіе машинъ во всѣхъ стадіяхъ процесса производства въ гораздо большей степени, чѣмъ въ какой-либо другой мѣстности. Земля тамъ такъ плодородна, что фермеры могутъ жить въ небольшихъ городкахъ и пользоваться всѣми удобствами города и свободой и комфортомъ деревенской жизни. Въ настоящее время большая часть этой плодородной наносной земли остается невоздѣланной, благодаря наводненіямъ, въ то время, какъ тысячи семействъ ведутъ изолированную жалкую жизнь невѣжественныхъ рабовъ, стараясь культивировать хлопокъ въ болѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ Юга.

Статистическія данныя отчета „Комиссіи труда“ о ручномъ и машинномъ трудѣ могутъ дать намъ нѣкоторое понятіе о томъ, сколько человѣческаго труда и энергіи можно сохранить при употребленіи новѣйшихъ усовершенствованныхъ машинъ въ вышеупомянутыхъ мѣстностяхъ. Въ отчетѣ говорится, что въ настоящее время возможно добывать хлопокъ по 0,9 цента за фунтъ (точнѣе выражаясь по 00.942 за фунтъ). Пусть призадумаются надъ этими цифрами всѣ тѣ, которые работаютъ денно и нощно съ своими женами и дѣтьми, выбиваясь изъ силъ, чтобы сохранить душу въ тѣлѣ и

уплатить долгъ, который лежитъ на орудіяхъ, на землѣ и даже на будущемъ урожаѣ хлопка, который стоитъ имъ отъ 7 до 9 центовъ за фунтъ. Въ слѣдующемъ извлеченіи изъ книги одного изъ лучшихъ авторитетовъ по вопросу о культурѣ хлопка, мы находимъ еще одно указаніе на то, сколько человѣческой энергіи можно было бы сохранить и сколькихъ человѣческихъ страданій можно было бы избѣгнуть.

„Изъ тщательно подобраннаго матеріала, собраннаго въ различныхъ штатахъ, авторъ выводитъ заключеніе, что во время средняго урожая стоимость хлопка равняется среднимъ числомъ 5 центамъ за фунтъ, включая всѣ расходы. На мелкой фермѣ, которая управляется очень плохо и поэтому даетъ меньшее количество хлопка съ каждаго акра, стоимость хлопка иногда достигаетъ 10 центовъ за фунтъ; на большой фермѣ, гдѣ земля хорошо воздѣлана, гдѣ употребляются удобрители и наилучшія машины, можно добывать хлопокъ съ меньшей затратой, чѣмъ 5 центовъ на фунтъ“ [1]). Хотя это вычисленіе включаетъ въ себѣ также и стоимость очистки хлопка и доставки на рынокъ, авторъ, очевидно, все еще не вполнѣ уяснилъ себѣ, какія громадныя сбереженія могутъ быть сдѣланы при употребленіи усовершенствованныхъ машинъ на такой землѣ, которая даетъ по двѣ кипы хлопка (или даже больше) съ каждаго акра.

Слѣдующая цитата изъ того же самаго труда объяснитъ намъ, куда при современной системѣ дѣвается часть напрасно затраченнаго труда. „Арендная плата за землю хлопчатобумажныхъ фермъ, уплачиваемая наличными, кажется нѣсколько высокой; такъ, напримѣръ, земля, стоимостью отъ 5 до 6 долл. за акръ, сдается въ аренду по 2 долл. 50 цент. за акръ, земля, стоимостью въ 4 долл. за акръ, сдается по 2 долл., а земля, стоимостью въ 10 долл. за акръ—по 4 долл. за акръ. Большая часть хлопка добывается на мелкихъ фермахъ, которыя обрабатываются самимъ фермеромъ и его семьей, съ помощью одного или двухъ муловъ. Эта система обработки сопровождается излишней тратой труда, и, слѣдовательно, повышеніемъ стоимости фунта хлопка. Вы-

[1]) C. P. Brooks—„Cotton“, p. 306.

сокія цѣны на необходимые припасы, покупаемые у мѣстнаго купца, большіе проценты за долгъ и самая задолженность фермера отнимаютъ у него возможность ввести лучшіе методы обработки и отдать этому дѣлу ту энергію и предпріимчивость, которую человѣкъ болѣе независимый употребилъ бы на то, чтобы довести до минимума стоимость обработки хлопка".

Тотъ фактъ, что люди, добывающіе сырой матеріалъ для человѣческой одежды, охотно покидаютъ свои фермы чтобы сдѣлаться рабочими на новооткрытыхъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ Юга, — проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на условія существованія этихъ людей.

Фабрики эти, по всеобщему признанію, крайній предѣлъ всего, что есть ненавистнаго и ужаснаго въ современной системѣ индустріальнаго рабства, но всѣ наблюдатели единогласно утверждаютъ, что положеніе рабочихъ на этихъ бумагопрядильняхъ гораздо лучше ихъ прежняго положенія, какъ фермеровъ.

До тѣхъ поръ, пока будутъ существовать конкуренція и частная монополія этихъ плодородныхъ земель, всѣ эти страданія будутъ неизбѣжны и добываніе хлопка будетъ сопровождаться безполезной тратой труда. Но когда всѣ труженики—на полѣ и на фабрикѣ—соединятся во время подачи голосовъ въ одну партію и установятъ контроль надъ обществомъ, въ которомъ они живутъ и которое существуетъ только благодаря ихъ труду,—они превратятъ эту страшную систему рабства и зависимости отъ владѣльцевъ фабрикъ и закладныхъ въ свободную, творческую работу, и будутъ производить богатство для самихъ себя, при чемъ рабочій день будетъ настолько коротокъ, насколько это окажется возможнымъ при употребленіи усовершенствованныхъ машинъ на плодородной почвѣ.

Утилизація экскрементовъ въ земледѣліи.

Когда исчезнетъ старый гнетъ конкуренціи, когда производство товаровъ будетъ слѣдствіемъ любви къ творческой работѣ и желанія удовлетворить человѣческія потребности, а не слѣдствіемъ ожесточенной борьбы и желанія избѣжать призрака нужды и наполнить измѣнчивый, непостоянный рынокъ—тогда люди не бу-

дутъ вынуждены жить скученно въ большихъ городахъ, какъ теперь. Это будетъ тѣмъ болѣе осуществимо, если наиболѣе плодородныя мѣстности земного шара будутъ обрабатываться раціональнымъ образомъ. Но все-таки городъ еще долгое время будетъ, если и не господствующимъ, то все же очень крупнымъ факторомъ общественнаго устройства, и этотъ фактъ надо будетъ принимать въ соображеніе. Прежде чѣмъ большой городъ приметъ такую форму, которая, строго говоря, не будетъ ни городомъ, ни деревней, но соединитъ въ себѣ лучшія стороны города и деревни,—придется рѣшить нѣкоторые вопросы, касающіеся населенія городовъ и городскихъ предмѣстій. Одинъ изъ нихъ, имѣющій близкое отношеніе къ земледѣлію и поэтому заслуживающій вниманія—это удаленіе городскихъ отбросовъ. Еще Викторъ Гюго въ „Les Miserables“ указывалъ на тѣ крупныя соціальныя потери, которыя являются результатомъ того, что отбросы, которые могли бы служить матеріаломъ для питанія растеній, выбрасываются въ море. Съ тѣхъ поръ, тысячи другихъ писателей, между которыми насчитывается много ученыхъ инженеровъ, протестовали въ своихъ статьяхъ противъ милліонныхъ затратъ на то, чтобы истреблять тотъ матеріалъ, въ которомъ нуждается истощенная земля.

Компетентные люди утверждаютъ, что цѣнность отбросовъ Лондона равняется отъ 1.250.000 до 4.000.000 фунтовъ стерлинговъ ежегодно[1]). Одинъ изслѣдователь заявляетъ, что цѣнность отбросовъ вообще—какъ матеріала для удобренія—равняется 3 цент. за тонну, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грязная вода изъ сточныхъ трубъ стоитъ столько же, если употреблять ее для ирригаціи[2]). Въ то же самое время лучшіе авторитеты по вопросу объ удаленіи отбросовъ и грязной воды заявляютъ, что единственный способъ обезвредить и то и другое—это фильтрація чрезъ почву, а осуществить это можно только съ помощью ихъ утилизаціи въ какой-либо отрасли земледѣлія[3]).

---

[1]) Corfield—„Treatment and Utilization of Sewage“ 3-rd Edition, p. 272.

[2]) U. S. Geological Surkey. „Water Supply and Irrigation Papers, № 3, p. 23.

[3]) Corfield. Jbid, p. 367—8.

До тѣхъ пора пока общество находится подъ контролемъ класса, интересы котораго заключаются въ полученіи прибыли, въ обществѣ не можетъ существовать никакого стремленія установить такое соотношеніе между различными видами человѣческой дѣятельности. Капиталисты большихъ городовъ, занимающіе господствующее положеніе въ обществѣ, стремятся только къ тому, чтобы удаленіе этихъ нечистотъ производилось съ наименьшими для нихъ расходами — въ формѣ налоговъ. Только тогда, когда разумъ и знанія, а не шансы въ слѣпой борьбѣ за прибыль, будутъ руководящей силой экономической организаціи общества, люди будутъ употреблять всѣ усилія на то, чтобы получить наибольшее количество продуктовъ для всѣхъ, при общей работѣ всѣхъ членовъ общества.

Если же мы нѣсколько подольше остановимся на этомъ вопросѣ, мы увидимъ, что утилизація городскихъ отбросовъ въ земледѣліи можетъ занять свое опредѣленное мѣсто въ той системѣ производства, которую мы старались набросать въ главныхъ чертахъ. Мы видѣли, что нѣкоторыя мѣстности приспособлены для воздѣлыванія тѣхъ или другихъ растеній. Это, конечно, не значитъ, что въ будущемъ обществѣ воздѣлываніе этихъ растеній будетъ непремѣнно сосредоточено только въ этихъ мѣстностяхъ; мы вовсе не стараемся нарисовать земледѣльческую утопію, а только указать на нѣкоторые возможные способы сохраненія человѣческой энергіи. Мы лишь желаемъ указать на тѣ отрасли труда, гдѣ возможно примѣненіе раціональныхъ методовъ, если представляется удобный случай и если этому не будутъ мѣшать частныя выгоды.

Если разведеніе зерновыхъ растеній и фруктовъ будетъ сосредоточено въ мѣстностяхъ, гдѣ примѣняется ирригація, а разведеніе хлопка, рису, сахарнаго тростника и тому подобныхъ растеній—на наносныхъ земляхъ по берегамъ рѣкъ, то останутся еще нѣсколько важныхъ отраслей земледѣлія, которымъ, такъ сказать, не было еще отведено мѣста. Самой выдающейся изъ нихъ слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, считать огородничество, т. е. разведеніе овощей, фруктовъ и цвѣтовъ для немедленнаго потребленія. Въ ожиданіи того времени, когда всякій, кто только пожелаетъ, будетъ имѣть достаточно времени

и мѣста, чтобы, въ видѣ отдыха, заниматься разведеніемъ тѣхъ или другихъ изъ этихъ растеній близъ своего жилища—ихъ лучше всего будетъ разводить въ окрестностяхъ большихъ городовъ. Вполнѣ вѣроятно, что потребность въ громадныхъ огородахъ, съ теплицами и парниками, будетъ существовать всегда, и даже теперь замѣчается, что важное значеніе подобныхъ предпріятій все увеличивается. Эти сады и огороды, въ силу многихъ причинъ, должны быть расположены въ ближайшихъ окрестностяхъ крупныхъ центровъ населенія.

Въ этой именно отрасли земледѣлія утилизація городскихъ отбросовъ можетъ найти себѣ широкое примѣненіе. Два главнѣйшихъ измѣнчивыхъ и непостоянныхъ фактора во всѣхъ отрасляхъ земледѣлія — суть природныя особенности почвы и климата. При утилизаціи отбросовъ природныя свойства почвы теряютъ почти всякое значеніе; опыты, производившіеся даже на пустыряхъ и песчаныхъ отмеляхъ, увѣнчивались блестящимъ успѣхомъ[1]). Въ этой отрасли земледѣлія наука сдѣлала свои крупнѣйшія открытія. При подобныхъ обстоятельствахъ возможны такіе обильные урожаи, которые покажутся почти невѣроятными. Благодаря примѣненію пара, электричества и стекла, работа этихъ садовниковъ и огородниковъ нисколько не будетъ зависѣть отъ теплоты, свѣта и температуры и будетъ, быть можетъ, наиболѣе пріятной изъ всѣхъ работъ въ кооперативномъ обществѣ.

Лѣсоводство.

Какъ мы уже упоминали въ одной изъ предыдущихъ главъ, лѣсъ въ Америкѣ еще сравнительно недавно считался препятствіемъ, которое слѣдовало преодолѣть. Въ восточныхъ и центральныхъ штатахъ обработка лѣсныхъ продуктовъ долгое время была важнѣйшей побочной индустріей среди фермеровъ и служила источ-

---

[1]) Кропоткинъ въ своей книгѣ — „Поля, фабрики и мастерскія“ (Field, Factory and Workshop) приводитъ примѣры возможнаго примѣненія стеклянныхъ крышъ въ огородничествѣ и садоводствѣ. См. также Corfield—„Treatment and Utilization of Sewage“, p. 376—446 и King „Irrigation Farming“.

никомъ дохода и занятій въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ. Продукты „лѣсного участка“ доставляли матеріалъ для построекъ и для изгородей, и, такимъ образомъ, фермеръ въ этомъ отношеніи былъ совершенно независимъ отъ внѣшняго міра. Стоимость этихъ матеріаловъ была самая ничтожная, и важное значеніе этого факта для быстраго прогресса Америки врядъ ли можетъ быть преувеличено. Въ настоящее время истребленіе лѣсовъ приняло такіе громадные размѣры, что всѣ начинаютъ сознавать, что если не будутъ приняты мѣры для прекращенія этой безразсудной растраты естественныхъ богатствъ, которая неразлучна съ конкуренціей и частной собственностью,— Америка въ скоромъ времени обратится въ безлѣсную пустыню [1]). Хвойные лѣса, которые когда-то покрывали холмы и долины Новой Англіи и всю центральную часть Соединенныхъ Штатовъ, и которымъ, казалось, не было границъ,— почти всѣ исчезли, если не считать нѣкоторыхъ недоступныхъ и гористыхъ мѣстностей, гдѣ пришлось обратиться къ помощи штата центральнаго правительства, чтобы остановить дальнѣйшее истребленіе.

Результаты этой самоубійственной политики таковы, что цѣлые штаты, когда-то считавшіеся наиболѣе плодородными, теперь превращаются въ безводныя пустыни. Отзывается ли вырубка лѣсовъ на количествѣ ежегодныхъ атмосферныхъ осадковъ, или нѣтъ—это вопросъ спорный, но несомнѣнно то, что она препятствуетъ сохраненію падающей влаги. Корни и листья деревьевъ поглощаютъ и сохраняютъ влагу до извѣстнаго времени, но съ исчезновеніемъ лѣсовъ вода, въ которой лѣтомъ такъ нуждаются засѣянныя поля, быстро несется по направленію къ океану, размывая обнаженные и безплодные склоны холмовъ и въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи превращая рѣки въ могучіе, шумные потоки, несущіе смерть и разореніе. Въ то же самое время изсохшая, обнаженная земля совершенно лишена влаги, ключи изсякаютъ, маленькія рѣчки высыхаютъ и даже большія рѣки скоро превращаются изъ бурныхъ разрушительныхъ потоковъ въ ряды мелкихъ стоячихъ

---

[1]) Статья „Лѣсоводство“ въ Current Encyclopedia.

лужъ, непригодныхъ для судоходства и вредныхъ для здоровья.

Частная иниціатива безсильна остановить этотъ процессъ. Все, что могутъ сдѣлать отдѣльныя лица,—это завести изолированные „лѣсные участки“, которые совершенно безполезны для климатическихъ цѣлей, представляютъ слишкомъ непроизводительно занятое мѣсто по отношенію къ количеству получаемаго продукта и, такъ же какъ изгороди, только мѣшаютъ той кооперативной работѣ, при которой только и возможно пользованіе всѣми плодами человѣческой изобрѣтательности и сокращенію рабочаго дня для фермера. Кромѣ того, уже не разъ было неоспоримо доказано, что деревья для построекъ, имѣющія извѣстную цѣнность съ коммерческой точки зрѣнія, могутъ расти только въ очень большихъ лѣсахъ.

Въ настоящее время правительства штатовъ, такъ же какъ и федеральное, принимаютъ рѣшительныя мѣры для сохраненія лѣсовъ. До 1-го января 1900 г. федеральное правительство забрало въ свои руки 6.708.425 акровъ земли, какъ мѣстные резервы. Штатъ Нью-Іоркъ съ той же цѣлью ограничилъ 1.250.000 акровъ въ Адирдакскихъ горахъ, и 1.513.592 акра лѣсу, принадлежащаго частнымъ лицамъ, также находятся подъ наблюденіемъ правительственныхъ лѣсничихъ, которые должны заботиться о его сохраненіи. Почти весь этотъ лѣсъ принадлежитъ нѣсколькимъ крупнымъ землевладѣльцамъ, которые такимъ образомъ пользуются всѣми выгодами правительственной помощи[1]).

Пока конечной цѣлью этихъ заботъ будетъ только сохраненіе лѣсовъ, то вполнѣ вѣроятно, что правительство—даже при существованіи классовыхъ интересовъ—принесетъ больше пользы и меньше вреда на этомъ поприщѣ, чѣмъ на какомъ-либо другомъ. Но наступитъ время, когда люди захотятъ пожать плоды своего труда, когда дѣло коснется эксплуатаціи лѣсовъ, и тогда, если только будутъ еще существовать капитализмъ и частная собственность, снова повторится исторія хвойныхъ лѣсовъ Висконсина, Миннесоты и Мичигана. Нѣсколько

[1]) Agricultural Jear Book, 1899. «Progress of Forestry», p. 297, 299-302.

милліонеровъ превратятся въ билліонеровъ, а тѣ люди, трудъ которыхъ сдѣлалъ деревья пригодными для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, получатъ, какъ всегда, вознагражденіе рабовъ, привыкшихъ къ жалкимъ жилищамъ и грубой пищѣ.

Съ другой стороны, если лѣса будутъ находиться подъ управленіемъ тѣхъ, которые будутъ тамъ работать, то при раціональномъ веденіи дѣлъ возможно будетъ дѣлать громадныя сбереженія въ человѣческомъ трудѣ и получать большее количество продуктовъ. Одинъ изъ лучшихъ авторитетовъ по этому вопросу пишетъ по этому поводу слѣдующее: „Можно съ увѣренностью сказать, что въ будущемъ, когда большинство американскихъ лѣсовъ будетъ тщательно культивироваться, ежегодное количество лѣсныхъ продуктовъ будетъ гораздо больше, чѣмъ въ настоящее время, хотя площадь лѣсовъ будетъ гораздо меньше“[1]). Кромѣ того, участки земли, которые будутъ употребляться для разведенія лѣсовъ, будутъ, вѣроятно, такіе, которые окажутся непригодными для какой-либо другой отрасли земледѣлія; благодаря своей природной красотѣ и живописности, участки эти, въ формѣ парковъ, будутъ служить для народа мѣстомъ отдыха и развлеченія.

При раціональномъ и бережливомъ управленіи и примѣненіи наиболѣе усовершенствованныхъ орудій въ процессѣ заготовленія лѣса для разныхъ подѣлокъ, можно будетъ добывать необходимое количество дерева съ несравненно меньшей затратой труда, чѣмъ въ настоящее время, и такъ какъ весь продуктъ будетъ принадлежать работникамъ, то доля каждаго изъ нихъ будетъ во много разъ превышать ту, которую онъ получаетъ теперь.

Скотоводство и молочное хозяйство даютъ наилучшіе результаты въ болѣе высокихъ и сухихъ мѣстностяхъ, и, при надлежащей организаціи общества, въ этихъ отрасляхъ сельскаго хозяйства явится сильная тенденція къ концентраціи. Въ связи съ этимъ слѣдуетъ замѣтить, что положеніе этихъ отраслей сельскаго хозяйства въ Америкѣ, такъ же какъ и положеніе ирригаціи и лѣсоводства, быстро близится къ кризису. Крупныя

---

[1]) Brunken –„North American Forests“ p. 135.

компаніи, занимающіяся скотоводствомъ, много лѣтъ безплатно пользовались землями, принадлежащими правительству. Въ настоящее время число головъ скота превышаетъ количество пастбищной земли, и со всѣхъ сторонъ раздаются требованія, чтобы эта льгота, которую правительство даетъ нѣсколькимъ крупнымъ капиталистамъ, давалась имъ и впредь на основаніи законнаго договора. Что именно будетъ сдѣлано въ этомъ отношеніи—сказать трудно, но достовѣрно только одно: что бы ни было сдѣлано, это не будетъ сдѣлано въ интересахъ производителей, если они не постараются заявить о своихъ правахъ и желаніяхъ у избирательныхъ ящиковъ.

ГЛАВА IV.

Методъ осуществленія идеала.

Во-первыхъ, мы желали бы снова обратить вниманіе читателя на то, что все вышесказанное—только указанія на возможное и вѣроятное направленіе соціальной эволюціи. Эти указанія не слѣдуетъ считать подробностями опредѣленнаго плана, который соціалисты, когда они будутъ у власти, будутъ отстаивать во что бы то ни стало, несмотря на послѣдствія или ходъ экономическаго развитія. Философія и программа соціализма—суть не что иное, какъ цѣлый рядъ заключеній, основанныхъ на наблюденіи соціальныхъ фактовъ; какъ только появляются какіе-нибудь новые факты, они должны быть приняты во вниманіе, и, если это необходимо, самыя заключенія должны измѣниться. Но та прозорливость, благодаря которой соціалисты могли съ самаго начала конкурентной системы предвидѣть ея конецъ, даетъ имъ право съ увѣренностью говорить о будущемъ. Все, что здѣсь было сказано по отношенію къ вѣроятному ходу общественнаго развитія, — есть только логическій выводъ, основанный на анализѣ современныхъ условій. Намъ кажется, что всякій, кто

серьезно задумается надъ этимъ вопросомъ, долженъ будетъ согласиться, что такое будущее слѣдуетъ предпочесть нашему настоящему и что стоитъ употребить всѣ возможныя усилія, чтобы ускорить его наступленіе, и поэтому наиболѣе важнымъ вопросомъ будетъ слѣдующій: какія мѣры необходимо принять для того, чтобы ускорить процессъ соціальной эволюціи?

Мы уже неоднократно старались доказать, что первымъ шагомъ въ этомъ направленіи должна быть организація фермеровъ и фабричныхъ рабочихъ въ одну политическую партію съ цѣлью пріобрѣтенія политической власти. Пока это не будетъ сдѣлано, пока производители не установятъ дѣйствительнаго контроля надъ правительствомъ, дѣйствія правительства не будутъ представлять большого интереса для фермеровъ и рабочихъ.

Разъ такой контроль будетъ установленъ, разъ соціалисты будутъ стоять у власти, (а они не могутъ надѣяться на достиженіе какихъ-либо результатовъ раньше этого), они будутъ пользоваться ею—будетъ ли это правительство штата, національное или мѣстное—въ интересахъ созидателей богатствъ. Тогда только, въ первый разъ въ исторіи человѣчества, представится возможность разумно выбрать наиболѣе желательныя мѣры для общаго блага. Въ настоящее время наиболѣе важный вопросъ для всякаго правительства заключается не въ томъ, чтобы продукты добывались съ наименьшей затратой человѣческихъ силъ, а въ томъ, чтобы капиталистическій классъ могъ получить наибольшую сумму прибыли.

Каковы бы ни были тѣ мѣры, которыя приметъ соціалистическое правительство по отношенію къ крупнымъ промышленнымъ предпріятіямъ,—въ насильственной экспропріаціи средняго фермера не будетъ никакой надобности, а слѣдовательно и смысла. Все, чѣмъ онъ владѣетъ теперь, это шансъ работать, и никакое соціалистическое правительство не захочетъ отнять у фермера этого „шанса“. Соціалистическое правительство, конечно, не раздастъ той земли, которой владѣетъ настоящее правительство. Но дѣло въ томъ, что большая часть именно такой земли, которая будетъ наиболѣе

цѣнной и пригодной для кооперативнаго общества, принадлежитъ современному капиталистическому правительству. Земля эта такова, что не поддается обработкѣ отдѣльныхъ фермеровъ, и поэтому вовсе не утилизируется; это особенно справедливо по отношенію къ безводнымъ областямъ. Милліоны акровъ наиболѣе плодородной земли въ Америкѣ лежатъ нетронутые ни плугомъ, ни даже цѣпью землемѣра, въ ожиданіи того времени, когда будутъ приняты надлежащія мѣры для ихъ ирригаціи. Крупные капиталисты уже и теперь стараются завладѣть этими землями, чтобы сдѣлать изъ нихъ орудіе эксплуатаціи будущаго поколѣнія фермеровъ; они требуютъ, чтобы правительство, которое находится подъ контролемъ представителей ихъ класса, предприняло всѣ работы по ирригаціи, выгодами которыхъ будутъ пользоваться немногіе крупные землевладѣльцы [2]). Надлежащее регулированіе разливовъ рѣкъ дастъ возможность утилизировать обширныя пространства наносной земли, а такъ какъ эта земля будетъ, такъ сказать, создана самимъ обществомъ, то она безъ всякихъ юридическихъ формальностей сдѣлается коллективной собственностью. Восемь милліоновъ [1]) акровъ лѣсу, который въ настоящее время принадлежитъ національному правительству и правительствамъ различныхъ штатовъ, послужатъ основаніемъ будущаго отдѣленія лѣсоводства. Вокругъ каждаго большого города находятся обширные участки пустопорожней земли, которые служатъ лишь тому, чтобы передать въ частныя руки добавочную цѣнность, являющуюся результатомъ труда другихъ людей. Владѣльцы этой земли, еще менѣе обыкновенныхъ капиталистовъ промышленности, отвѣтственны за созданіе огромныхъ цѣнностей, которыя теперь находятся въ частной собственности. Благодаря тому, что они владѣютъ этими участками, естественный ростъ города задерживается, что ведетъ къ скученности городского населенія въ нездоровыхъ, тѣсныхъ домахъ. Невозможно предположить, что такія

[1]) Мы оставили здѣсь текстъ безъ измѣненій, какъ доказательство того, что общественное развитіе шло именно такимъ путемъ, какъ было предсказано въ первомъ изданіи книги.

[2]) Въ настоящее время (по выходѣ второго изданія книги, въ 1903 г.) 60.162.525 акровъ.

условія продолжали бы существовать и при соціалистическомъ правительствѣ. Экспропріація этихъ землевладѣльцевъ могла бы доставить населенію территорію, необходимую для развитія той системы огородничества и садоводства, которую мы описывали въ предыдущей главѣ.

Таковы вполнѣ вѣроятные и естественные пути эволюціи, при помощи которой возможно установить соотношеніе между различными видами человѣческой дѣятельности, описанными въ предыдущей главѣ. Въ каждой отрасли земледѣлія, описанной въ этой главѣ, введеніе кооперативнаго начала будетъ вполнѣ возможно, какъ только государственный механизмъ перейдетъ въ руки рабочихъ. При этомъ будутъ введены наиболѣе усовершенствованные методы производства; и весь продуктъ будетъ принадлежать производителямъ, слѣдовательно, если производство въ крупныхъ размѣрахъ болѣе выгодно, рабочіе въ этихъ индустріяхъ будутъ получать за свой трудъ гораздо большее вознагражденіе, чѣмъ „владѣльцы“ маленькихъ, обремененныхъ долгами фермъ. При такихъ условіяхъ они очень скоро захотятъ уступить свою призрачную „частную собственность“, чтобы имѣть возможность пользоваться преимуществами соціализированной индустріи.

Какъ далеко зайдетъ процессъ превращенія частной собственности въ коллективную—мы не беремся предсказать, мы глубоко увѣрены, что въ концѣ концовъ большая экономія и превосходство коллективнаго процесса производства возбудятъ во всѣхъ частныхъ владѣльцахъ фермъ стремленіе къ участію въ выгодахъ этого процесса. Относительно нѣкоторыхъ вопросовъ можно высказать болѣе опредѣленное мнѣніе. Наемные работники не захотятъ остаться на частныхъ фермахъ, если, при вступленіи въ кооперативное общество, они будутъ имѣть возможность получать все, что произведутъ. Съ одной стороны, это сразу уничтожитъ громадныя фермы, а съ другой,—дастъ возможность сыновьямъ и дочерямъ теперешняго поколѣнія фермеровъ разсчитывать на лучшую участь, чѣмъ индустріальное рабство. Что касается арендованныхъ и заложенныхъ фермъ, то результаты и въ этомъ случаѣ будутъ тѣ же самые. Рабочіе на этихъ фермахъ не захотятъ отказаться отъ

извѣстной части продукта, если на общественной фермѣ можно будетъ получить весь продуктъ. Землевладѣльцы и владѣльцы закладныхъ должны будутъ притти къ заключенію, что имущество ихъ не имѣетъ никакой цѣнности, потому что обладаніе этимъ имуществомъ не даетъ имъ права присваивать плоды чужого труда. Они будутъ вынуждены или сами обрабатывать свои фермы, или уступить ихъ обществу для коллективной обработки. Такъ какъ они, вѣроятно, сочтутъ невозможнымъ или нежелательнымъ избрать первое, то вполнѣ очевидно, что соціалистическое правительство въ непродолжительномъ времени пріобрѣтетъ всѣ необходимыя земли.

Соціалисты не связаны никакими опредѣленными, мертвыми формулами, доктринами или планами. Они проповѣдуютъ переходъ капитала въ руки общества только потому, что это есть логическій исходъ, къ которому ведетъ индустріальная концентрація и монополія, и, насколько можно предвидѣть въ настоящее время, представляетъ единственный способъ уничтоженія капитализма. Если, согласно дальнѣйшему ходу экономическаго развитія, окажется, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ индустріи концентрація будетъ невыгодна; если окажется, что въ этихъ отрасляхъ индустріи возможно будетъ уничтожить эксплоатацію и улучшить производство, предоставивъ отдѣльнымъ лицамъ право владѣнія нѣкоторыми орудіями производства,—это нисколько не будетъ противорѣчить принципамъ соціалистической философіи. Есть много отраслей человѣческой дѣятельности, гдѣ частная собственность, конечно, сохранится; ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не подумаетъ, что, напримѣръ, кисть художника, перо писателя, мастерскія, въ которыхъ они работаютъ, также должны сдѣлаться общественной собственностью. Переходъ орудій производства и распредѣленія во власть общества имѣетъ своей цѣлью увеличеніе количества продукта и прекращеніе эксплоатаціи, а не удовлетвореніе требованій какого-нибудь плана соціальнаго переустройства.

Правительство, которое явится представителемъ интересовъ и идей производителей цѣнностей, будетъ, конечно, употреблять всю свою власть на пользу и благо того класса, представителемъ котораго оно будетъ слу-

жить. Такое правительство, конечно, немедленно позаботится о переходѣ въ общественное владѣніе всѣхъ средствъ транспортированія, храненія и распредѣленія товаровъ. Это поведетъ къ исчезновенію всякихъ агентовъ и посредниковъ, и работникъ общественной фабрики или рудника вступитъ въ прямое сношеніе съ работникомъ на фермѣ. Что положеніе обоихъ въ значительной степени улучшится, благодаря этому,—вполнѣ очевидно и не требуетъ никакихъ доказательствъ. Соціалистическая организація общества расширитъ свои воспитательныя функціи до такихъ размѣровъ, о которыхъ не смѣетъ и думать никакое современное правительство, самое существованіе котораго въ значительной степени зависитъ отъ невѣжества гражданъ. Образованіе будетъ силой, направленной къ преуспѣянію интересовъ производителей, а не средствомъ распространенія идей, защищающихъ личные интересы правящихъ классовъ. Теперешній департаментъ земледѣлія будетъ значительно расширенъ и превратится въ справочное агентство всего земледѣльческаго класса; это агентство будетъ собирать свѣдѣнія не о состояніи *рынковъ*, а о состояніи *урожаевъ*, и на основаніи этихъ свѣдѣній будетъ составлять смѣты, указывающія на количество и родъ продукта, который долженъ быть посѣянъ, и затѣмъ будетъ разсылать указанія, гдѣ именно эти продукты удобнѣй и выгоднѣй сѣять. Весьма вѣроятно, что фермеры, какъ общественная группа, найдутъ болѣе цѣлесообразнымъ нести сообща всякіе убытки, причиняемые стихійными бѣдствіями, нежели предоставить отдѣльнымъ членамъ этой группы нести ихъ. Большинство такихъ бѣдствій можно было бы предотвратить при помощи раціональныхъ, кооперативныхъ мѣропріятій; это особенно вѣрно по отношенію къ различнымъ вреднымъ насѣкомымъ: такъ, напримѣръ, вредное насѣкомое, которое грозило обезлѣсить весь штатъ Массачусетсъ, было совершенно истреблено [1]).

Весьма вѣроятно, что съ помощью новыхъ методовъ прививки, которые были разработаны департаментами земледѣлія въ различныхъ штатахъ, возможно было бы окончательное истребленіе chinch bug, если бы эти ме-

[1]) Massachussets Agricultural Reports.

тоды примѣнялись въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ это требуется на той обширной территоріи, гдѣ это насѣкомое водится [1]). То же самое вѣрно и по отношенію къ кобылкѣ, которая причиняетъ столько убытковъ фермерамъ „пшеничнаго пояса". Туберкулезъ скота и такъ называемая „blackleg" (ножная болѣзнь овецъ) могутъ быть совершенно уничтожены, если только люди будутъ настолько дальновидны, чтобы бороться противъ этого сообща [2]). Когда эти устранимыя бѣдствія исчезнутъ, и когда тяжесть убытковъ, причиняемыхъ другими бѣдствіями, будетъ падать на такую многочисленную группу людей, что каждый членъ этой группы будетъ въ состояніи очень легко, даже незамѣтно, нести эту тяжесть,—тогда шаткость и неустойчивость фермерской жизни и связанныя съ ними неудобства и страданія совершенно исчезнутъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что можно достигнуть очень многаго, устраивая кооперативныя общества для производства и распредѣленія товаровъ. Мы уже указывали на дѣятельность Грэнджа въ этомъ отношеніи. Неудачи кооперативныхъ обществъ можно до нѣкоторой степени приписывать отсутствію крѣпкой связи, которая давала бы имъ большую устойчивость, и враждебной обстановкѣ, среди которой они должны вести борьбу за существованіе. Въ настоящее время вліяніе кооперації — чисто спорадическое, а результаты ея — очень неопредѣленные. Очень часто цвѣтущее кооперативное предпріятіе рушится, благодаря сильной конкуренціи частнаго предпріятія, владѣлецъ котораго можетъ нѣкоторое время продавать свои товары съ убыткомъ, разсчитывая на то что впослѣдствіи можно будетъ гораздо больше эксплуатировать потребителя. Въ Даніи и Бельгіи, гдѣ соціалисты уже довольно сильны, они такъ успѣшно примѣняютъ систему кооперації среди фермеровъ, что успѣли уже избавить ихъ отъ вліянія нѣкоторыхъ прямыхъ формъ эксплуатаціи. Въ Даніи это движеніе приняло такіе размѣры, что судя

---

[1]) Kansas Agricultural Reports, 1891, p. 184.

[2]) United States Bureau of Animal Industry Fourteenth Report, 1897, p. 15—75. Со времени выхода въ свѣтъ перваго изданія на всѣхъ этихъ поприщахъ были сдѣланы большіе успѣхи.

по послѣднимъ отчетамъ, кооперативныя скотобойни успѣшно конкурируютъ на лондонскихъ рынкахъ съ скотобойнями Чикаго. Важное значеніе этого факта станетъ намъ вполнѣ понятно только тогда, когда мы вспомнимъ, что чикагскія компаніи вытѣснили съ этого рынка всѣхъ другихъ частныхъ конкурентовъ какъ европейскихъ, такъ и американскихъ.

Есть множество другихъ задачъ, исполненіе которыхъ соціалистическое правительство, вѣроятно, возьметъ на себя въ теченіе того періода, который будетъ предшествовать окончательной реорганизаціи общества на кооперативныхъ началахъ. Мы указываемъ на нихъ не какъ на опредѣленные пункты извѣстной программы, но какъ на нѣчто возможное и вѣроятное. При капиталистической системѣ нѣкоторыя изъ нихъ, безъ сомнѣнія, неисполнимы, другія можно осуществить, но безъ особенной пользы для фермера; но ни одна изъ этихъ реформъ, взятая отдѣльно, не можетъ совершенно избавить фермера отъ ига эксплуатирующаго класса.

Мы не упомянули ни объ одной изъ тѣхъ реформъ, главной тенденціей которыхъ служитъ увеличеніе цѣнности земли и укрѣпленіе настоящаго изолированнаго положенія фермера, какъ отдѣльнаго производителя, потому что мы не только не вѣримъ, что въ этомъ заключается его спасеніе, его выходъ изъ теперешняго положенія, но, наоборотъ, мы твердо увѣрены, что всѣ подобныя реформы только будутъ способствовать его большему порабощенію. Всякое движеніе въ этомъ направленіи, какъ, напримѣръ, устройство хорошихъ дорогъ, удешевленіе транспортированія въ деревняхъ, правительственныя ссуды подъ залогъ фермъ, увеличеніе количества денежныхъ знаковъ въ обращеніи и т. д., — все это, въ самомъ лучшемъ случаѣ, будетъ имѣть только временное вліяніе на положеніе фермера. Все это никоимъ образомъ не можетъ уничтожить эксплуатаціи, а пока будетъ существовать эксплуатація вообще, степень ея будетъ всегда такова, что и рабочій, и фермеръ будутъ получать ровно столько, сколько необходимо для поддержанія жизни.

Только при помощи тѣснаго политическаго союза всего рабочаго класса, вооруженнаго программой, требованія которой будутъ согласоваться съ ходомъ со-

ціальной эволюціи,—можно будетъ осуществить тѣ радикальныя и прочныя реформы, цѣлью которыхъ служитъ улучшеніе положенія рабочихъ на фермѣ или на фабрикѣ. До тѣхъ поръ, пока они не поймутъ этого факта, и тѣ и другіе будутъ обречены, въ большей или меньшей степени, на рабскую зависимость отъ тѣхъ людей, которые являются индустріальными и политическими владыками въ современномъ обществѣ. Если эта книга, хотя бы въ самой ничтожной степени, будетъ способствовать возникновенію такого союза и конечной эмансипаціи рабочихъ,—она вполнѣ достигнетъ своей цѣли.

В. Браке. [illegible]
...дъ ред. прив.-доц. Н. А. Рожкова. Ц. [illegible] к.

Исторія „Заговора равныхъ". [illegible]
...Л. [illegible] подъ ред. [illegible] Н. А. Рожкова. Ц. [illegible]

А. Б. Городское самоуправленіе въ Россіи. Ц. [illegible]

Н. Чумаковъ. О [illegible]
5 к.

Робертъ Швейхель. „За свободу". [illegible]
...Пер. О. А. Анossовой. [illegible] Ц. [illegible] к.

Петръ Масловъ. Критика аграрныхъ программъ. [illegible]
...проекта аграрной программы Р. С. Д. Р. П. Ц. [illegible] к.

А. Бебель. Профессіональное движеніе и политическія партіи. Ц. [illegible]

Д. Курскій. Американскій рабочій. Ц. 4 к.

Артемъ К—въ. Какъ рабочимъ [illegible]. Ц. [illegible] к.

Наумовъ. Къ аграрному вопросу въ Россіи. Ц. [illegible] к.

Густавъ Экштейнъ. Рабочее движеніе [illegible]
...ер. съ нѣм. И. [illegible] и С. [illegible]. Ц. [illegible] к.

Киррикъ Левинъ. Первый борецъ за свободу. [illegible] Ц. [illegible] к.

Рабочая библіотека. Составили: [illegible]
Яковлева. Ц. 5 к.

N. N. О пролетарской этикѣ. [illegible]
...нія реалистической философіи. [illegible]
... А. Рожкова. Ц. 15 к.

Этьенъ Бюиссонъ. Всеобщая стачка. Пер. съ франц. [illegible]
...штейна. Ц. 15 к.

К. Каутскій. Потребительныя общества и рабочее движеніе. Пер.
...нѣм. В. Л. Шанцера. Ц. 10 к.

Герцъ (Геризау). Условія труда въ Швейцаріи. [illegible]
...аетова. Ц. 5 к.

Шиппель. Профессіональные союзы. Пер. съ нѣм. [illegible]
Кольцова. Ц. 10 к.

Н. Чумаковъ. О налогахъ. Подъ ред. прив.-доц. Н. А. Рожкова. Ц. [illegible]

И. Полонскій. Мѣстное управленіе въ Англіи. Подъ ред. прив.-доц.
А. Рожкова. Ц. 15 к.

Вандервельдъ. Программа бельгійской рабочей партіи. Ц. [illegible] к.

Андрей Нѣмоевскій. Разсказы изъ рабочей жизни. [illegible]
...ексинскаго. Ц. 10 к.

Лиссагаре. Исторія коммуны 1871 года съ предислов. [illegible]
...р. подъ ред. прив.-доц. Н. А. Рожкова. Ц. [illegible] к.

Гере. Три мѣсяца работникомъ на фабрикѣ. Пер. съ нѣм. [illegible]
...тинова. Ц. 40 к.

Л. Декаевъ Фленго. Майскія воспоминанія 1871 г. Ц. [illegible] к.

А. Луначарскій. Этюды критическіе и полемическіе. [illegible]
1 р. 25 к.

Пролетарій. Соціализмъ „соціалистовъ-революціонеровъ". Ц. [illegible] к.

Кампфмейеръ. Соціалъ-демократія при свѣтѣ культуры. Ц. [illegible] к.

Каутскій и Шейлапикъ. Основныя требованія и положенія [illegible]
...нской с.-д. Пер. съ нѣм. подъ ред. О. А. Анossовой. Ц. [illegible] к.

Стефенсъ. Аграрный соціализмъ въ Бельгіи. [illegible]
Сильвина. Ц. 30 к.

Таганскій. Демократическая республика въ Новой Зеландіи. Ц. [illegible] к.

Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра. [illegible]
20 к.

К. Марксъ. Классовая борьба во Франціи. [illegible]
Л. Шанцера. Ц. 30 к.

В. Браке. Довой социаль-демократовъ! Пер. съ нѣм. Э. Верштейнъ, подъ ред. прив. доц. Н. А. Рожкова. Ц. 5 к.

Исторія „Заговора равныхъ". (Заговоръ Бабефа). Изложено по Девиллю. Л. Жбанковымъ подъ ред. прив.-доц. Н. А. Рожкова. Ц. 15 к.

А. Б. Городское самоуправленіе въ Россіи. Ц. 10 к.

Н. Чумаковъ. О народномъ самоуправленіи въ Новой Зеландіи. Ц. 5 к.

Робертъ Швейхель. „За свободу". Романъ изъ эпохи крестьянскихъ войнъ. Пер. О. А. Аносовой, 456 стр. Ц. 50 к.

Петръ Масловъ. Критика аграрныхъ программъ. Съ приложеніемъ проекта аграрной программы Р. С. Д. Р. П. Ц. 10 к.

А. Бебель. Профессіональное движеніе и политическія партіи. Ц. 5 к.

Д. Курскій. Американскій рабочій. Ц. 4 к.

Артемъ К—въ. Какъ рабочимъ союзы устраивать. Ц. 5 к.

Наумовъ. Къ аграрному вопросу въ Россіи. Ц. 10 к.

Густавъ Экштейнъ. Рабочее движеніе въ современной Японіи. Пер. съ нѣм. И. Бронштейна и С. Семковскаго. Ц. 8 к.

Кирикъ Левинъ. Первый борецъ за свободу. (Радищевъ). Ц. 10 к.

Рабочая библіотека. Составили: Н. Рыковскій, А. Шрагъ, и В. Яковлева. Ц. 5 к.

N. N. О пролетарской этикѣ. (Пролетарское творчество съ точки зрѣнія реалистической философіи). Съ предисл. и подъ ред. прив.-доц. Н. А. Рожкова. Ц. 15 к.

Этьенъ Бюйссонъ. Всеобщая стачка. Пер. съ франц. Сергѣя Волкенштейна. Ц. 15 к.

К. Каутскій. Потребительныя общества и рабочее движеніе. Пер. съ нѣм. В. Л. Шанцера. Ц. 10 к.

Герцъ (Геризау). Условія труда въ Швейцаріи. Перев. съ нѣмец. Плавтова. Ц. 5 к.

Шиппель. Профессіональные союзы. Пер. съ нѣм. съ предислов. Д. Кольцова. Ц. 10 к.

Н. Чумаковъ. О налогахъ. Подъ ред. прив.-доц. Н. А. Рожкова. Ц. 5 к.

И. Полонскій. Мѣстное управленіе въ Англіи. Подъ ред. прив.-доц. Н. А. Рожкова. Ц. 15 к.

Вандервельдъ. Программа бельгійской рабочей партіи. Ц. 3 к.

Андрей Нѣмоевскій. Разсказы изъ рабочей жизни. Пер. и предисл. Алексинскаго. Ц. 10 к.

Лиссагаре. Исторія коммуны 1871 года съ предислов. Мендельсона. Пер. подъ ред. прив.-доц. Н. А. Рожкова. Ц. 80 к.

Герв. Три мѣсяца рабочимъ на фабрикѣ. Пер. съ нѣм. съ предисл. Антонова. Ц. 40 к.

Л. Декаевъ Фленго. Майскія воспоминанія 1871 г. Ц. 3 к.

А. Луначарскій. Этюды критическіе и полемическіе. 410 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Пролетарій. Соціализмъ „соціалистовъ-революціонеровъ". Ц. 10 к.

Кампфмейеръ. Соціаль-демократія при свѣтѣ культуры. Ц. 20 к.

Каутскій и Шепланнъ. Основныя требованія и положеніе Германской с.-д. Пер. съ нѣм. подъ ред. О. А. Аносовой. Ц. 20 к.

Стефенсъ. Аграрный соціализмъ въ Бельгіи. Предисл. и пер. М. Сильвина. Ц. 20 к.

Таганскій. Демократическая республика и Новая Зеландія. Ц. 5 к.

Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра. Пер. Горшенина. Ц. 20 к.

К. Марксъ. Классовая борьба во Франціи. Перев. подъ редакц. В. Л. Шанцера. Ц. 20 к.

Элеонора Маркс. Классовое рабочее движение въ Англіи. Пер. М. Переса. Ц. 10 к.

Штеринъ. Историческій матеріализмъ. Пер. подъ ред. Десницкаго.

Залкиндъ. Исторія русской фабрики. (По Туганъ-Барановскому и др.). Подъ ред. прив.-доц. А. Н. Рожкова.

Минаевъ. 8-часовой рабочій день. Подъ ред. прив.-доц. Н. А. Рожкова. Ц. 10 к.

Лафаргъ. Капиталъ и трудъ. Популярное изложеніе К. Маркса. Пер. Козеренко, подъ ред. Антонова. Ц. 25 к.

Батыревъ. Что такое бюрократія. Ц. 4 к.

В. Канель. Фабричная медицина и бюрократія. Ц. 8 к.

О. Мирбо. Дурные пастыри. Пер. Селюкъ. Ц. 10 к.

Шахназаръянцъ. Крестьянское движеніе и соціаль-демократія въ Грузіи. Ц. 30 к.

В. Либкнехтъ. Изъ исторіи Германіи XIX вѣка. Перев. съ нѣм. подъ ред. И. Степанова. Ц. 25 к.

Дивильковскій. Вольная земля и наше земледѣліе. Ц. 10 к.

Объ анархизмѣ. Переводъ съ нѣм. М. Переса. Ц. 15 к.

Цезарь де Папъ. Организація общественныхъ учрежденій въ будущемъ обществѣ. Ц. 15 к.

Каутскій. Бернштейнъ и соціаль-демократическая программа. Полный пер. съ нѣм. подъ ред. М. Г. Лунца. Ц. 50 к.

Адольфъ Росси. Движеніе въ Сициліи. Пер. Бройдо. Ц. 25 к.

Минаевъ. Изъ исторіи рабочаго класса. Подъ ред. прив.-доц. Н. А. Рожкова. Ц. 10 к.

А. Блюмъ. Какая свобода нужна рабочему классу. О парламентскомъ представительствѣ. Ц. 10 к.

Эрнстъ. Парижская коммуна. Пер. съ французск. Керженцева, подъ ред. С. Я. Цейтлина. Ц. 10 к.

К. Каутскій. Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи. Пер. съ нѣм. Д. І. Ц. 25 к.

Менгеръ. Ученіе о нравственности. Пер. Шутякова. Ц. 20 к.

А. Вольскій (Станиславъ). Къ вопросу о націонализаціи земли. Ц. 25 к.

Каутскій. Интеллигенція и соціаль-демократія. Ц. 10 к.

Додель. Моисей или Дарвинъ. Пер. съ нѣм. Бройдо. Ц. 25 к.

Эленбогенъ. Чего хотятъ соціаль-демократы. Семь лекцій пер. съ нѣм. Г. Котляра. Ц. 30 к.

Зомбартъ. Біографія Энгельса. Пер. Гольдсинъ. Ц. 8 к.

Анатоль Франсъ. Разсказы изъ жизни рабочихъ пер. подъ ред. Фриче.

Лангманъ. Разсказы изъ жизни рабочихъ подъ ред. В. М. Фриче.

Марксъ. Передъ судомъ присяжныхъ. Пер. Гольдсинъ.

Каутскій. Американскій рабочій. Пер. М. Батырева.

Лафаргъ. Причины вѣры въ Бога.

Лассаль. Косвенные налоги.

Курскій. Англійскій рабочій.

Отдѣленіе склада въ **Москвѣ** при книгоиздательствѣ Е. Д. Мягкова **„Народная Мысль“**—Моховая, д. № 14, кв. 15.

Книгопродавцамъ обычная скидка.